

Корнелия Стародуб

Семейный альбом поры Серебряного века

Под общей редакцией
Антонины Шмелёвой

Стародуб Корнелия.

**С77 Семейный альбом поры Серебряного века. / Под ред.
А.Ю. Шмелёвой – М.: ООО "Вариант", 2017 – 176 с., ил.**

Основой этих мемуаров являются личные наблюдения автора, а также факты из жизни близких ей членов семьи, известные по рассказам, письмам, фотографиям и документам. Время действия в ретроспективе - от середины XX до середины XIX вв. В случае необходимости временные рамки расширяются и рассказ уходит в глубь веков. Место действия - Москва, Среднее Поволжье, Вильнюс (Вильно) и сопряжённые с ним территории. Из разрозненных, казалось бы, фактов складывается общая картина того, как большие исторические события отражались на судьбах рядовых членов общества. Возможно, материал этой книги будет интересен генеалогам и краоведам.

Все фотографии (более ста) - из архива Корнелии Стародуб (Гизелевской).

Посвящаю памяти моих незабвенных родителей
Люции Вацлавовны и Вячеслава Александровича
Гизелевских

*Выражаю признательность генеалогу Владимиру
Алексеевичу Понсову и моему племяннику
Анджею Миллеру
за предоставление некоторых фактов*

На титуле – фотография "*В саду мелекесского дома
Богутинских. 1908*"
На 4-ой стороне обложки – "Уличка старого Вильнюса"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предания и были	7
Глава первая	
Из истории древнего рода Пересвет-Солтанов	11
О древности рода.....	11
Восстание 1863-1864 гг. и жизнь семьи.....	22
Замужество Корнелии Пересвет-Солтан	41
Глава вторая	
Молодость моей матери в зловещие времена	59
"Я родом из детства"	59
В доме Трындиных на Большой Лубянке.....	76
В Симбирске во время Гражданской войны.....	81
Встреча в степи.....	91
Снова в Москве	97
Москва - Прага – Москва	101
Глава третья	
"Утраченные иллюзии" моего отца.....	107
Родные пенаты.....	107
Офицер царской армии.....	117
Страшные дни.....	125
Несчастливая семья.....	131
Глава четвертая, последняя	
Братья и сестры, сестры и братья. И все любимые	144
Старшие дети.....	144
Астраханцы и мелекесцы.....	154
Любимые тетушки Чацкие	164
Библиографические заметки	174

Предания и были

В детстве мне очень хотелось иметь бабушку. Дети, с которыми я общалась, порой с небрежной легкостью говорили: "Мы едем в гости к бабушке", или "бабушка вчера испекла пироги", или "а мне не мама, а бабушка на ночь читает сказки" и тому подобное. Мне всего этого тоже очень хотелось, но я твердо знала, что это невозможно, потому что мои бабушки живут очень далеко, где-то "там" и далее следовали для меня абстрактные разъяснения, где находится это "там". Я понимала, что они недостижимы. А с дедушками дело обстояло еще хуже: о них не упоминалось вообще или говорили: "Умерли давно". И я уже вообще сомневалась в их реальном существовании. Я стала прислушиваться к разговорам родителей, потом стала расспрашивать их. Они охотно отвечали, и из тумана вырисовывалась непостоянная картина.

Уже давно нет в живых тех людей, о которых я хочу написать и о которых всегда помню. У моей матери был замечательный дар рассказчицы и она как сагу, балладу, сказку рассказывала мне о своей жизни и жизни моего отца, точнее не всей жизни, а о их молодости и о своих детстве и юности. Они оба родились накануне жестокого XX века: мой отец - в 1895-ом, мама - в 1898-ом г., оба были провинциалами. Она - волжанка, родилась в Астрахани, он - уроженец Вильны (ныне Вильнюс). Мама говорила, что по ее представлению, "настоящая" жизнь у нее была только до революции, а во время революции и после нее жизнь была невероятно мучительной. Отец считал, что его истинная жизнь протекала только лишь в военном училище в Вильне и в годы I-й мировой войны на фронте, а во время революции происходило нечто страшное.

Они принимали участие в Гражданской войне: отец сначала, как большинство офицеров бывшей царской армии, стремился примкнуть к белым, но этого не получилось, и он

оказался на стороне красных, из чего тоже не вышло ничего хорошего. Их судьбы были не похожи на сюжеты советских фильмов, книг, пьес, в которых рассказывалось о том, как прозревшие дворяне восторженно приняли революцию. Я, еще ребенком, выучив наизусть эту семейную сагу, боялась передавать ее кому-либо, чувствуя, что это небезопасно.

Я с самого раннего детства знала о сложной судьбе своих родителей и переживала за их несложившуюся жизнь. От меня решительно ничего не скрывали. Над ними как бы постоянно висел какой-то незримый дамоклов меч, хотя они ничего дурного не сделали, а напротив, были феноменально трудолюбивы, неправдоподобно честны, внимательны и даже нежны к окружающим, пусть и посторонним, людям.

Когда умер мой отец, один наш знакомый сказал: "А ведь это для всех огромное несчастье, что уходят из жизни люди той, уже невозвратимой для нас культуры". Это был 1957-й год - время, не очень располагавшее к размышлениям о значении дореволюционной культуры. Мне запомнились его слова.

Мы были бедны, возможность родителей проявить себя на поприще, о котором они мечтали, была загублена в самом начале. Но хотя мама не стала врачом, а отец инженером-строителем, они по-своему внесли, пусть небольшой, пассивный вклад в развитие общей культуры: они были носителями хороших традиций, манер, этики, эстетики, а люди, которые с ними общались, чувствовали это и лучшее от них перенимали. Их биографии ценны еще и тем, что позволяют под новым углом зрения взглянуть на известные всем события периода революции и Гражданской войны. Также бесценны связанные с ними документы конца XIX, начала XX вв. - с их старомодным слогом и стилем, но у меня их мало, практически нет, все уничтожено. Интересны старинные фотографии, с которых смотрят на нас чистыми, полными надежды глазами дети и юноши начала кровавого XX-го столетия и благородные лица их родителей,

это совсем другие, нежели чем современные, лица. Они не лучшие и не хуже, но другие: жизнь меняется.

В этом сочинении охват исторических событий, к которым были причастны мои предки, достаточно широк: главное - в памяти семьи сохранились рассказы об участии ее членов в польском восстании 1863-1864 гг. и в I-й и II-й мировых и Гражданской войнах. Пусть мои родные были всего лишь скромными участниками, а порой жертвами событий и никак не влияли на их ход, но сами события были столь значительны, что забыть о связи с ними невозможно. Эти записки - не историческое исследование, но и не набор случайных фактов, это правдивые искренние воспоминания, в которых отразилась судьба представителей определенного социально-культурного среза.

Думается, что для более объемного и непристрастного взгляда на историю неплохо познакомиться с жизнью обычных просвещенных людей прошедших лет, совершенно необязательно причастных к искусству. Они были не создателями, а сами того не желая, популяризаторами культуры. Они жили в то самое время, которое многих интересует сейчас - в пору Серебряного века, и нам любопытно узнать, каковы были их цели, задачи, нужды, уровень восприятия, а, главное, судьба. Искусство Серебряного века станет нам понятней, если мы объемней представим время, в которое оно рождалось, так как повседневный быт и политическая ситуация - это тот сплав, который питает творческие силы создателей произведений искусства. Та действительность была одновременно и сложнее и проще, чем наше нынешнее представление о том, что мы вкладываем сейчас в понятие Серебряный век.

Героям этих воспоминаний выпал жестокий жребий - родиться в эпоху перемен. И каких перемен!! Персонажей в этих мемуарах много, но главные, ведущие, вокруг которых концентрируется повествование, - четыре человека - мои бабушка и дед - Богутинские: Вацлав и Корнелия (урожденная Пересвет-Солтан, по второму мужу - Чацкая)

и мои родители - Гизелевские: Вячеслав (Вацлав) и Люция (урожденная Богутинская).

Образы ушедших в небытие обладают необычайной привлекательностью. Их магнетическая сила такова, что мы рассказываем о них сердечно, без прикрас, как о близких, знакомых; они перед нами как будто живые, а ведь события, в горнило которых они попали, происходили сто и более лет тому назад. Вот она, живая история!

Вообще, что такое предки, которые жили столетия назад? Их жизнь для нас загадочна и таинственна. Время отсеяло в их биографиях главное от второстепенного, и мы, потомки, смотрим на них с дистанции истории, но не все в их биографиях мы, живущие в XXI в., можем уяснить, нас завораживают семейные предания и мы их соотносим с архивными документами.

Время, в которое жили мои родители, было временем исторического разлома. Вспоминаются нехитрые слова наивной песенки начала XX в., сложенной во время Англо-бурской войны:

Трансвааль, Трансвааль - страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Лучше не скажешь: "Ты вся горишь в огне", и Российская империя горела в огне в начале XX в. В документах, фотографиях и семейных преданиях это ВРЕМЯ оживает.

Глава первая. Из истории древнего рода Пересвет-Солтанов

*Гордиться славою своих предков не только
можно, но и должно; не уважать оной есть
постыдное малодушие.*

А.С.Пушкин

О древности рода

У каждого из нас за плечами свои предки по материнской и отцовской линиям. Наиболее примечательна и любопытна в истории моей семьи была судьба предков из рода Пересвет-Солтанов. Думается, что стали совершенно другими людьми ныне живущие Солтаны и Пересвет-Солтаны, нежели их далекие предки: от первых письменных упоминаний о фамилии нас отделяют более 600 лет! Как сообщают справочники, фамилия Солтан распространена более всего в Польше, на Западной Украине, в Западной части Белоруссии и в Приднестровье. О двойной фамилии ныне живущих Пересвет-Солтанов упоминаний в современной справочной литературе мало. Чаще упоминаются просто Солтаны.

Итак, моя бабушка по линии матери **Корнелия Нарциссовна, урожденная Пересвет-Солтан** (1873, Лодейное Поле, Россия - 17 сентября 1949, Цеханув, Польша) принадлежала к этому старому польскому, возникшему как русско-литовский, дворянскому роду. По первому мужу ее фамилия была Богутинская, по второму - Чацкая. О Пересвет-Солтанах читаем в энциклопедическом

словаре Брокгауза-Ефрона, том XXX (60), на стр. 818¹: "Солтан или Пересвет-Солтан - герба своего имени (также "Вренбы"), русско-литовского происхождения. Андрей Александрович был подскарбием Великого княжества литовского в 1486-1492 гг., а брат его, Солтан Александрович - маршалом королевским и наместником слонимским и новогрудским (1483-1490). Сын Андрея Иван был подскарбием, надворным литовским (1507-1554), а их сыновья, Солтаны: Иосиф Солтан (умер в 1521) был митрополитом Киевским и владыкою Смоленским, а Александр Солтан - маршалом королевским (1515-1541); сын последнего Иван был также маршалом надворным литовским (1572). Станислав Солтан был последовательно хорунжием великим (1782), подкормием великим (1790) и маршалом надворным литовским (1791). Род Солтанов, разделившийся на несколько ветвей, внесен в VI ч. родословной книги Минской, Гродненской и Могилевской губерний России".

Подобные сведения о Пересвет-Солтанах содержатся и в Белорусской советской энциклопедии, т. IX, на с. 630², на белорусском языке. Пусть не смущает польского читателя упоминание о близости Солтанов к России: общеизвестно, что после 1-го раздела

*Корнелия Жозефина
Пересвет-Солтан, в
замужестве
Богутинская.
Прага. 1910-е гг.*

Польши - с 1772 г. до 1918 г.- Польша входила в состав Российской Империи.

Согласно мнению генеалогов Владимира Алексеевича Понсова (Москва) и герольдмейстера Белорусского союза дворян Леонида Александровича Акаловича (Минск), род Пересвет-Солтанов взял начало на бывших пограничных, окраинных польских землях, периодически переходивших от Польши к России и обратно. Поляки их называют "кресы" - "kresy" - "część kraju leżąca blisko granicy, pogranicze" - перевод: "Кресы - часть страны, лежащая близко от границы, пограничье". "Mały słownik języka polskiego", Wydawnictwo Naukowe, Warszawa, 1968 rok"³.

В свою очередь на пограничной территории, ныне - Западная Украина, существовало применительно к этим территориям понятие "в околицах", а живших на них русских и украинских дворян порой называли "околичной шляхтой", "шляхтой" на польский манер потому, что живя здесь, в чем-то они теряли русскую идентичность, и к ним было применительней определение "шляхтич", а не "дворянин". Об этом упоминает автор книги "О происхождении шляхетских родов в юго-западной России", Киев: в типографии Е. Федорова, 1867 г.⁴

Заслуживает внимания тот факт, что в польском языке сохранилась русская транскрипция фамилии Пересвет, не трансформировавшаяся в польскую Prześwit, а только Pereświt, что лишний раз подтверждает гипотезу о русско-литовском начале рода.

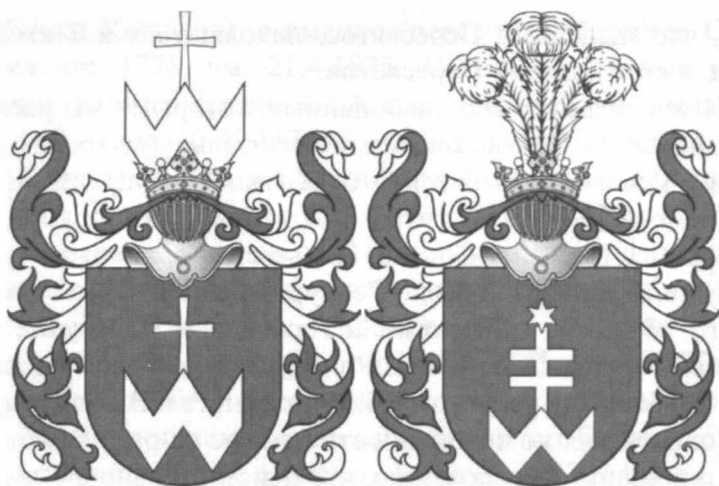
Пересвет-Солтаны служили в Великом Княжестве Литовском и возникновение их герба связано с этим государственным образованием. Соответственно не просто в наши дни точно установить, какой именно герб имела ветвь Пересвет-Солтанов, с которой соотносится история семьи моей бабушки Корнелии Нарциссовны Пересвет-Солтан.

Материалы польского сайта "Genealogia Polaków. Dynamiczny Herbarz Rodzin Polskich" дают основание представить, к какой именно ветви древних Пересвет-

Солтанов относятся наш прадед **Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан (между 1819 и 1822 (?) - после 1875 (?))** и его отец, т.е. мой прапрадед, тоже **Нарцисс**. Очевидно, что множества родов Пересвет-Солтанов быть не могло, род был один, и именно к какой ветви относились наши предки, уже можно предположить. Это та ветвь Пересвет-Солтанов, которую авторы более не менее последовательно прослеживают от Теодора (Федора) Пересвет-Солтана, родившегося около 1560 г. (автор версии К. Ćwiertniewski). Систематическая кропотливая научно-исследовательская работа в архивах на эту тему еще ждет своего самоотверженного, заинтересованного исследователя.

Как говорят следующие источники: "Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S.J."⁵, книжечка "Herby rycerstwa polskiego. Syrokomla"⁶, книга Тадеуша Гайла "Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku: ponad 4500 herbów szlacheckich 37 tysięcy nazwisk 55 tysięcy rodów"⁷, род Пересвет-Солтанов использовал гербы "Сырокомля" и "Солтан". Эти гербы имеют между собой общие черты. За основу взят герб "Абданк". Герб "Сырокомля" повторяет основной элемент герба "Абданк" — геральдическую фигуру ленкавица (в виде буквы W), при этом над этой фигурой расположен крест. Тогда как, в гербе "Солтан" вместо одного — два креста, над которыми расположена звезда.

Герб "Сырокомля" упоминается в литературе с 1354 г. Как гласит легенда, он был дарован некоему рыцарю Сырокомле, выступившему в защиту имени Христова в XIV в. Девиз герба "Сырокомля" был: "Ród polski a mężowie w nim skromni" (польск.): "Род польский, ну а мужчины в нем скромные". Герб выглядит так: рыцарские перья, щит, забрало и крест на щите. Видимо, эти атрибуты соответствовали направлению деятельности представителей рода. Как гласит предание, был вариант этого герба с маленькой звездочкой в средней части щита.

Герб "Сырокомля"

Герб "Солтан"

Герб "Сырокомля" принадлежал нескольким шляхетским родам. История герба связана с легендой, повествующей о том, что впоследствии маленькая звездочка на щите в гербе появилась на нем в память о том, что в XIV в. один из Солтанов в составе польско-литовского соединения, преследуя неприятеля, наступавшего на Польшу, разгромил его отряд и, удовлетворенный победой, повернул назад, к своим. В это время на небосклоне возшла первая звезда.

Изыскания моего внучатого племянника Анджея Миллера совпадают с данными других исследователей относительно места, где жил мой прадед Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан. Это было местечко Пересветов или Пересветово, недалеко от городка Речица, на Днепре в нынешней Гомельской области, входившей в XIX в. в Минскую губернию. На польском сайте эта местность под городом Речица - польск. Rzeczysa, именуется не Пересветово - польск. Pereświatowo, а Пересветов - польск. Pereświatów. Весьма ве-

роятно, что нынешнее Пересвятое, находящееся в 7 км. от Речицы, и есть бывший Пересветов.

Из тех скудных архивных данных, которыми мы располагаем, хотелось бы составить приблизительную картину топографии местности, в которой пребывали мой прадед Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан и его отец - мой прапрадед тоже Нарцисс Пересвет-Солтан. Пользуемся архивными данными Национального Архива Республики Карелия и "Европейского общества генеалогии и геральдики в Эстонии", а также документом "Genealogia Polaków. Dynamiczny Herbarz Rodzin Polskich" на польском сайте интернета и Википедией.

Сопоставляя по совокупности данные из разных источников, приходим к заключению, что действительно в 7 км на юго-запад от районного центра Речица и железнодорожной станции Речица направления Гомель-Калинковичи, в 65 км. от Гомеля сейчас находится село **Пересвятое (Перасвятое - белор.)**. В XIX в. оно числилось по Ровенско-Слободской волости Речицкого уезда Минской губернии. В 1876 г. здесь дворянин Солтан (имя не названо) владел 938 десятинами земли. (Десятина - основная дOMETрическая русская мера площади, равна 2400 кв. саженей (1,09 га, так называемая казенная). В XVIII - начале XIX вв. употреблялась десятина владельческая (хозяйственная), равная 3200 кв. саженей (1,45 га))⁸. Рядом находился одноименный фольварк. Фольварк - земельное хозяйство с постройками, являющееся частью большого имения. В 1850 г. в фольварке, согласно переписи, было 6 дворов. По переписи 1897 г. в деревне Пересвятое (она же Косая Слобода) находились хлебозапасный магазин и церковно-приходская школа. Имение Пересветов неоднократно упоминался в генеалогическом древе Солтанов, как место, где родились, жили и похоронены многие из рода Пересвет-Солтанов с конца XVIII по начало XX в. В комментарии к генеалогическому древу помечено: "Narcyz **Soltan** ur. ok. 1778, zm. 21.4.1835 *Pereświew*ow, major wojsk rosyjskich, kawaler orderu św. Anny + Anna Bonczewska ur. ok. 1804 - zm. 20 V 1834 *Pereświew*ow". Речь идет о дедушке и бабушке моей

бабушки Корнелии, а именно (перевод): **"Нарцисс Солтан,** рожд. ок. 1778, ум. 21.4.1835. *Пересветов*, майор русской армии, кавалер ордена Св.Анны + Анна Бончевская, рожд. ок. 1804 - ум. 20 V 1834, *Пересветов*". Из этой краткой записи явствует, что оба жили, умерли и похоронены в Пересветове и, видимо, оно им принадлежало. Однако из последующей очень краткой записи не явствует, что имение принадлежало его сыну Нарциссу Клеменсу или что он там родился. Вот эта запись: "(Klemens) Narcyz Sołtan + Teofila Żakowicz, zesłanka do gub. ołonieckiej". Перевод: "(Клеменс) Нарцисс Солтан + Теофиля Жакович, ссыльная Олонекской губ." Мы понимаем, что до ссылки они тут бывать не могли, т.к. поженились уже в ссылке. Была ли тут Теофиля с детьми после помилования, последовавшего, как указано в одном известном нам документе в 1871 г.? И кто вообще пользовался этим имением и жил здесь после Нарцисса-отца? Тому письменных свидетельств нет. Вероятней всего владельцами, начиная с конца XVIII в., а может быть и с более раннего времени, были именно сами Пересвет-Солтаны той ветви, к которой относилась моя бабушка Корнелия, то есть, оба Нарцисса и их близкое окружение. По записям в генеалогическом древе можно установить, что из Солтанов и Пересвет-Солтанов здесь родилось за все десятилетия XIX в. 9 человек и двое умерло - это дед и бабушка моей бабушки Корнелии, т.е. мои прапрадед и прапрабабушка. Наверное существует таких упоминаний больше, но до нас они не дошли.

Соответственно любопытно, что в Речицком и соседнем Буда-Кошелевском районах сейчас (по нашим неокончательным данным) насчитывается 11 деревень, которые принадлежали Пересвет-Солтанам. Не везде в источниках указаны инициалы владельцев. Может быть, какая-то из этих деревень принадлежала или Нарциссу или Нарциссу Клеменсу Пересвет-Солтанам, но этого мы, естественно, узнать уже не сможем, да и это не имеет никакого практического значения. Однако, приведем

названия деревень, о некоторых из них сохранились интересные сведения. Это ценно, т.к. расширяет наше представление об особенностях жизни в этих краях в то время.

Неподалеку от Пересвятова, также в Речицком районе, находятся две деревни - Демехи и Козье, принадлежавшие Солтанам, в каких точно родственных связях эти Солтаны состояли с семьей Нарцисса Пересвет-Солтана, мы не знаем. Очень интересно, что обе деревни очень старые: 1-ое упоминание о Демехах относится к 1509 г., когда король Сигизмунд I подарил село дяку Г. Алексеевичу, а Козье, как известно, еще в 1811 г. находилось во владении Солтанов.

Наибольший исторический интерес представляет деревня Старая Белица, которая после I-го раздела Польши 1772-го г. была подарена Екатериной II фельдмаршалу П.А.Румянцеву. Он возжелал сделать это село уездным центром вместо Гомеля, но затея не осуществилась. В результате уже у нового владельца князя М. Кантгаузена Старую Белицу в начале XIX в. для своего сына Михаила купил Станислав Пересвет-Солтан. В 1777 г. в центре деревни была построена православная Николаевская церковь, впоследствии перестроенная, и сейчас являющаяся замечательным памятником архитектуры.

В соседнем Буда-Кошелевском районе из восьми деревень, связанных с именем Пересвет-Солтанов, - Еленец, Кошелево, Недойка, Ивановка, Пенчин, Кленовице, Люшев и Козье, особый интерес для нас представляет Люшев богатством своей истории. Именно его владельцы - Пересвет-Солтаны Михаил и его дочь Антонина Стефания способствовали в XIX в. процветанию этих мест, как свидетельствуют белорусские историки-краеведы. Они очень сожалеют о запустении этого села в наши дни. Белорусская краеведческая литература отмечает, что в перечисленных деревнях стараниями владельцев Пересвет-Солтанов в XIX в. развивалось хозяйство: были церковно-приходские школы, действовали крупнодробилки,

хлебозапасные магазины, мелкие предприятия, например, лесопилки, открывались почтовые отделения, лечебницы, строились церкви. Так что экономическое развитие осуществлялось именно благодаря, в данном случае, Солтанам, вопреки представлениям, господствовавшим в прошлом, XX в., о том, что помещики являлись лишь тормозом, эксплуататорами и кровопийцами.

Таким образом, мы представляем, где, как и на каком фоне проходила жизнь моего прадеда - Нарцисса Клеменса и его отца - моего пращура Нарцисса Пересвет-Солтана на их родине. Сама же Речица и Речицкий уезд в XIX в. выглядели следующим образом.

Речица располагается на берегу Днепра. Она была уездным городом Минской губернии. В конце XIX в. там проживало 9322 жителя обоего пола. Зарабатывали сплавом хлеба по Днепру. Фабрик и заводов не было. Хлеб и лес отправляли также и по Полесской железной дороге.

Речицкий уезд был богаче и интересней, чем сама Речица, а любопытен нам именно он, так как владения Пересвет-Солтанов находились непосредственно в уезде. В документах указывается, что 89,2% земель в уезде принадлежало дворянству, т.е. дворянство здесь было богатым. Земли тучные, из возделываемых культур особое место занимали хлеб, картофель, лен и конопля. Велики были луга, на которых выращивались кормовые травы, сильно были развиты скотоводство, а также пчеловодство, огородничество и лесной промысел - рубка, пилка, вывоз и сплав по реке леса и дров. В Речицком уезде по переписи населения на 1897 г. проживали 222,5 тысячи крестьян, большинство белорусов, православных. В пределах уезда проходила Полесская железная дорога, также было 8 пристаней на Днепре, 40 начальных школ, 6 лечебных заведений, 57 православных церквей и 3 костела.

Генеалог Л.А. Акалович, уже упоминаемый нами, отмечал также, что на кладбище в городе Горки, что на реке Проня в Могилевской области, расположенном ближе к Ви-

тебской (Белоруссия) и Смоленской (Россия) областям, находится множество захоронений Пересвет-Солтанов.

Подтверждением распространения Пересвет-Солтанов на этой части бывших кресов являются также различные упоминания о них уже в XX в., например, в "Адрес-календаре за 1916 г.", на стр. 184⁹: "Г. Гомель Могилевской губернии. Земский начальник Гомельского уезда, имения Старая Белица - Петр Игнатьевич Пересвет-Солтан". На стр. 274¹⁰ того же "Адрес-календаря за 1916 г." "Г. Винница Подольской губернии. Уездный мировой посредник. Винница. Владимир Александрович Пересвет-Солтан". Есть и другие упоминания.

Таким образом, мы представляем, что род Пересвет-Солтанов был древним, разветвленным, и члены его были связаны с общественной жизнью.

Моя мама была внучкой Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана и его жены - польской повстанки Январского восстания 1863-1864 гг. Теофили Каликстовны Пересвет-Солтан, урожденной Жакович. О Жаковичах упоминается в книге Jerzy Sewer HR. Dunin-Borkowski "Spis nazwisk szlachty polskiej".¹¹

*Теофиля Пересвет-Солтан
(урожд. Жакович) с внуком
Вацлавом Богутинским.
Мелекесс, 1903*

Далее подробней скажем о повстанке Теофили Жакovich, но при этом следует напомнить читателю общеизвестные факты, касающиеся истории польских восстаний, или, как поляки говорят, повстаний.

Территория Польши - Речи Посполитой Петербургскими конвенциями была разделена в 1770-1790-х гг. трижды на три части между Россией, Пруссией и Австрией: это разделы 1772, 1793 и 1795 гг. К России отошла самая большая из этих трех частей - а именно территории востока и центра Польши. Естественно, что каждый раздел Польши вызывал протест польского населения. Польские национально-освободительные восстания были жестоко подавлены: в 1794 г. (восстание под руководством Тадеуша Костюшко), в 1830-1831 гг. (Ноябрьское восстание), восстания в 1846, 1848 гг. и в 1863-1864 гг. (Январское восстание), о котором мы и поведем речь, т.к. именно с Январским восстанием связана история нашей семьи.

Восстание 1863-1864 гг. и жизнь семьи

Вкратце упомянем о польском восстании 1863-1864 гг. Оно возникло не на пустом месте. После жестокого подавления Ноябрьского восстания 1831 г. и менее крупных восстаний 1846 и 1848 гг. польские патриоты не смирились. Они накапливали силы для того, чтобы дальше бороться за независимость и самостоятельность Польши. Создавались патриотические кружки, по типу "троек", шли манифестации. Усугублял ситуацию жесткий режим управления Польшей, введенный в 1831 г. царским наместником в Польше графом Иваном Федоровичем Паскевичем-Эриванским. Практикуемый им безжалостный режим нагнетал сопротивление.

Поводом к открытому восстанию послужил набор рекрутов из местного населения в русскую армию, следовавший в январе 1863 г. Прокламации революционеров призывали подлежащих набору в армию бежать и составлять вооруженные отряды сопротивления. Царское правительство их называло "бандами", а восставших соответственно "бандитами". Отряды повстанцев состояли из городских жителей, шляхты, студентов и духовенства. Вооружены они были в основном косами, отсюда название - "косиньеры". Поначалу лишь 1/5 повстанцев имели ружья, с течением времени вооружение стало поступать из-за границы. Во главе повстанцев стоял Rząd Narodowy - Народное правительство. Война носила партизанский характер. Партизанские части и правительственные войска преследовали, ловили друг друга и уничтожали. Постепенно перевес сил оказался на стороне усмирителей. Раньше всех "успокоилась" Литва, затем Украина и нынешняя Белоруссия. Продолжительность мятежа составила 16 месяцев. По донесениям за 1863 г. было зафиксировано между противоборствующими сторонами 574 стычки, а в 1864 г. - 84 стычки. 11 февраля 1864 г. был уничтожен последний отряд - под командованием Босока и Бжуска. В подавлении восстания особенно отличился

Михаил Николаевич Муравьев, получивший за это графский титул. С 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г. он был генерал-губернатором Западного края, в который входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Витебская, Могилевская и Минская губернии. За время его правления в Западном крае было казнено 128 человек, за что его в народе прозвали "Муравьевым-вешателем".

Всего же при подавлении Январского восстания 1863-1864 гг. было подвергнуто репрессиям более тридцати тысяч человек. Цифра эта менялась в разные годы за счет того, что одна мера наказания заменялась другой, заключенные умирали, периодически проходили амнистии или же смягчались или вообще изменялись условия пребывания наказанных в местах их заключения благодаря стараниям их семей или иностранных правительств. Все это подробно описано в сборнике "Сибирь в истории и культуре польского народа"¹². Статьи сборника "Ссылные участники Январского восстания" Софии Стшижевской и "Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания" Яна Зюлека содержат богатейший материал на эту тему. Так мы узнаем, что пленных повстанцев делили на несколько категорий. "К первой относились задержанные с оружием в руках в случае, если они: а) оказывали сопротивление военным; б) гражданским властям; в) нападали на военных. Судьбу "руководителей этих акций и их зачинщиков" решал военный суд <...> Остальных повстанцев предлагалось разделить на четыре категории: 1) помещики, чиновники, шляхта, духовенство и другие лица, вина которых по отношению к властям особенно велика; <...> 2) лица, которые присоединились к повстанцам, чтобы избежать призыва в армию; <...> 3) лица, привлеченные в отделы "после повторной присяги"; <...> 4) несовершеннолетние"¹³.

В этой же книге в статье Яна Зюлека "Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания" приводится приблизительная

численность ссыльных: "Приводимая разными авторами численность ссыльных колеблется от 18673 (С.Максимов) до 38 тыс. чел. (Стефан Кеневич, Эугениуш Пшибышевский и Генрик Скок). Авторы воспоминаний приводят ещё более внушительную цифру – от 80 до 100 тыс. По всей вероятности, точные сведения на сей счет станут известны только тогда, когда российские архивы будут полностью и без каких-либо ограничений открыты для историков".¹⁴

Военные действия 1863-1864 гг., как известно, носили затяжной характер. Они проходили и в районе, где находилось имение шляхтичей Жакович – семьи моей прабабушки Теофили - дочери шляхтича Kaliksta Żakowicza. Находилось это имение в Вилейском уезде Виленской губернии, как свидетельствует документ, к которому мы обратимся позже. Польские повстанцы уходили в леса, откуда совершали набеги на русские отряды. Женщины носили повстанцам в лес еду. Среди этих женщин была, как рассказывала мне мама, и ее бабушка **Теофиля Жакович** (ок. 1843, Виленщина - 1907, Мелекесс). Виленщиной называлась территория, примыкающая к городу Вильно. Женщин заметил русский священник, который донес о них. Повстанцев застали врасплох и арестовали. Теофилю Жакович сослали в Олонецкую губернию на берега Ладожского озера, сначала в Олонец, а потом в город Лодейное Поле.

Итак, повстанцев сослали в **Олонецкую губернию**, которая простирается в северной части Европейской России на территории всего бассейна Онежского озера, средней части реки Онеги и восточного побережья Ладожского озера. И сейчас, не говоря уже о времени 150-летней давности, пустынные места! Холмистые, каменистые горные гряды, покрытые густыми хвойными лесами, гранитные кручи и глыбы гигантских валунов! Климат холодный и влажный. Жители занимались выплавкой железной и медной руд, добычей мрамора, огнеупорной глины, сланцев и разного рода каменных строительных материалов. В этом суровом краю неплодородные почвы. Скотоводство скромное, зато было

развито рыболовство, охота и лесной промысел. Население было также занято шкиперством, лоцманством и извозом.

Уездный город **Олонец**, находящийся в этой лесной глуши, по переписи населения 1897 г. насчитывал 1303 человека. В нем было 5 православных церквей, 2 часовни, богадельня, больница и 3 благотворительных общества. В летописях Олонец упоминается с XII в., с XVII в. значится как русская крепость. Пятьюдесятью километрами южнее расположилось **Лодейное Поле**.

Городок Лодейное Поле окружен со всех сторон водой, низкорослым лесом и топиями. Я побывала там с внучкой Дашей Понсовой в июле 2011 г. Мы нашли в Лодейном Поле три здания времен ссылки Теофили Жакович и на окраине городка остатки заброшенного XIX в. кладбища за Силиконовым заводом, на котором, судя по всему, могли быть похоронены и повстанцы. Могилы, конечно, не сохранились.

Лодейное Поле стоит на берегу северной реки Свирь восточнее Ладожского озера, севернее Санкт-Петербурга. Тогда в нем находилась православная церковь, а в окрестностях - православный монастырь, существующий и поныне. Жители занимались судостроением и лоцманством. Первая судостроительная верфь была здесь основана Петром I.

Климат суровый, земли неплодородные, глинистые, частью песчаные и каменистые. Жителей не обеспечивали эти земли, поэтому, чтобы себя прокормить, они занимались охотой, рыболовством, кожевенным и гончарным промыслами. В 1897 г. в Лодейном Поле проживали 1432 человека. Это было захолустье. Один из первых исследователей Присвирья П.Минорский оставил описание Лодейного Поля в 1875 г. Он пишет, что там были один каменный дом, несколько больших деревянных (казначейство, тюрьма, приходское училище и 20 лавок), каменная церковь и памятник Петру I. С внешним миром связь шла по воде: по реке Свири один раз в неделю ходили 2 парохода - "Кивач" и "Санкт-Петербург", они поддерживали

сообщение между Лодейным Полем, Петербургом и Петрозаводском. Зимой был только санный путь: "Земли здесь болотистые, скудные. Крестьяне жили в курных избах, в неурожайные годы голодали - ели мох и древесную кору. Это была "подстоличная Сибирь", использовалась она как место ссылки "политических". Ссылные жили в самом городе. Среди них были участники Польского восстания 1863-1864 гг." Эти данные почерпнуты из книги Е.Н. Стромилова, И.И. Славина и Г.Г. Манкуни "Волго-Балт с борта теплохода".¹⁵

Итак, мои прадед Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан и его жена Теофиля (в девичестве Жакович) жили в упомянутых местах в 1860-е - начале 1870-х гг.. Участие Теофили в восстании не подвергается сомнению. Ее имя упоминается в документе "Список дворян - участников польского восстания 1863 года, освобожденных в 1871 году", хранящемся в архиве "Европейского общества генеалогии и геральдики в Эстонии". Теофиля, значащаяся в списке под номером 460, была освобождена от пребывания в ссылке в 1871 г. до окончания срока ссылки: "460. Жакевич Теофилия, по мужу Солтан". В генеалогическом древе Пересвет-Солтанов, хранящемся на польском сайте "Genealogia Polaków. Dynamiczny Herbarz Rodzin Polskich" она упоминается как "Teofila Żakowicz, zesłanka do gub. ołonieckiej" - "Теофиля Жакович, ссылка в Олонецкую губернию".

Ее будущий муж Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан также прибыл в Олонецкую губернию возможно даже раньше нее. Известно, что Нарцисс к моменту восстания был уже не юн. Вероятно, он родился между 1819-1822 гг.(?!), следовательно, ему было чуть больше сорока лет. Дату рождения можно предположить, изучая генеалогическое древо, что мы и сделали.

Нарцисс и Теофиля познакомились может быть в Лодейном Поле или в Олонце, точно сказать не можем. Здесь же они и обвенчались. Трудно представить, как все это происходило: в чужом, суровом краю, среди чужих людей, гово-

рящих на другом языке. И интересно, какой ксендз их венчал и как и откуда он сюда приехал? Возможно, это был ксендз из группы, которая упоминается в статье И.С. Петричевой "Политическая ссылка в Олонецкой губернии в конце XIX - начале XX вв."¹⁶: Автор статьи упоминает, что еще перед Январским восстанием, а именно в 1860-1862 гг., в Олонецкую губернию ссылается значительная группа ксендзов "за возмутительные проповеди" антиправительственного и антиросийского содержания. А после восстания сюда были сосланы повстанцы, значит, возможно, вокруг молодоженов могло образоваться какое-то общество, что как-то облегчило бы их жизнь.

Мы уже упоминали, что имеем документальное подтверждение тому, что Теофиля Жакович (в замужестве Пересвет-Солтан) была повстанкой. Помимо упоминания о ней в "Списке дворян - участников польского восстания 1863 года, освобожденных в 1871 году", есть и другой очень значительный документ - это созданный по материалам Национального архива Республики Карелия "Библиографический справочник участников восстания 1863-1864 гг., находящихся под надзором полиции в Олонецкой губернии в период с 1863 по 1872 гг." В нем значится:

"Жакевич Теофила. Род. ок. 1843. Дворянка Виленской губернии Вилейского уезда. Находилась под секретным, строгим надзором полиции с 3 октября 1864 года "за секретные сношения с лицами, враждебными Правительству". Проживает в Олонце, выслана из Виленской губернии. Ничем не занимается. Девица (1864). Состоит в замужестве за Дворянским Заседателем Петрозаводского уездного суда. По мужу - Солтан (1868). Содержания не получает. Аттестация полиции: "Поведения примерно хорошаго (1864). Ведет себя отлично, скромная и тихая женщина (1868)". НАРК, ф.1 оп.36 д.91/1 л.161 об.-162; НАРК, ф.1 оп.67 д 1/2 л.101".

В приведенном документе Теофиля Жакович, в замужестве Солтан, характеризуется как человек, который "ничем

не занимается". Судя по материалам, собранным на других ссыльных, понимаем, что им не возбранялось заниматься сильной работой, а заработанные деньги использовать на проживание.

Нарцисс Клеменс, ее муж— мой прадед, в этом документе не упоминается как ссыльный, а как "Дворянский Заседатель Петрозаводского уездного суда".

Таким образом мы сталкиваемся с необъяснимым противоречием между существующими документами или фактом отсутствия нужных документов и семейным преданием: впоследствии потомки Нарцисса Клеменса на протяжении полутора лет повторяли, что он был повстанцем, а как это было на самом деле, могла рассказать только сама Теофиля, которая умерла в 1907 г. в кругу семьи, окруженная родными. Тогда моей маме было уже 9 лет и она слышала рассказы своей бабушки, что называется, из первых уст. Однако, документы, из которых складывается биография Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана, мы обнаружили не в семье, а в Петрозаводском архиве Карелии.

Бесценным документом, проливающим свет на биографию Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана, является хранящееся в "Национальном архиве Республики Карелия" дело "...о закрытии уездных судов Олонецкой губернии за 1870-1872 гг."¹⁷. В формулярных списках присутствующих, секретаря и канцелярских чиновников Петрозаводского уездного суда на 1840 г. содержатся следующие сведения, касающиеся Нарцисса Клеменса: во-первых, это официальный документ, подтверждающий его происхождение. Оно и так нам известно, однако ценно то, что в графе "Из какого звания происходит?" содержится четкий ответ: "Из дворян, **утвержденных герольдией**". Подтверждены данные и об его образовании: 6 октября 1847 г. закончил дворянское уездное училище в городе Мозыре в непосредственной близости от Речицы, около которой Солтаны владели имением, Нарцисс Клеменс "вступил в службу" "в Черниговскую палату уголовного суда канцелярским служителем". Возникает естественный воп-

рос - зачем сыну из почтенной, богатой семьи "вступать в службу" да еще на такую низкую должность? Объяснение мы находим очень простое: да, и знатность рода, и наличие обширных земель вроде бы к этому не вынуждали, однако это лишь кажется на первый взгляд. В графе же "есть ли имение" он отвечает, что владеет **"нераздельно с братьями** Минской губернии в Речицком уезде, 550 десятин земли". (Как мы отмечали ранее, хозяйственная десятина равна 1,45 га). Казалось бы земельный надел большой, но ведь он не был разделен между братьями - детьми Нарцисса Пересвет-Солтана - старшего, отца Нарцисса (1778-1835), майора русской армии, кавалера ордена св. Анны, мужа Анны Бончевской (1804-1834). Разделять земли между братьями не позволяла не чья-то прихоть, а правила майората.¹⁸ В "Новом энциклопедическом словаре" изд. "Большая Российская энциклопедия", М., 2002, на стр. 668 находим такое определение этого понятия: **"Майорат** - (от лат. *maior* - старший), в гражданском праве форма наследования недвижимости (прежде всего земельной собственности), при которой она переходит полностью к старшему из наследников". Таким образом на определенных условиях наследники пользовались неразделенным имуществом сообща. К сожалению для него Нарцисс Клеменс не был старшим сыном, поэтому для получения свободных средств он и поступил на службу. Следует отметить, что в польских семьях, которые к этому времени после последнего на ту пору раздела Польши 1795-го г. совсем недавно приняли русское подданство, и правилам майората следовали особенно усердно, т.к. ранее в Королевстве Польском оно неукоснительно соблюдалось.

По хранящемуся в архиве упомянутому документу мы можем проследить продвижение Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана по службе в период с 6 октября 1847 г. по 23 февраля 1870 г., т.е. на протяжении 22 лет и 4 месяцев. Отмечаются его отпуска, в том числе по болезни, награды. Так в графе о награждениях отмечено: "В память войны 1853-1856 гг. получил бронзовую медаль всемилости-

вейшим манифестом 1856 года установленную". И дата его награждения - 19 июня 1857 г. Причем в этом же документе его конкретная роль и участие в Крымской кампании не отмечены никак.

Известно, что Январское восстание происходило в Царстве Польском, Литве, в части Белоруссии и Правобережной Украине с января 1863 по май 1864 гг. Где находился и чем занимался в это время Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан? Цитируем документ: **"Указом Правительствующего сената от 12 декабря 1862 года произведен в отставке в титулярные советники"**.

Отметим, что ранее значится: "13 декабря 1861 согласно прошению уволен от службы за болезнью". Итак, по его просьбе находясь в отставке, он был произведен в титулярные советники. Титулярный советник - гражданский чин 9 класса. То есть, при наличии в "Табели о рангах" 14 классов Нарцисс Клеменс после 15 лет службы получил невысокий чин, адекватный в военной службе званию - в сухопутных войсках - штабс-капитана, штабс-ротмистра или подъесаула, во флоте - лейтенанта или гвардии мичмана. ("Российская историческая мозаика. Чины, титулы и звания Российской империи". Автор-составитель А.К.Стась. ТОО "Герольд-Сервис". 1992. С.44, 48).

Читаем далее: "Вследствие предложения г. начальника губернии 13 января 1865 года №285 вызван на службу в Олонецкую губернию и за проезд воспользовался пособием.

19 января 1865 г. По постановлению Олонецкого губернского правления определен дворянским заседателем в Олонецкий уездный суд. По постановлению Олонецкого уездного суда 14 апреля исправлял должность судебного следователя 1 участка с 14 апреля по 14 июля 1865 года".

Далее: "Приказом по Министерству юстиции от 2 августа 1867 за № 67 назначен Дворянским заседателем Петрозаводского уездного суда". Впоследствии он работал в должности судебного следователя 1 участка Петрозаводского уезда и судебного следователя Повенецкого уезда. Он оставил службу "23 февраля 1870 года".

Где, как и при каких обстоятельствах мы можем найти ответы на такие вопросы - 1-ый - почему за год до восстания, то есть, 13 декабря 1861 г., он увольняется со службы "за болезнью"? Почему его начальство за 3 недели до начала Январского восстания производит его, находящегося в отставке, наконец в титулярные советники? Случайное совпадение? Может быть. И третий вопрос: почему все-таки через 7 месяцев после подавления восстания он возвращается на судебскую службу - уже дворянским заседателем в Олонецкий уездный суд. И где он был все это время?

А Теофиля? Как она все это воспринимала? Боюсь, что этого мы не узнаем никогда.

Перед нами непреложный факт, что в тех документах, которыми мы располагаем, о причастности Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана к участию в Январском восстании, сведений не содержится.

В Лодейном Поле у них родилось трое детей: Доминик (1868 - 1918, Сибирь, возможно, на границе с Китаем), Корнелия Жозефина (1873 - 17 сентября 1949, Польша, Цеханув). А третий ребенок - девочка София, умерла в младенчестве. Младший ребенок - сын Михал Ильдефонс

Пересвет-Солтан родился в 1875 г. в Оренбурге. Михал умер в 1924 г. в Варшаве. Эту запись о его месте рождения обнаружил в книге (где отмечались погребения) в конторе кладбища Повонзки в Варшаве, мой племянник Анджей Миллер. Как и почему семья, покинув Лодейное Поле, оказалась в Оренбурге, мы не знаем, но понятно что она туда переехала, видимо, где-то после 1873 г., т.е. после указа о помиловании Теофили (1871) и рождения Корнелии, которая, как везде указывается, родилась в Лодейном Поле в 1873 г. Следовательно, Нарцисс Клеменс Пересвет-Солтан умер в Оренбурге, или где-то в другом городе, а не в Лодейном Поле, как мы считали ранее. Не следует забывать, что на запрос моей внучки А. Шмелёвой в "Государственный архив Оренбургской области" от 10/XI 2014 мы получили такой ответ: "Сообщаем, что в именном каталоге ГБУ "ГАОО" сведений о Пересвет-Солтане Михале Ильдефонсе, о Пересвет-Солтане Нарциссе Клеменсе и его жене не имеется". Так действительно ли Михал родился в Оренбурге?

Мы доподлинно не знаем, когда семья переехала из Оренбурга (а, может, вовсе не из Оренбурга) в Варшаву, однако, понятно, что Теофиля была уже вдовой с тремя детьми. В Варшаве она жила на улице Смольной, но когда именно она покинула Россию и приехала в Польшу и при каких обстоятельствах, мы не знаем. Однако, чтобы прояснить картину, обратимся к фактам, на которые мы можем опереться, а именно: нам известно, что старший сын Теофили и Нарцисса - **Доминик Пересвет-Солтан**, рождения 1868 г., закончил в Москве 4-й кадетский корпус. Следовательно, он мог поступить туда не старше 10-11 лет, а по правилам - 8-9 лет, то есть не позже 1878-1879 гг. Однако, известно, что и младший сын Михал Ильдефонс, рождения 1875 г., тоже окончил этот корпус. Следовательно, он поступил туда как и полагалось 8-9-ти лет, то есть в 1884-1885 гг. Значит, семья, начиная с 1878-1879 гг. должна была быть тесно связана с Москвой, т.к. там учились сыновья, а,

*Доминик Пересвет-Солтан с
племянниками Богутинскими.*

*Слева направо: Люция,
Антонина, Владислав*

может быть, даже семья жила здесь, а позже переехала в Варшаву.

Любопытно, как оказался в кадетском корпусе Доминик Пересвет-Солтан. Известно, что сын повстанки должен был иметь сложности с получением образования и вообще со своим дальнейшим продвижением по служебной лестнице. Когда они еще жили в ссылке в Лодейном Поле, Доминик очень рано научился читать и любил читать русские газеты. Один русский офицер-дворянин, отметив интерес ребенка к чтению газет, обратил внимание на его ранее развитие и одаренность и посодействовал тому, чтобы ему дать образова-

ние. Видимо, именно он помог определить мальчика в 4-й кадетский корпус в Москве. Затем Доминик закончил в Москве Александровское военное училище на улице Знаменке. Здание училища существует и поныне.

Перед нами его личное дело из Центрального Государственного Военно-исторического архива¹⁹, объясняющее многое:

**"Доминик Пересвет-Солтан
Министерство главного штаба.
Фонд 400, опись 9, дело N30610**

Лист 43. Краткая записка о службе штабс-капитана 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Доминика Пересвет-Солтана, представляемого к переводу.

Составлена июня 1-го дня 1902 года.

Родился 1868 года июля 23. *Из потомственных дворян Новгородской губернии. Сын коллежского асессора*²⁰. Вероисповедания римско-католического. Воспитывался в 4-ом Московском кадетском корпусе и окончил курс в 3-м Военном Александровском училище по 1-ому разряду. В службу вступил из кадет 4-го Московского корпуса в 3-е Военное Александровское училище юнкером рядового звания в 1887 году августа 30. Унтер-офицером 1888 июля 10".

В первой строчке текста приводимого мною дела - "Краткая записка о службе штабс-капитана 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Доминика Пересвет-Солтана", которое мы рассматриваем здесь, есть слова: "Из потомственных дворян Новгородской губернии. Сын коллежского асессора". Я их отметила курсивом. Возникает вопрос, как сына ссыльной польки и уроженца кресов, могли в официальном документе назвать *"из потомственных дворян Новгородской губернии. Сын коллежского асессора"*? Оказывается этому есть объяснение: в Российской империи дворян записывали в родовые книги по месту службы и совершенно не обязательно по месту нахождения их родовых поместий. Таково было правило и ему неукоснительно следовали. Так записали и моего прадеда Нарцисса Клеменса Пересвет-Солтана.

"По окончании курса наук произведен в подпоручики в 8-ой Восточно-Сибирский стрелковый батальон (ныне полк) 1889 года августа 9, со старшинством 1888 августа 9.

Поручиком - 1893 года августа 1, со старшинством 1892 года августа 9.

Высочайшим приказом уволен в запас стрелковой части 1897 года декабря 9.

Высочайшим приказом из запаса определен на службу в распоряжение командующего войск Приамурского воен-

ного округа 1899 года января 3. Назначен на должность личного адъютанта при командующем войсками Квантунской области 1899 года марта 16.

За отличие по службе произведен в штабс-капитаны 1900 года января 23.

Лист 43 оборот.

Старшим адъютантом при военном отделе Штаба Квантунской области с 1900 года июня 11 по 1900 года июня 30.

Назначен полицмейстером города Инькоу 1900 года августа 10.

Первым секретарем при градоначальнике города Инькоу 1900 года сентября 28.

Сдал эту должность и назначен правителем канцелярии управления градоначальника города Инькоу 1901 года апреля 5.

*Доминик Пересвет-Солтан.
Мелекесс*

Отчислен от этой должности 1901 года декабря 31.

Переведен на службу в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк 1902 года января 12.

Прибыл к полку 1902 года апреля 7.

Участвовал в походах и делах против китайцев в 1900-1901 гг.

Получает жалование 948 рублей, суточных 108 рублей и квартирных 200 рублей.

Всего 1256 рублей.

Холост."

Доминик впоследствии дослужился до чина полковника. Как явствует

из этого документа, служил на границе с Китаем. Любил экзотику, держал дома то ли дикую кошку, то ли барсенка. Родственники говорили, что это был тигр, но держать в доме тигра решительно невозможно.

Он пристрастился к восточной экзотике, служа на границе с Китаем и в самом Китае при военном Штабе Квантунской области в июне 1900 г., как свидетельствует приведенное выше его личное дело, а затем, как гласит заметка о нем в генеалогическом древе, приведенном на упоминаемом нами польском сайте "Genealogia Polaków. Dynamiczny Herbarz Rodzin Polskich" ("Генеалогия поляков. Динамичный гербовник польских семей"), где говорится: "Dominik Sołtan, wysoki urzędnik państwowy w okolicach m. Kaspijskiego" ("Доминик Солтан - высокий государственный работник администрации в районе Каспийского моря"). Как говорили мои родственники, он служил на высокой военно-административной должности в Мерве и в Мервском уезде. Но хочу особо отметить, что город Мерв был уездным, а не губернским городом, следовательно, должность Доминика была лишь уездного масштаба. "Мерв - в древности Маргиана, арабское Шахиджан, турецкое Моур, - оазис в Закаспийской области <...> у южного края обширной пустыни Каракумы..." Город Мерв возник в середине 1-го тысячелетия до н.э. В 13 т. Большой Энциклопедии под редакцией С.Н.Южакова (т.13, стр. 55-56, С-Пб., 1903 г.) читаем характеристику города Мерва: "Новый Мерв, уездный город Закаспийской обл., у реки Мургаба. Домов 653. православных церквей - 3, армяно-григорианская - 1, мечеть - 1. Жителей в 1897 г. числится 8727 душ обоого пола. ремесленных заведений - 106 <...> Станция Закаспийской железной дороги".²¹

В наши дни по современному положению вещей остатки Мерва располагаются в Туркмении близ города Байрам-Али. От города Байрам-Али до самой южной точки Туркмении - города Кушка на границе с Афганистаном всего лишь 373 км. по шоссейной дороге.

В имеющемся у нас архивном документе, составленном 1 июня 1902 г., написано, что Доминик Пересвет-Солтан был холост. В метрическом свидетельстве о крещении моей матери от 10 июня 1898 г. свидетелями записаны он и Мария Нарбут, затем на групповой семейной фотографии от июня 1909 г. он снят с той же Марией Нарбут и сохранились у нас и другие ее фотографии. Мама говорила, что она впоследствии стала женой Доминика и у них была приемная дочь, их фотографии есть у нас в альбоме. О связи нашей семьи с Нарбутами говорит также более поздний факт: как известно из записей в кладбищенских книгах в конторе на Повонзках (кладбище в Варшаве), в 1947 г. кто-то из Нарбутов оплатил могилу Михала Пересвет-Солтана на Повонзках. Как я уже писала, Михал Ильдефонс Пересвет-Солтан - родной брат моей бабушки Корнелии Нарциссовны Пересвет-Солтан и Доминика, похоронен на этом кладбище.

Во время революции 1905 г. Доминик приезжал к сестре Корнелии в Мелекесс, где она жила с семьей с 1902 г., и просил ее детей, в том числе и девочку - мою будущую мать, собирать на улицах листовки разных партий. Во время революции 1917 г. и впоследствии во время Гражданской войны он оказался в Сибири, где след его и затерялся. Точно о его судьбе не мог сказать никто; вероятней всего он погиб на полях Гражданской войны.

Моя тетя - сестра моей матери - Корнелия Чацкая, в замужестве Гняздовская - известный в Варшаве педагог музыки, вспоминала в 1993 г., что ее дядя Доминик, записал в ее детский альбом еще в "мирное" время: "Жизнь - это не только наслаждение, но и труд и тревога, ты запомни это, моя Нельцин." Жизнь всех членов семьи подтвердила это определение.

Его брат **Михал Ильдефонс Пересвет-Солтан**, родившийся в 1875 г. якобы в Оренбурге, окончил в Москве 4-й кадетский корпус. Затем – Артиллерийское училище в Петербурге. Потом он занялся химией, окончил Рижский Политехнический институт, вернулся в Польшу, был женат,

*Михал Ильдефонс
Пересвет-Солтан*

*Евгения Стефания
Пересвет-Солтан (Буня).
Последняя в этой семье,
носившая фамилию
Пересвет-Солтан*

неизвестно, какова была его семейная жизнь, умер в 1924-м г. Как я уже писала, похоронен на Повонзках в Варшаве рядом со своей трагически погибшей дочерью.

Его дочь - Буня - **Евгения-Стефания Пересвет-Солтан**, красавица и эрудитка, была влюблена в польского еврея-актера, которого во время II-ой мировой войны, в период оккупации Варшавы немцы заключили в Варшавское гетто. Узнав о зверствах, царящих там, после подавления восстания в гетто в мае 1943 г., и уверенная в гибели любимого, она отравилась в марте 1944 г. Она была последней в этой ветви семьи, кто носил фамилию Пересвет-Солтан.

Моя бабушка - **Корнелия Жозефина Пересвет-Солтан** (в русском варианте Корнелия Нарциссовна) носила красивое звучное имя. У католиков как правило при крещении дают двойные имена. В данном случае у Корнелии было второе имя Жозефина. В повседневной жизни второе имя, как правило, не используется. Так как мои предки жили то в России, то в Польше, то, живя, в России, они тем более не пользовались

вторым именем, а активно использовали отчество, что не принято в католическом мире, но совершенно необходимо здесь. В России к ней обращались Корнелия Нарциссовна. Моя бабушка - после возвращения из ссылки обучалась в Варшавской консерватории по классу фортепиано. Не знаю, закончила ли она консерваторию, но все, кто слышал ее фортепианную игру, в том числе моя мама и мои тети Корнелия и Антонина, говорили, что она была прекрасной пианисткой. Тетю Корнелию именно моя бабушка Корнелия приобщила к игре на фортепиано и Корнелия Чацкая (в замужестве Гняздовская) впоследствии окончила Пражскую консерваторию и там же Высшую школу пианистического мастерства.

Корнелия Жозефина Пересвет-Солтан в замужестве Богутинская - в центре слева полулежит в темном платье. Перед ней - её дети, слева направо: Антонина, Люция; на переднем плане - Вацлав. Мелекесс, пикник, начало 1900-х гг.

Впоследствии, уже замужней дамой, моя бабушка Корнелия иногда давала благотворительные концерты в Мелекессе в Народном доме, в зале женской гимназии и в Симбирске. В ее программах всегда присутствовали произведения Фридерика Шопена.

В Мелекесс - посад Самарской губернии она переехала в 1902 г., выйдя в 1894 г. в Варшаве замуж за Вацлава Богутинского - моего деда, и жила в Мелекессе до 1918 г. Подробнее об этом - в следующей подглавке.

Замужество Корнелии Пересвет-Солтан

20-ти лет Корнелия Нарциссовна в 1894 г. в Варшаве вышла замуж за **Вацлава Богутинского** (1847, Богемия - 1907, Чехия, Прага) - выходца из Чехии, вдовца, дворянина и промышленника, австро-венгерского подданного, католика.

Его автограф нашел мой племянник Анджей Миллер. Он обнаружил его в архиве костела Святого Креста - *Świętego Krzyża* в Варшаве. Вот документ предбрачного оглашения моих деда и бабушки, заполненный их собственной рукой. Полужирным шрифтом выделены слова, вписанные лично брачующимися и их свидетелями:

"NARZECZENI

Ja Wacław Bohutyński wdowiec, syn +Prokopa i Anny z Likner Małżonków, lat 47 liczący, rodem z w. **Obetnica** **въ Богемии** trudniący się piwowar w Warszawie od lat **15** mcy ___ dni ___ zostający, w Parafii **Astrachańskiej** od lat **15** mcy ___ dni ___ t. j. od dnia ___, zamieszkały przy ulicy **M. Astrachan** No_.

Ja, Kornelia Józefina Soltan panna, Córka+Narcyza i Teofili z Żakowiczów Małżonków lat 20 licząca, rodem z **Łodejnoje pole G. Ołoniec**, trudniąca się **przy matce**, w Warszawie od lat **1. miesiący 9 dni** ___ zostająca, w Parafii tutejszej **Ś-go Krzyża** od lat ___ mcy ___ dni ___ t. j. od dnia **23/8.1892**, zamieszkała przy ulicy **Smolnej № 29/9⁵** N.

Zeznajemy, iż się dobrowolnie bierzemy i o żadnej przeszkodzie do tego małżeństwa między nami zachodzącej nie wiemy, na co się podpisujemy.

w Warszawie Roku dnia **12 Miesiąca Czerwca** Roku **1894**.

V. Bohutinsky Kornelija Soltan

ŚWIADKOWIE

2 Ja Wincenty Damulis, Urzęd., lat ___ zamieszkały przy ulicy **Szpitalnej № 5**.

1 Ja Mieczysław Soltan, dym. Pułkownik, lat ____
zamieszkały przy ulicy Wspólnej № 23.

Świadczymy, iż o żadnej przeszkodzie między wyżej
wyrażonemi osobami zachodzącej nie wiemy, i na to się
podpisujemy.

w Warszawie dnia 4 Miesiąca Sierpnia Roku 1894."

Перевод этого документа:

"БРАЧУЮЩИЕСЯ

Я, Вацлав Богутинский, вдовец, сын супругов
Прокопа и Анны Ликнер, 47 лет, родился в Обетнице, в
Богемии, работаю пивоваром, в Варшаве 15 лет, остаюсь в
астраханской парафии
15 лет, живу на улице
М. Астрахань №.

Я, Корнелия Жозе-
фина Солтан, дочь суп-
ругов Нарцисса и Тео-
фили Жакович, 20 лет,
родилась в г. Лодейное
Поле Олонецкой губер-
нии, работаю у мамы,
живу в Варшаве 1 год 9
месяцев, в Парафии Свя-
того Креста с 23.8.1892 г.,
живу на улице Смольная,
29/9⁵.

В Варшаве 12 июня
1894 г.

В. Богутинский
Корнелия Солтан.

Добровольно согла-
шаемся и ни о каких пре-
пятствиях для этого суп-
ружества мы не знаем, под
чем и подписываемся.

*Свадебная фотография
Корнелии Пересвет-Солтан и
Вацлава Богутинского.
Варшава. Nowe Miasto. Foto
J. Mieczkowskiego. 1894*

СВИДЕТЕЛИ.

Я, Винцент Дамулис, живу на ул.Шпитальная, 5.

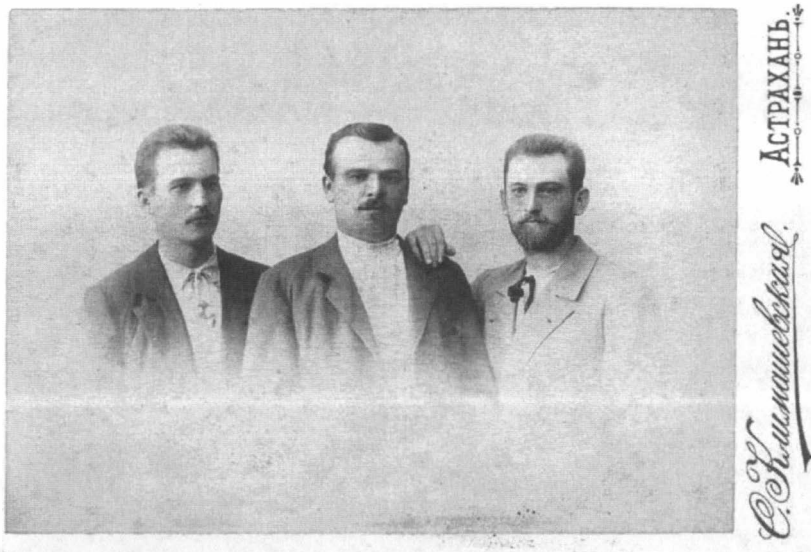
Я, Мечислав Солтан, полковник в отставке, живу на ул. Вспульна, 23.

Свидетельствуем, что ни о каких преградах между выше указанными людьми, мы не знаем, под чем и подписываемся.

в Варшаве 4 августа 1894 г."

В 1894 г. Вацлав Богутинский с молодой женой возвращается из Варшавы в Россию в Астрахань с целью продолжить заниматься предпринимательством. Видимо, к этому времени уже какой-то срок он работал управляющим в Астрахани на пивоваренном заводе Федорова.

Вацлав Богутинский окончил Высшую Пражскую пивоваренную академию и был первоклассным специалистом.

*Астрахань. В центре - владелец пивоваренного завода
Фёдоров, слева - Антон Чацкий, справа - его брат -
Вилем. Фотоателье "Двора его величества шаха
Персидского". Фотография С. Климашевской. 1890-е гг.*

Все его родственники у себя на родине занимались лесным делом и достигли в этой сфере больших успехов. Может быть поэтому он еще завел и бочарную мастерскую при своем Мелекесском заводе, так как хорошо знал свойства дерева.

Когда они сочетались браком с Корнелией Нарциссовой, ему было 47 лет. После пожара на заводе Федорова в Астрахани, Богутинский с семьей (моей матери было 4 года) переехал в посад Мелекес Самарской губернии (ныне город Димитровград Ульяновской области), стоящий на реке Большой Черемшан - притоке Волги, находящийся приблизительно в ста километрах от Симбирска. Мама помнила зарево пожара, когда горел завод Федорова. Запомнила она и

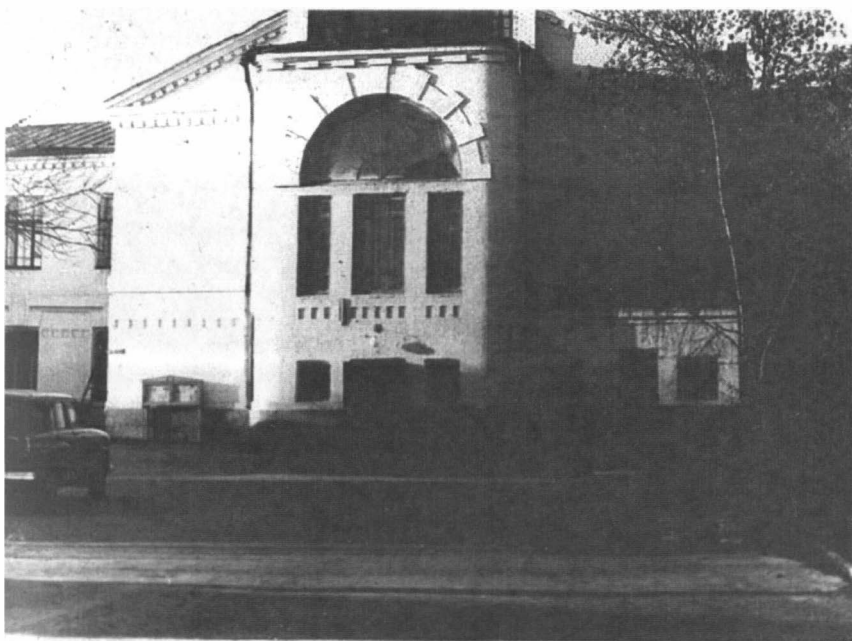

Часть панорамы посада Мелекес в XIX в.

переезд в Мелекесс. Всей семьей ехали на пароходе. Тогда пароходы были колесные. Мой дед любил поездки по Волге на пароходе с детьми. Он снимал несколько кают и так они путешествовали всей семьей.

В Мелекессе он владел с 1888 г. пивоваренным заводом (второй пивоваренный завод он приобрел в городе Павловске Воронежской губернии).

Что представлял собой посад Мелекесс в 1890-гг.? Слово "посад" означало поселок городского типа. В 1890-е гг. в посаде Мелекесс было 18 фабрик и заводов, в том числе 8 мукомольных мельниц, 7 кожевенных и 3 мыловаренных завода, льнопрядильная и ткацкая фабрики, а также более полусотни торговых заведений. Мелекесские предприниматели имели конторы в Самаре, Архангельске, Симбирске, Вологде, Нижнем Новгороде, Казани и других городах. Их пароходы плавали по Волге, Каме и по реке Вятке.

Фрагмент застройки Мелекесса в 1910-е гг.

Фото 1967 г.

О мелекесском заводе Вацлава Богутинского неоднократно упоминается в краеведческой литературе, вот выдержка из одной из краеведческих статей, посвященных посаду Мелекесс и заводу Богутинского: "Известен был Мелекесс своими пивоварами. Пиво-медоваренные заводы П.С. Марковой и В.И.Богутинского производили до 150 тыс. ведер в год пива разных сортов, в том числе чешский экспорт, черное, пильзенское, столовое, венское. О фирме В.И. Богутинского в издании "300-летие Державного дома Романовых" сказано, что производство оборудовано по последнему слову техники, пиво за высокое качество имеет несколько медалей, а бочарное заведение при заводе изготовляло бочки не только для собственных нужд, но и для экспорта на пивоваренные заводы европейской и азиатской России".

*Пивоваренный завод Вацлава Богутинского в Мелекессе.
Бочарня. Начало XX в.*

Рекламный проспект мелекесского завода В.Богутинского

Кажется странным, что в текстах о мелекесском "чешском пивоваренном заводе Вацлава Богутинского" на русский манер мой дед называется Ивановичем. В то время, как своего отца в предбрачном оглашении, он называет Прокопом. Но ведь Богутинские были католиками и возможно у моего прадеда второе имя было Ян, что по-русски значит Иван, т.е. при крещении он мог быть Прокоп Ян, и это его второе имя дед использовал как отчество.

Упомянутый в приведенной цитате "мёдо-пивоваренный завод П.С. Марковой" был известен жителям Мелекесса как Трехсосенский пивоваренный завод, а его владелица – это хорошо знакомая Богутинским Прасковья Степановна Маркова, с родными которой они были в приятельских отношениях. Один из Марковых – Константин Григорьевич в течение 39 лет был городским головой Мелекесса и в 2003 г. ему там установлен памятник. Богутинские были дружны с его братом – Андреем. Моя мама дружила с дочерьми Андрея – Лидией, Марией и Александрой. Уже пожилыми женщинами в конце их жизни знала их и я. Заводы

Марковых и Богутинских существовали каждый самостоятельно и никакой экономической связи между ними не было.

Пивоваренный завод Вацлава Богутинского в Мелекессе. Подвал для хранения продукции. Начало XX в. В окне слева направо – Люция и Антонина Богутинские

*Вацлав Иванович
(Прокопович)
Богутинский*

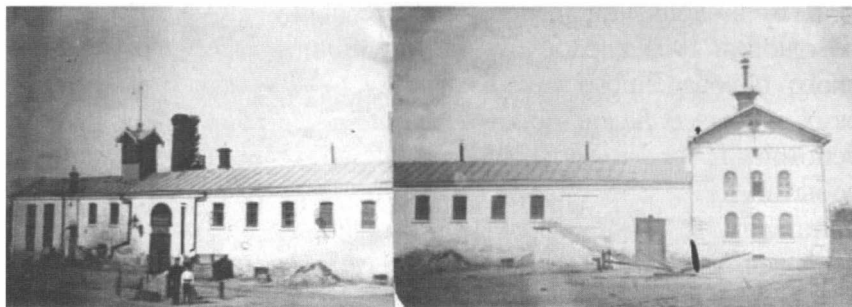

Вацлав Богутинский любил жизнь на широкую ногу - после его смерти у семьи остались большие долги: он покупал дорогих лошадей, ездил лечить зубы в Москву к зубному врачу Цицилии Яковлевне Цыпкиной (Большая Дмитровка, 9). Я ее помню уже старушкой, сам лечился только в Праге, в частности, после операции по поводу рака, где впоследствии и умер. Вместе с тем он был очень демократичен: давал рабочим своих заводов деньги в долг, например, на постройку дома. Во время революции 1905 г. рабочие даже пришли во двор его мелекесского пивоваренного завода и к дому, чтобы защитить Богутинских в случае надобности от непредвиденной напасти. Мама вспоминала о его вспыльчивости. Во время революционных событий 1905 г. в их дом в Мелекессе без предупреждения пришел полицейский чин с целью проверки "благонадежности". Мой дед, уже больной, сидел в кресле, прикрытый пледом. Он оскорбился визитом непрошенного гостя и закричал на него: "Я не приглашал Вас. Как смели прийти в мой дом без приглашения?! Вон!! Вон!!!" И больной, немощный поднялся с кресла, угрожая полицейскому тростью. Тот ушел. Никаких отрицательных последствий для деда этот визит не имел.

Пивоваренный завод Вацлава Богутинского в Мелекессе. Часть коллектива рабочих. Во 2-ом ряду 4-ый слева направо - управляющий А.М. Чацкий. Начало XX в.

В Мелекессе, помимо дома с большим садом, он имел два доходных дома, оба доходных дома сохранились. Он заводил лошадей, имел выезд, облагородил парк, в котором построил оранжереи, разбил клумбы и розарий, сделал аллеи, спортивные площадки для игры в городки, теннис, качели и "гигантские шаги". Обложку книги украшает фото-

Город Павловск Воронежской губ. Пивоваренный завод В. Богутинского. Начало XX в.

Город Павловск Воронежской губ. Жилой особняк семьи Богутинских. Начало XX в.

графия этого сада с изображением двух детей Богутинского от 1-го брака - Людмилы и Эдуарда. Мелекесские дом, сад и завод во время революции погибли, а Павловский завод и особняк в стиле модерн сохранились, завод активно функционировал еще в 1940-е гг.

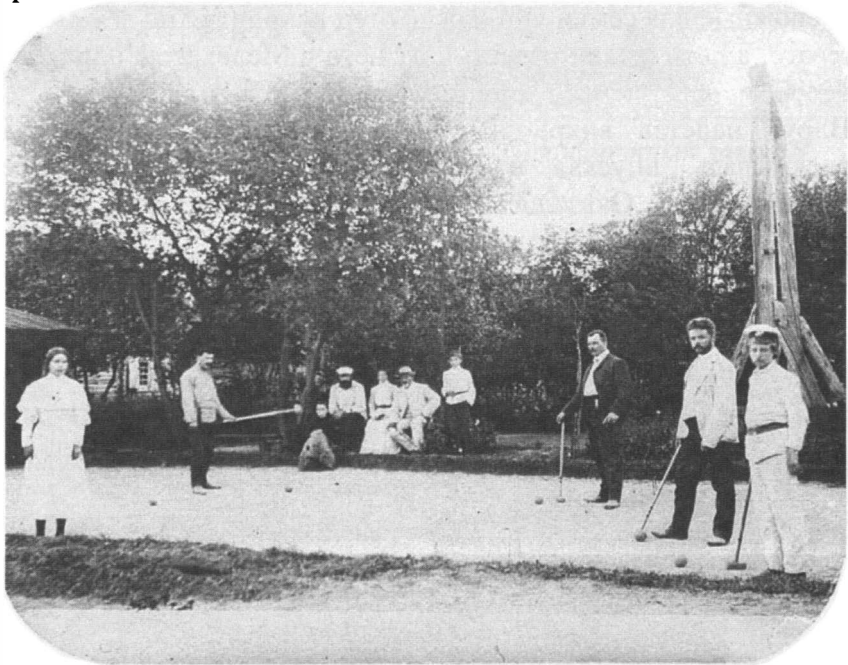
Дед умер в 1907 г., 25 ноября, в Праге, куда поехал по поводу операции рака прямой кишки. Операция, говорят, прошла удачно, но через несколько дней он умер от воспаления легких: в палате ему было душно и он, упрямясь, заставил дежурившего у постели сына от первого брака Владислава открыть окно. Маме было в ту пору 9 лет. Впоследствии она вспоминала, что в эти тревожные для семьи дни, когда отец находился на лечении в Праге, а дети ждали известий от него в Мелекесе, однажды вечером всей семьей они сидели в столовой за ужином. Вдруг налетел вихрь и от порыва ветра дверь в сад раскрылась, впуская в комнату холодный воздух. Все взволновались. Оказалось, что их отец именно в этот день и час умер в пражской больнице.

Часть дома Богутинских в Мелекесе. Начало XX в.

Похоронен Вацлав Богутинский - мой дед - на известном кладбище Ольшаны в Праге, аллея 7-14А-17. В сентябре 2006 г. его могилу навестила моя дочь Маша - Мария Эрнестовна Кольцова, а в 2011 г. - ее сын, мой внук - Дмитрий Кольцов.

Теофиля Пересвет-Солтан находилась все свои последние годы при дочери Корнелии в благополучной обстановке большой семьи в Мелекесе. Ее присутствие украшало жизнь окружающих. Она своими советами и житейской мудростью помогала воспитанию детей. Сюда к ней приезжали в гости сыновья Доминик и Михал, о чем свидетельствуют фотографии семейного альбома.

Часть парка при доме Богутинских в Мелекесе. Семья за игрой в крокет. Начало XX в. Слева направо: Людмила Богутинская, на лавочке – друзья семьи – Бронислава и П. Чапский, Корнелия, Вацлав и их сын Вацлав Богутинские, Антон Чацкий, Михал Пересвет-Солтан, Владислав Богутинский

В память о трагическом прошлом - о жертвах повстания Теофиля, как и многие другие повстанки, в знак вечного траура до конца дней носила черное платье и черную наколку в волосах. Такой она изображена и на сохранившейся фотографии, сделанной в Мелекессе. Эта фотография существует и по сей день и приведена в этой книге.

Моя мать, ее внучка, Люция Богутинская, вспоминала, что "бабуня" была хорошей католичкой, в семье пользовалась огромным уважением, много занималась со внуками. Их было пятеро: Антонина, Люция, Мария, Вацлав и Михал (см. четвертую главу этой книги). Те, кто помнили ее, отмечали, что она была очень строга и требовательна к детям, ото всех

Теофиля Пересвет-Солтан в девичестве Жакович, в белой блузке, в 1-м ряду слева направо вторая; окружена внуками Богутинскими - слева от неё - Вацлав, за спиной - Люция и Антонина, справа - Эдуард. В центре - дама в пестром платье - её дочь Корнелия Богутинская. Пикник, Мелекесс. Начало 1900-х гг.

держалась несколько отстраненно, но необычайно уважительно по отношению к любому человеку, будь то дворянин, или рабочий, или крестьянин, будь то горничная или владелец завода.

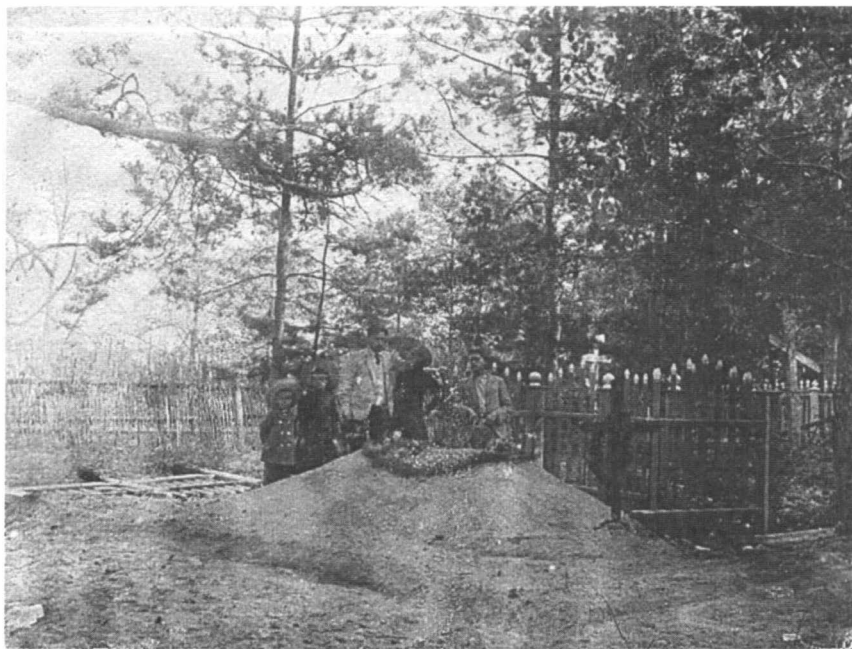
Она очень любила природу, доверяла народной медицине: собирала лекарственные травы. Например, лечила радикулит себе и другим ваннами из крапивы. Придавала огромное значение правильному физическому воспитанию внуков: по ее инициативе перед домом в Мелекессе был сделан каток. Внуков до середины сентября она купала в реке Большой Черемшан, на которой стоит Мелекесс. Всей семьей ездили на пикники и на Волгу: отправлялись "поездом" из нескольких подвод, на которые было положено сено, прикрытое коврами. Сохранились фотографии этих пикников.

Но, к сожалению, любовь к природе, травам, свежему воздуху, реке не удлинила жизнь Теофили. Она умерла в Мелекессе в 1907 г. еще не очень старым человеком и была похоронена на католическом участке мелекесского кладбища. Могила не сохранилась.

Теофиля всегда говорила своим внукам: "Человеческая жизнь переменчива, она как качели, всегда нужно быть готовым к тому, что после того, как она тебя вознесет, она же тебя и больно ударит оземь. Поэтому, дети, рассчитывайте только на себя, на свой ум, руки и любовь к труду!" Мать моя очень часто вспоминала эти слова. В нашей семье все были верны ее заветам.

От нее осталась страстная любовь к Польше, польскому языку, культуре и верность "польщизне" - т.е. совокупности черт, присущих именно полякам.

Дочь Нарцисса и Теофили - Корнелия Нарциссовна Пересвет-Солтан, в замужестве Богутинская, а затем Чацкая, прожила долгую жизнь. Как мы уже знаем, она родилась в 1873 г. в Лодейном Поле, где отбывала ссылку ее мать, а умерла после II мировой войны в 1949 г. в Цеханове в Польше, поочередно живя в семьях своих дочерей Антонины и Корнелии Гняздовских (урожденных Чацких). Из много-

*Могила Теофили Пересвет-Солтан в Мелекессе (не сохр.).
У могилы слева направо её внуки: Вацлав, Люция, Антонина.
В центре сын - Михал. Справа Эдуард Богутинский*

численных рассказов о ней складывается образ прекрасной Матери и Бабушки - это был крепкий ствол семейного дерева. Она закладывала высокие моральные, этические, эстетические основы в своих детях и внуках. Открытая, тактичная, умная, образованная, поэтичная, добрая и мягкая женщина - такой рисуют ее облик все, кто ее знал. Она владела пятью языками: русским, польским, чешским, немецким и французским, как мы уже говорили, великолепно играла на фортепиано и ввела в мир музыки свою предпоследнюю дочь Корнелию. Я уже упоминала, что Корнелия Нарциссовна в мелекесском доме не расставалась с фортепиано и порой случалось, что даже ночью дети просыпались от звуков музыки.

*Дети Богутинские: слева
направо - Михал, Вацлав, Люция*

Маруся Богутинская

В семье было 10 человек детей, ведь Вацлав Богутинский, женившись на Корнелии, был вдовцом и, как я писала, уже имел троих детей от первого брака: Эдуарда, Людмилу и Владислава. От брака Корнелии Нарциссовны и Вацлава Богутинских родились еще 7 детей, из которых – двое умерли в младенчестве, а пятеро, в том числе и моя мать, прожили долгую жизнь. От второго брака с Антоном Чацким было две девочки - Корнелия и Антонина.

Моя бабушка прекрасно воспитывала детей и внуков Анджея и Марека Гняздовских - сыновей ее последних двух дочерей. Все они выросли достойными людьми. Не случайно ее редким и красивым именем называли четырех девочек в семье. Это ее предпоследняя дочь Корнелия Чацкая, в замужестве Гняздовская, о которой мы говорили, это - последняя из 4-х дочерей ее приемного сына Владислава Богутинского, о котором мы тоже мельком вспоминали, а также внука моего внучатого племянника Анджея Миллера. И я. Я помню, как при встречах моей мамы и моего дяди

Влади (Владислава Вацлавовича Богутинского) они с любовью вспоминали мою бабушку, которую я ни разу не видела, но о которой слышала столько добрых слов.

*В саду при доме Богутинских в Мелекесе. Не сохр.
1-ый ряд (сидят слева направо) - дети Богутинские -
Михал, Мария, Вацлав. 2-ой ряд - А.М. Чацкий,
Корнелия Пересвет-Солтан (в замужестве
Богутинская, затем - Чацкая). 3-ий ряд - Антонина,
Людмила, Люция Богутинские.*

1910-е гг.

Антонина Богутинская в народном костюме (справа)

Глава вторая. Молодость моей матери в зловещие времена

*Гораздо легче найти ошибку, нежели истину.
Ошибка лежит на поверхности,
и ее замечаешь сразу,
а истина скрыта в глубине,
и не всякий может отыскать ее.*
И. Гёте

"Я родом из детства"

*Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!
Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?
Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу
и служат для меня источником лучших наслаждений.*
Лев Толстой

Одно из ярких воспоминаний моего детства: поле на холме, и по этому полю, впрягшись в борону вместо лошади, тащит её женщина. Эта женщина - моя мать, мне 10 лет, поле находится под деревней Лудина Гора за Волоколамском в Подмосковье, время - то ли май, то ли июнь 1943 г.

Лошадей, действительно, не было, как не было и самой деревни. Позапрошлой зимой наши выбили отсюда фашистов, немногие оставшиеся жители ютились в землянках, ото всех деревенских построек остался лишь сарай около уже не существовавшей школы. От школы осталась лишь печь, одиноко стоявшая среди развалин. На печи мы готовили еду, в сарае спали на прошлогоднем сене и порой нам под одеяло забирались погреться крысы. Нас было человек десять - художницы из Всехудожника с детьми. Всехудожник - объединение художников при МОСХ'е - Московском союзе

художников. Называлось все это "подсобное хозяйство". Нас пригнал сюда из Москвы голод. На поле с опозданием мы посадили турнепс - кормовую свеклу: других семян не было. Осенью урожай собрали, увезли в Москву и поделили между такими же голодными людьми. Ответственной за все это была моя мать.

Она не жила крестьянским трудом, но умела и бороновать, и посадить, и вырастить, и собрать урожай. Практически в жизни она умела все или почти все, а особенно хорошо - ухаживать за больными, готовить и вышивать. Кто же ее научил всему этому?

Моя мать, **Люция Вацлавовна Богутинская**, родилась 7 июня (25 мая) 1898 г. в Астрахани в семье ссыльной польки и чешского предпринимателя, предки которого происходили из польской шляхты. Волга стала ее колыбелью, и она любила Волгу и все волжское самозабвенно, и уже на исходе шестого десятка специально поехала пароходом из Москвы до Астрахани и обратно, чтобы повидать родные места. С четырехлетнего возраста до начала первой мировой войны она жила в посаде Мелекесс. Ныне это город Димитровград Ульяновской области, как я уже упоминала.

Удивительно, но этот маленький провинциальный городок на реке Большой Черемшан - притоке Волги, даже не город, а посад с десятью тысячами жителей, был культурным центром.

В городе находились Народный дом, женская гимназия, реальное училище. В гимназии преподавание велось на высоком уровне. Директрисой была мудрая и очень просвещенная женщина Ольга Гурьевна Сироткина, образ которой на всю жизнь запечатлелся в памяти бывших гимназисток. Ольга Гурьевна Сироткина была энтузиастом просвещения. Ее фотография хранится в нашем семейном альбоме. По ее облику чувствуется, какой это был благородный, глубокий, чуткий, честный и самоотверженный, интеллигентный человек.

Досуг скрашивали прогулки по окрестностям, которые были необыкновенно живописны: густые смешанные и сосновые леса, тогда полноводный Большой Черемшан и неподалеку - сама Волга! Таков был внешний фон, на котором проходили жизнь и учеба мамы.

В семье было необычайно уважительное отношение к труду. Дворяне-предприниматели - владельцы двух небольших пивоваренных заводов, они неустанно трудились и к труду с раннего возраста приучали своих детей. Вот документ той давней поры - метрика о крещении и рождении моей матери Люции Вацлавовны Гизелевской, урожденной Богутинской:

"По указу Его Императорского Величества НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА самодержца Всероссийского и проч. и проч. и проч.

Выпись из метрической крестоприводной книги Астраханской Римско-Католической Приходской Церкви за 1898-ой год, в коей на 16-м листе под № 33-м записано следующего содержания: Тысяча восемьсот девяносто восьмого года Июня пятнадцатого дня, в Астраханской Римско-Католической Приходской Церкви окрещен младенец по имени Люция, настоятелем оной Церкви Священником Леоном

*Ольга Гурьевна Сироткина -
основательница и начальница
женской гимназии в
Мелекессе*

Козловским с совершением всех обрядов "Таинства" Австрийско-подданного Вацлава Богутинского и жены его Корнелии урожденной Пересвет-Солтан, законных супругов дочь, родившаяся тысяча восемьсот девяносто восьмого года Мая, двадцать пятого дня, Астрахань.

Восприемники были: Дворяне - Доминик Пересвет-Солтан, с Мариєю Нарбут.

В том о точности оной подписью и приложением церковной печати удостоверяю:

1898 года, Июня 10-го дня."

Очень интересно, как воспитывали детей в семье моей бабушки. Как я уже писала, детей было 10 человек от 3-х браков. Все дети были равны и в экономическом, и в моральном плане. Никому не делалось предпочтения, напротив моя бабушка с еще большим вниманием относилась именно к этим старшим - "не своим" детям. Под кровом мелекесского дома никто не чувствовал себя одиноким и обиженным: детей с самого раннего возраста учили заботиться о маленьких, больных и слабых. И на всю жизнь у детей остались самые теплые воспоминания о семье и доме.

В основе воспитания лежала строгая система: все дни недели были расписаны

*Люция Богутинская -
гимназистка V класса. 1913*

по двум параметрам. Первый из них - труд: например, по понедельникам все девочки дежурили на кухне, где они исполняли черную работу: чистка овощей, их мытье, и, главное, готовка: супы, пироги, соусы, муссы, обработка мяса, птицы и т.д. Каждый второй день недели - сервировка стола, мытье посуды и все, что касается подачи блюд на стол. Каждая среда - уборка всех одиннадцати комнат в доме. Четверг - шитье, вышивание, вязание, перешивание носильных вещей старших для младших и т.д. Пятница - занятия старших девочек с младшими детьми. И, наконец, суббота - летом работы в саду, зимой - уход за домашними растениями и животными.

Мальчики также еженедельно занимались: один день столярным ремеслом, другой - слесарным, третий - переплетным делом, четвертый - работали в конюшне, пятый и шестой - в саду и огороде и т.д. Так что дети, приученные с раннего возраста к труду, впоследствии не чурались никакой работы.

Второй принцип, по которому делились все дни недели - языковой признак: каждую неделю дети в доме в течение одного-двух дней говорили на одном из изучаемых языков: один день - только по-французски, другой - по-немецки, третий - по-польски.

В душе они оставались западными людьми. Католические молитвы в семье творились на польском языке. В Мелекессе у них было не только русское, но и польское окружение - Чапские и Ружчевские - семьи лесничих ревизоров (Czapscy i Ruszczewscy). При мелекесском доме они оборудовали католическую молельню. Там служил ксендз Викентий Швельнис, который периодически приезжал к ним из Самары.

Однако, формировала их русская культура. То обстоятельство, что семья была двуязычной (польский и русский языки равно использовались в быту и культурной жизни), делало этих людей более многогранными, объективными в оценках, мир ими воспринимался более объемно, было меньше, чем могло бы быть в других случаях,

неуступчивости, категоричности, узости суждений, начётничества. Воистину, как говорится, один язык - один человек, а у него же, у этого человека, - два языка, это уже два человека.

Конечно, с русским окружением общение было самое тесное. Прежде всего, это была семья мукомолов и

*Люция Богутинская -
гимназистка VI класса. 1914*

пивоваров знаменитых мелекесских промышленников Марковых. Как я уже писала, один из них был городским головой и сейчас ему даже поставлен в городе памятник, но Богутинские дружили не с ним, а с его братом - Андреем. Также очень тесные отношения они поддерживали с родственниками одного из создателей МХТ'а, а именно В.И. Немировича-Данченко, т.е. с семьей его брата Василия Ивановича - писателя.

Все остальные дни были "русскими". Русский был родным языком и дети знали прекрасно все его оттенки: дома,

независимо от гимназических заданий, писали с домашним учителем сочинения на свободные темы, знали в изобилии пословицы, поговорки, и моя мама была прекрасной рассказчицей: все, о чем пишу здесь, я знаю с ее слов.

Замечательным источником общения с родным Поволжьем были конные и пешие прогулки и пикники. Как я уже писала, Мелекес стоит на речке Большой Черемшан. На 2-3-х

подводах ехали или на его берег, или даже дальше - на Волгу. Брали снедь, самовары и все, от мала до велика, наслаждались красотами родных мест. На Волге делали дальние заплывы, а в Черемшане детей купали иногда и в холодные сентябрьские дни. Они ездили на ярмарки и у мамы, кстати умевшей хорошо рисовать с детства, на всю жизнь сохранился интерес к народному искусству: резьбе по дереву, вышивкам, росписям. В юности у нее даже появилась мысль поступить в Строгановское училище.

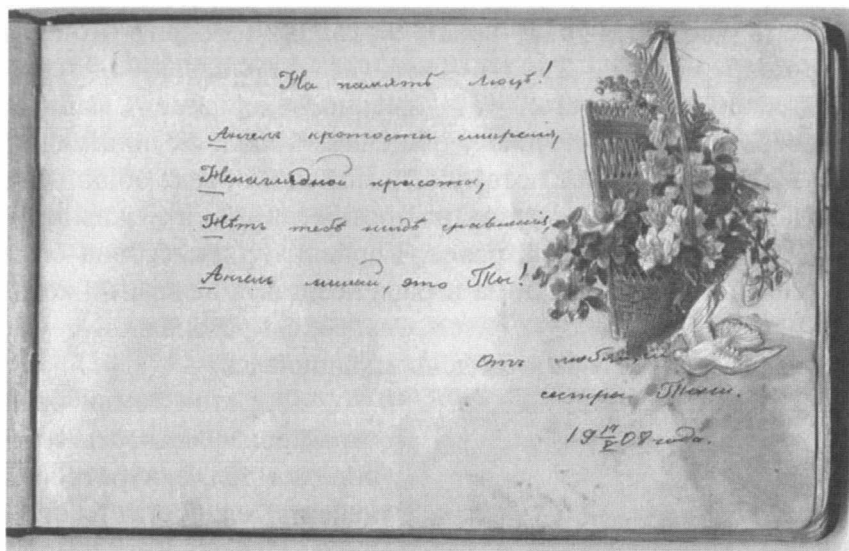

Семья Богутинских-Чацких. Расшифровка номеров: 1 - Доминик Нарциссович Пересвет-Солтан, 2 - его жена Мария, урожд. Нарбут. Дети Богутинские: №3 - Антонина, №4 - Люция, №5 - Мария, №6 - Михал, №8 - Вацлав. Чацкие: №9 - Корнелия Нарциссовна (во 2-м браке Чацкая), №10 - её муж - Антон Мартынович, №7 - Корнелия на руках у кормилицы. Мелекесс. 1909

Так готовили детей к жизни, полагая, что она будет непростой. Их бабушка, некогда оказавшаяся, как я уже писала, в ссылке на берегу Ладожского озера, памятуя об этом, говаривала им, что человек всегда должен быть готов к переменам и не в лучшую сторону. Дети от младых ногтей усваивали истину: "Не люди для тебя, а ты для людей". В 1-й главе я привожу запись одного из патриархов семьи Доминика Пересвет-Солтана, обращенную к тогда еще малому ребенку - моей тете Неле: "Жизнь - это не только наслаждение, но и труд и тревога..." И учили этому не декларативно, а на реальных фактах: так, например, однажды в Народном доме - учреждении, подобном городскому клубу, устраивали благотворительный утренник и Богутинские были в числе благотворителей, внесших немалую сумму на его проведение, но своих детей на этот праздник они привели не в дорогой одежде, которая, конечно же, у них была, а в сатиновых платьях, в каких пришли на утренник бедные дети, для которых его устраивали. Мама потом вспоминала, как кто-то в зале шепотом сказал: "А барышни-то Богутинские в сатиновых платьях".

Дома ставили спектакли и "живые картины", т.е. как бы застывшие балетно-спортивные номера на конкретный сюжет. Эти представления часто переносили на сцену Народного дома или гимназии. При подготовке и проведении спектаклей царила такая доброжелательная атмосфера, что мама всю жизнь вспоминала их как праздник. Например, неоднократно она с удовольствием рассказывала о том, как пятилетней девочкой вышла на сцену в пьесе по сказке Г.Х. Андерсена "Снежная королева" с одной только репликой: "Пропал, совсем пропал Кай!" Видимо, все это действо было ей так приятно, что она не могла его забыть. С особой теплотой и сердечностью отмечались в семье рождественские праздники с "елками". Любопытным напоминанием о детских занятиях является мамин альбомчик для стихов в синем бархатном переплете. Такие альбомчики были очень распространены в то время, однако среди

наивных стишков-пожеланий от подруг (им было по 10-11 лет) есть и стихотворение М.Ю. Лермонтова "Ангел", вписанное рукой некоей подружки Г.Б.

*Альбом для стихов Люции Богутинской,
страничка – "От любящей сестры Тони"*

Мелекесс был городом интернациональным: много было татар и представителей других приволжских народностей. Само слово "Мелекесс" татарское. В семье было равное отношение ко всем народам и народностям и, в частности, когда кто-то при Корнелии Нарциссовне позволил себе антисемитскую выходку, она, обращаясь к детям, сказала: "Антисемитизм - также отвратителен, как запах от потных ног или из грязного рта" и мама это запомнила раз и навсегда. Моя бабушка, говорят, приучала внуков с самого раннего детства к тому, чтобы они оценивали человека по его душевным качествам, а не по внешним приметам, т.е. не по тому, как он одет, сколько у него денег и т.д., а по его душе и делам.

Дети находились (в зависимости от возраста) под неусыпным контролем или кормилицы, или няни, или воспитательницы, или домашнего учителя, но основной надзор над ними осуществляла сама мать. С грудного, можно сказать, возраста они знали правила хорошего тона и хорошие манеры, но это была не фальшивая, светская, холодная учтивость, а именно хорошие манеры, способствовавшие лучшему общению людей, их пониманию друг друга. Наверное потому, что моя мама умела общаться с людьми, они к ней тянулись на протяжении всей ее жизни.

Как я уже писала ранее, Корнелия Нарциссовна была хорошей пианисткой, дома играла поздними вечерами, когда дети отходили ко сну. Затем она обходила спальни с уже спящими детьми и на этом день заканчивался.

*Люция Богутинская -
курсистка. Москва. 1916*

Для этой семьи была характерна четкость рас-
порядка дня, аккуратность,
исполнительность и стро-
гость нравов. Когда мама,
уже будучи взрослой де-
вушкой, приехала на ка-
никулы из Москвы, где она
училась, в Мелекесс,
произошел такой случай:
она прошла в столовую к
утреннему чаю и вдруг
мать строго спросила ее:

- Люция, разве ты
общаешься в Москве не с
курсистками, а знакома с
кокотками?

- Что Вы, как Вы та-
кое могли подумать, мама?
- ответила дочь.

- Очень просто, на
тебе слишком прозрачная

шифоновая блузка, и ты душишься с утра слишком крепкими духами, которые не к лицу юной девушке.

В семье царили строгие нравы. Огромное внимание уделялось образованию. Помимо занятий в гимназии дети дома проводили много времени с домашними учителями. В перечне дисциплин в мамином аттестате зрелости отмечены, помимо русского языка и математики, география и история, всеобщая и русская, математическая география, естественная история, физика, языки немецкий и французский, педагогика и рисование. Ее пятерка по естественной истории не была случайностью: она мечтала стать врачом.

Она окончила гимназию, когда уже шла первая мировая война, в 1915 г., все ее душевные порывы, характер, склонности, мысли и поступки были замечены, проанализированы и запечатлены в "Описании характера Люции Вячеславовны /Вацлавовны/ Богутинской", составленном домашним учителем семьи Ф. Муромцевым. Каким психологом и тонким аналитиком должен был быть этот домашний учитель, чтобы так точно угадать характер! Вот эта письменная характеристика, составленная им 24 мая 1915 г., в воскресенье, в ту пору, когда она заканчивала гимназию (сохраняем орфографию 1915 г.).

Справа - Люция Богутинская - гимназистка VII класса с домашней учительницей. 1915

"Описание характера Люции Вячеславовны Богутинской.

Отныне Вы вступаете на путь взрослого человека, и я должен исполнить перед вами свое давнишнее обещание - написать Вашу характеристику. Итак, начинаем:

Как Вам известно, характер всякого человека складывается из трех взаимодействующих факторов психической жизни: ума, чувства и воли. Разсмотрим у Вас эти свойства и дадим общий очерк Вашей индивидуальности. Будем, конечно, безпристрастны.

Ум Ваш, как и большинство женских умов Вашего возраста, пока еще обладает не особенно широкой самостоятельностью, но в нем есть симпатичная черта: благоразумие, в котором заключается, так-сказать, сдерживающее начало Ваших поступков. Со временем это благоразумие будет играть доминирующую роль в Вашем характере, что даст Вам возможность более здраво смотреть на вещи и более точно определять границы своих правоспособностей.

Вы очень многое и очень тонко понимаете, хотя и мало разсуждаете вслух, а больше думаете про-себя. Не смотря на молоденький возраст, ум Ваш склонен к серьезным размышлениям о жизни, о людях и о себе. Легкомыслие Вам чуждо, поэтому Вы не способны на эксцентричные поступки; как человек с уравновешенной и спокойной душою, Вы никогда не потеряете ясность мысли. Ум Ваш пытлив и настроен скептически. Вы любознательны и любопытны, но чужия тайны храните почти так-же, как и свои. Правдивы и достаточно сдержанны. Круг Ваших желаний широк и практически, быть-может, неосуществим, и Вы невольно пребываете в царстве грез и мечтаний, которые, впрочем, нисколько не умаляют Вас ни в каком отношении. Ваши мысли и желания чисты, а потому и совесть спокойна. Но такие люди, как Вы, от столкновения с грубыми фактами жизни сильно страдают душою и от бессильных протестов впадают в меланхолию - или-же просто в созерцательное

настроение - и чувствуют себя одинокими. А раз Вы такая, то легко можете понимать других людей и часто весьма удачно угадываете их мысли, чувства, настроения. В более зрелом возрасте из Вас может выработаться писательница. Творческой фантазии у Вас много, и, кроме того, Вы имеете чуткость ко всякой красоте.

Некоторые переживания Ваши кладут на Вас сильный отпечаток, но Вы очень осторожны и скрытны и привыкли затаивать в себе многое, боясь, что другие не будут Вам сочувствовать, не поймут Вас, осмеют или осудят. А самолюбие Ваше такое тонкое, что способно реагировать на каждый пустяк.

Как уже было сказано выше, ум Ваш обладает пока не особенно широкой самостоятельностью и независимостью. Иногда Вы теряете свою самобытность, поддаетесь тому течению, какое подмечаете в окружающей Вас среде; другими словами - чужия убеждения считаете за свои, - но, все-таки, часто остаетесь при особом мнении, которое вырабатывается у Вас в тиши уединения, когда никто не мешает Вам проанализировать свои поступки и речи. Лгать не любите. Разве только какая-нибудь крайняя необходимость заставит Вас иногда пускаться на обман и хитрость, и то уже после этого настроение у Вас меняется к худшему.

Продолжим далее:

Вы, Люция Вячеславовна, имеете нежное, чуткое, мягкое, отзывчивое, привязчивое, признательное сердце, настоящее женское сердце, способное удерживать в себе только хорошие, доброжелательные чувства. Там нет места ни злобе, ни коварству. Конечно, не все перечисленные выше качества развиты в одинаковой мере, но в общем, можно сказать, что основная черта Вашего характера - добродушие. Этим Вы невольно привлекаете к себе симпатии людей обоего пола. Если надумаете выйти замуж, то Ваш будущий муж должен гордиться Вами, ценить Вас и любить.

Вы не материалистка. Богатство и почести, гордость и тщеславие не свойственны Вашей душе. В характере Вашем

много благородства, но Вы скромны и в заслугу себе этого не ставите.

Хотя Вы иногда и не способны говорить людям обидные вещи, но это выходит у Вас не от злости, которой нет, а просто потому, что всякой барышне порою свойственно быть забавным бесенком...

Кокетства в Вас не нахожу. Вы считаете это ниже своего достоинства. Кокетством вооружаются обыкновенно люди, чувствующие за собою какой-либо пробел, а у Вас жизнь проходит просто и естественно, и отношения Ваши к мужскому элементу не заставляют желать ничего лучшего. Вы немножко ревнивы. Девушка Вы не особенно увлекающаяся. Думается мне, что любовь Вам суждено пережить только однажды, но с такими огорчениями и разочарованиями, что лучше-бы этого и не было...

Когда это случится, - вспомните меня. У Вас прекрасный эстетический вкус, и Вы любите порядок и аккуратность. Бережливы, но скупости нет никакой.

Обиды скоро забываете и мстить неспособны. Любите животных и цветы. К людям относитесь строго, но справедливо. Столкновения с ними происходят у Вас от того, что Вы мало проявляете уступчивости, и благоразумие Ваше в данном случае покидает Вас. Но когда у Вас происходит борьба между эгоизмом и сознанием долга, - то почти всегда побеждает последнее. Следовательно, эгоизму Вы даете простора мало. Поэтому, подруги, вероятно, очень привязываются к Вам.

Иногда Вы, как-будто, сердитесь и негодуете, а на самом деле не чувствуете в душе никакой враждебности.

У Вас есть склонности к мирной, уютной жизни. Довольствуетесь малым, ни в какие крайности не вдаетесь. Из рамок не выходите.

Воли имеется у Вас порядочно: столько, сколько нужно. Это дает Вам возможность быть настойчивой и благополучно доводить начатое дело до конца. Вы, что

называется, всегда можете "взять себя в руки" и принудить к какой-угодно работе, хотя-бы и мало интересной для Вас.

Люди, которые считают Вас лентяйкой, жестоко ошибаются.

Вы очень скрытная и обладаете даром проницательности.

Чувство ложного стыда и ложного самолюбия существенной роли в Вашем характере не играют.

Вы склонны к упрямству и противоречию. Часто даже противоречите самой себе. Но чем далее, тем более становитесь выдержанной. Должно-быть, начинаете приходить к сознанию необходимости контроля над собой. Признак многообещающий. Как видно из всего изложенного, характер Ваш является очень симпатичным. Когда кругозор Вашей мысли развернется еще шире, - из Вас получится великолепный человек, идеальная женщина.

Похвала моя без лести, и я знаю, что ею Вас не испортить

Исполнив свое обещание, почтительно удаляюсь и оставляю Вам для настоящего и будущего лучшие пожелания здоровья, успеха и счастья.

24 мая, 1915 г.

Ф. Муромцев

Воскресенье."

И приписка:

"... Лирой всех готов я забавлять: -

Юность светлую и Ваши очи

Целый век я буду представлять

Ясной звездочкой во мраке ночи...

Ф.М."

Характеристика носит не столько комплиментарный, сколько аналитический характер, и, отмечая положительные стороны натуры своей воспитанницы, Муромцев предостерегает ее от ошибок, например вот слова из этой

характеристики: "Чувство ложного стыда и ложного самолюбия существенной роли в Вашем характере не играет. Но Вы склонны к упрямству и противоречию. Часто даже противоречите самой себе".

Этот прекрасный педагог и вдумчивый человек проницательно определил еще одну сторону характера мамы, там же, в характеристике, он пишет: "Думается мне, что любовь Вам суждено пережить только однажды..." "Если надумаете выйти замуж, то Ваш будущий муж должен гордиться Вами, ценить Вас и любить". Все это сбудется: она счастливо проживет с моим отцом 38 лет и 1 день.

*Чацкий Антон Мартынович -
отчим детей Богутинских,
последний владелец двух
пивоваренных заводов
В. Богутинского*

В пору юности ею принимались очень твердые решения. Первое испытание: в 1914 г., как только началась война с Австро-Венгрией, ее отчима, **Антон Мартыновича Чацкого** (1870, Богемия – 1934, Чехия, Прага), арестовали на короткий срок как австро-венгерского подданного. Завод остался бесхозным, и мама шестнадцатилетней девочкой на несколько месяцев взяла управление на себя. После окончания гимназии в Мелекессе моя мать в течение года дома готовилась к поступлению в Строгановское училище, но при этом очень увлекалась медициной и раздвигалась, чему же отдать предпочтение -

изобразительному искусству или медицине. Моя мама также имела большие способности к пению и училась в Мелекесе и впоследствии в Москве музыке. Она имела хорошего тембра красивый голос. Впоследствии все сомнения разрешила жизнь.

Шла I-я мировая война. С запада хлынул поток беженцев. Он докатился и до Поволжья. Отзываясь на боль людей, семнадцатилетней девочкой в 1915-1916 гг. мама на свою долю капитала открыла в Мелекесе госпиталь на 30 коек для беженцев из западных губерний. Она наняла врача и сестер и сама в этом госпитале работала медицинской сестрой с особенно тяжелыми больными. Впоследствии мама часто вспоминала об одном эпизоде: юная девушка-беженка с братишкой-мальчишкой, больным дифтеритом, так же лежала в этом госпитале. Девушка была больна несерьезно, а мальчик мучился в бреду. Сестричка умоляла мою мать, тоже почти девочку, спасти его, т.к. это был единственный родственник девушки, оставшийся в живых, но как ни старались врачи, ничего сделать было невозможно: мальчик умер. Возможно этот факт повлиял на решение мамы стать детским врачом, но, к сожалению, за дворянское происхождение впоследствии, в 1924 г., ее "вычистили" из Московского университета с медицинского факультета.

Итак ею было принято решение поступать на медицинский факультет, для этого мама уезжает из Мелекеса в Москву, покидая любимый город и семью.

В доме Трындиных на Большой Лубянке

*Главный признак молодости –
это бескорыстие в помыслах и чувствах.*

Г. Гете

В Москве на Большой Лубянке стоит и поныне дом 13, примечательный тем, что там в 1990-е находился Московский экспериментальный театр "Детектив". В 1910-х здесь располагалась картографическая фабрика Петра Петровича Трындина, о чем напоминает чудом сохранившаяся на ограде балкона монограмма "Т.П." Если подняться по мраморной лестнице, находящейся внутри дома, можно познакомиться с частью интерьера, конечно, изменившегося за последние десятилетия. Видимо, магазин картографической фабрики находился в первом этаже за большими окнами-витринами, а рабочие помещения располагались выше.

Петр Петрович был человеком либеральных взглядов, он мягко относился к своим работникам. После революции его даже назначили "красным директором", а расстреляли лишь в 1930-е. Его жену, Анастасию Николаевну, я успела застать. Будучи пятилетним ребенком, в конце 1930-х гг., я видела ее, неизлечимо больную в тесной забитой мебелью маленькой квартире в одном из сretenских переулков. Она сидела, укутанная шалью, в кресле с высокой спинкой, в полутемной комнате. Я запомнила ее тихий голос и удивительное благородство облика.

Моя мама снимала у Трындиных в 1916-1918 гг. две комнаты. Она приехала в Москву с целью получения высшего образования. Трындины были друзьями ее родителей. Видимо, поэтому и обещали присмотреть за юной провинциалкой. Планомерно идя к намеченной цели - стать врачом, она поступает в Москве на курсы сестер милосердия при фельдшерско-акушерской школе доктора Г.Л.Рогинского, которые успешно заканчивает 7 октября 1916 г., как

отмечено в свидетельстве за №2410, где в программу входили "анатомия и физиология, гигиена, хирургия и десмургия, внутренние и нервные болезни, инфекционные, венерические и кожные, учение о лекарствах, латинский язык, уход за больными и ранеными, уход за душевнобольными и I-я медицинская помощь".

В 1916 г. она закончила курсы сестер милосердия. Справка об окончании выглядит так:

*Люция Богутинская. Москва.
1917*

"М.В.Д. Фельдшерско-акушерская школа доктора Г.Л. Рогинского в Москве Октября 7 дня 1916 г. №2410.

Свидетельство

Предъявительница сего Богутинская Люция Вячеславовна прослушала при школе двухмесячный курс для сестер милосердия, в программу которого входят анатомия и физиология, гигиена, хирургия и десмургия, внутренние и нервные болезни, инфекционные, уход за больными и ранеными, уход за душевно-больными и I-я медицинская помощь, работала практически по уходу за больными и ранеными и на произведенном 5 октября 1916 года испытании оказала вполне удовлетворительные успехи, в чем и выдается настоящее удостоверение на основании § 21 Устава школы.

Директор школы
Секретарь совета
Заведующая канцелярией А. Карасева.
подписи неразборчиво..."

*Люция Богутинская -
студентка*

Затем мама поступила на Высшие женские медицинские курсы Статкевича и Изачека, здание которых, значительно перестроенное, долгое время находилось за наземным вестибюлем станции метра "Баррикадная". Будучи студенткой Высших женских курсов Статкевича и Изачека, она продолжала жить на Большой Лубянке на квартире у семьи Трындиных. Началась февральская революция. Многие курсистки, или, как мама их любовно называла "курсежи", восторженно встретили февральскую революцию. Мама вспоминала, что курсистки входили в студенческую милицию, о которой я слышала только от нее, и принимали участие в митингах. У мамы, видимо, в генах было стремление к общественной жизни, доставшееся ей от предков.

Затем наступил, как она выражалась, "октябрьский переворот". Спокойная и размеренная жизнь во всей России миновала: шел 1917-й год. Москва кипела митингами в феврале, а когда наступил октябрь, в городе нарушился привычный уклад жизни, пришли всеобщая сумятица и неразбериха. С Поволжьем, где в Мелекесе находились дом и ее родные,

*Революционно настроенная интеллигенция. Мелекес.
1917*

сообщение было затруднено в связи с событиями Гражданской войны. В 1918 г. ей было 20 лет, в Москве у нее не было никого, ход общественных событий, не очень понятный нам и теперь, ей тогда был совершенно не ясен. Наступил голод, впоследствии она часто вспоминала о ржавой селедке, которую выдавали в голодной Москве, в надрезанное брюшко коей для веса всыпали песок.

На соседнем с Большой Лубянской Стретенском бульваре, 6, и поныне находится здание бывшего Страхового общества "Россия", которое является украшением этого района. Живописны его коричнево-серые башенки, причудливые, изысканного орнамента ворота. Маленькие декоративные сквозные дворики этого большого здания

соединяют Сретенский бульвар с Бобровым переулком. Этот дом напоминает об общем облике Москвы на рубеже XIX-XX вв., когда город, сохраняя присущий ему усадебный характер застройки и самобытность, органично менял образ, в который вплетались эклектичные, подчас талантливо решенные постройки, отвечавшие потребностям растущей Москвы.

В первые месяцы советской власти в части здания бывшего Страхового общества "Россия" находилось артиллерийское управление, куда мама поступила работать машинисткой. Вскоре всех сотрудников Главного артиллерийского управления объявили военнообязанными. Дисциплина, страх перед голодом, желание увидеть родные места заставили маму согласиться принять перевод в Симбирск на работу в Штабе Восточного фронта Красной Армии. Может быть все бы обошлось относительно благополучно, не будь это именно Симбирск, город, от которого до Мелекесса рукой подать.

В Симбирске во время Гражданской войны

*Стыдно сейчас надмеваться, ухмыляться,
плакать, ломать руки, ахать над Россией,
над которой пролетает революционный циклон.*

А. Блок

Итак, бушующая революцией Россия. 1918-й год. Неожиданная командировка юной машинистки в Штаб Восточного фронта Красной Армии, которая рождала у нее надежду увидеть родные места и повидать родных. К моменту маминного приезда в Симбирск в семье Богутинских - Чацких в Мелекесе произошли следующие события. В Поволжье находились пленные австро-венгры, в основном чехи, захваченные в I-ую мировую войну. Были они и в Мелекесе. Второй муж Корнелии Нарциссовны - отчим моей матери - Антон Мартынович Чацкий также как и мой дед Вацлав Богутинский был чехом и австро-венгерским подданным, за что и отсидел, как я уже писала ранее, в тюрьме несколько недель или месяцев в 1914 г., после чего принял русское подданство, равно как и все дети в семье, за исключением двух сыновей - Эдуарда и Владислава. Чехи приходили к Антону Мартыновичу, как к хозяину пивоваренного завода и пили прекрасное, славившееся в этих местах, сваренное по лучшим чешским рецептам пиво. Он был первоклассным специалистом - пивоваром, выпускником Пражской пивоваренной академии. Естественно, что между пленными чехами и Чацким возникли и какие-то приятельские отношения. Чехословацкий корпус с разрешения большевистских властей эвакуировался из мест, где уже шла Гражданская война, на восток. Вдруг корпус восстал. Чехи требовали того, чтобы их свободно пропустили с необходимым оружием на восток, чтобы затем через Владивосток уехать из России. Возникла драматическая ситуация. В "Московских Новостях" (№28, 12 июля 1992, с. 21)²² в статье доктора исторических наук Генриха Иоффе опубликована выдержка из приказа наркома по военным делам Л.

Троцкого: "Военный комиссариат издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении чехословаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться мероприятиям Советской власти <...> С Урала и Центральной России и из Сибири двинуто достаточное количество войска для того чтобы сокрушить мятежников <...>"

Белочехи пробыли в Мелекесе с 18 июля по 6 октября 1918 г. – почти три месяца. Они установили власть Комуча – контрреволюционного правительства. 6 октября 1918 г. в Мелекес вошли части Правой группы войск Пятой армии Восточного фронта Красной Армии.

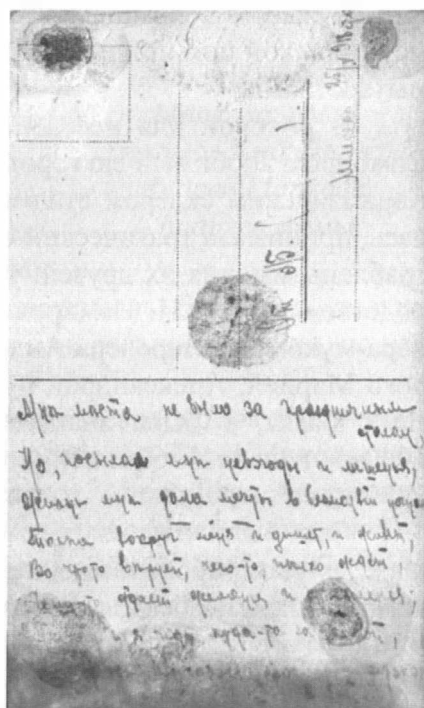
Естественно, что семья Богутинских-Чацких, с многочисленными чадами и домочадцами, не могла бы оставаться в Мелекесе после ухода чехословацкого корпуса. Они это прекрасно понимали и бежали с чехословацким корпусом, стремительно собравшись: ситуация была такова, что решение надо было принять мгновенно. Они не ошиблись в своих худших предположениях: после их отъезда, дом был разграблен, хрустальные люстры и зеркала изрешечены пулями, домашняя собака - фокстерьер Мазепка - застрелена. Судьба дома и завода, огромного сада, с розарием, "гигантскими шагами", теннисной площадкой и прочими затеями, была печальна. Также уничтожены были конюшня и другие постройки.

На этом месте впоследствии были поставлены обычные одноэтажные дома-пятистенки с делянками, засаженными картошкой. Я видела этот унылый пейзаж в 1967 г., когда специально посетила эти места с целью сопоставить их реальный современный вид с рассказами, слышанными мной от мамы ещё в детстве.

С этим временем в биографии мамы связан один таинственный факт. У нас в альбоме хранится ее фотография с надписью на обороте, которую она никогда не комментировала: "От ЛБ. (в скобке стерто- *Авт.*). Мелекес. 25/V 1918 ст. ст." и тут же стихотворение неизвестного автора, говорящее о потере и несчастье. ЛБ – это её

монограмма. Кому ею была подарена эта фотография и почему она опять оказалась у мамы? О какой потере идет речь в стихах? И, главное, - "Мелекесс. 25/V1918 ст. ст. (старого стиля – Авт.)". Ведь 25 мая именно старого стиля в 1918 г. – её день рождения, когда ей исполнилось 20 лет. Почему в скобках стерто какое-то слово? Что значит это стихотворение, начинающееся словами:

*Мне места не было за праздничным столом,
Но посылая мне невзгоды и лишения...*

*Люция Богутинская. На обороте её рукой: "От ЛБ.
Мелекесс. 25/V 1918 ст.ст."*

Не означает ли всё это, что она тайно отлучилась из Симбирска из Штаба Восточного фронта, где в этот период работала как военнообязанная, и посетила Мелекесс? Мы только можем теряться в догадках, но правильный ответ вряд ли найдем.

Из рассказов мамы и её сестер я знаю, что в течение двух лет мамина семья через Сибирь, Владивосток, Сингапур, Индийский океан, Красное и Средиземное моря добирались до Праги. В пути дети болели, две крохотные девочки - дочери маминой старшей сестры Антонины умерли. В течении всего тяжелого пути они познали голод, болезни, унижения и все муки изгнаничества. Впоследствии они с ужасом вспоминали теплушки в Сибири, отсутствие медицинской помощи и вообще были измотаны двухлетними мытарствами.

В роковой для неё 1918 год маме другим показался Симбирск. Любимый ею город с красавицей Волгой, Венцом, Карамзинским сквером стал не мил, т.к. обстановка накалялась, принимала трагический оборот. Было известно, что разграблены имения их друзей: уже упомянутых мною людей – родственников В.И. Немирович-Данченко, и семьи миллионера-мукомола-старовера Андрея Маркова, с дочерьми которого Марией, Александрой и Лидией Андреевнами - подругами мамы, я была знакома, естественно, уже позже, в 1940-е- начале 1960-х гг., а с Марией Андреевной ещё в 1930-е гг.

Они были подвижницами, Лидия Андреевна, отсидевшая за свое происхождение в лагере, впоследствии всю жизнь отдавала обездоленным людям: она работала в Москве в Институте глазных болезней им. Г. Гельмгольца и ездила в медицинские экспедиции по борьбе с трахомой в 1950-е г. в Марийскую АССР. Была совершенная бессеребренница, была очень религиозна, религия её нравственно спасала после всего пережитого.

Лидия Андреевна очень тяжело переживала изменения в ее жизни. Ведь 10 лет ей пришлось пробыть в лагере. С детства она привыкла к достатку, ее воспитывала гувернантка-англичанка, но вдруг вся её жизнь перевернулась.

Лидия Андреевна была сучопарая, высокая, рыжеволосая, сдержанная, в скромной шляпке с коротенькими полями, которую я ассоциировала почему-то с гардеробом англичанок. Она была немногословной, хорошо помнившей английский язык, и представляла собой очень колоритную особу, выделяясь на общем фоне с одной стороны своей изысканностью, а с другой – скромностью, удивительной расположенностью к людям, сердобольностью и умением всем помочь. Всем, решительно всем, и даже тем, кто не просил о моральной помощи, но как она понимала, в ней нуждался.

Мария Андреевна уже в советское время была компаньонкой революционерки-народоволки Веры Николаевны Фигнер (1852 – 1942). Третья сестра, Александра Андреевна, была тихой, религиозной, очень работающей женщиной с приятной, как бы извиняющейся улыбкой. Все они были не замужем. Все три сестры жили в 12-ти метровой комнатке в общей квартире в доме №45 на Арбате, в нижнем этаже которого находился магазин "Диета". Я бывала у них в гостях на этой квартире. Они всего боялись, были немногословны, постоянно как-то виновато улыбались и очень редко вспоминали свою жизнь в Мелекессе в "мирное" время. Лишь вдруг иногда, отметив, как я похожа на маму, они заговаривали о своей юности, братьях, но быстро спохватывались и умол-

*Лидия Андреевна
Маркова - дочь
мукомола-миллионера
Андрея Маркова,
подруга мамы*

Александр Андреевич Марков - гимназист. Брат упомянутых сестер Марковых. Участник белого движения, эмигрировал в Китай

кали. После Гражданской войны сестры Марковы остались живы, а почти все их братья, включая младшего-гимназиста, погибли в Белой армии, и их мать - жена миллионера-мукомола — получила нервное расстройство. 1918-й год был, прямо скажем, неласков для них.

Двадцатилетняя Люция Богутинская в Симбирске в Штабе Восточного фронта встречает бывшего капитана царской армии, прошедшего фронт, выпускника Виленского военного училища, Вячеслава Александровича Гизелевского, служившего при Штабе фельдъегерем, т.е. своего будущего мужа, моего будущего отца. Вячеславу

Гизелевскому целиком посвящена следующая глава - третья, а в этой он упоминается лишь эпизодически. В штабе то ли инспирируют, то ли действительно раскрывают заговор бывших офицеров царской армии, работающих в Красной Армии, к которому оба - Люция и Вячеслав - не были причастны. Против них было одно обвинение - дворянское происхождение и сам факт их существования такими, какими они были. Да, они были виноваты просто в том, что жили на земле. И их помещают в Симбирске в Симбирский Губернский концентрационный лагерь принудительных

работ. Он находился в бывшем Спасском женском монастыре.

В Симбирске в ту пору было два монастыря. Покровский монастырь - мужской. Основан в 1697 г. Подьячий Муромцев построил в 1723 г. в нем храм Благовещенья, а позднее - престол иконы Божьей Матери Смоленской, из-за чего храм называли Смоленским. Расположен на правом берегу Свияги, которая вытекает из Волги. Но нас интересует другой - Спасский монастырь - женский. Основан в 1648 г. (это год основания Симбирска). Деревянный храм в нем в 1864 г. заменен каменным. Главный храм монастыря - Иверский. Его построил купец Сверщиков. Он же сделал каменную ограду. Специалисты-краеведы говорят, что именно в Спасском монастыре в 1918-1919 гг. находился концентрационный лагерь, где сидели мои мама и папа. Обоих монастырей уже нет, но один в 1967 г. я еще застала.

Велось "дело", шли допросы, мои родители не могли давать содержательные показания, т.к. ни к чему предосудительному не чувствовали себя причастными. Но их регулярно допрашивали. Вел следствие следователь Евреинов. И вот однажды Евреинов снял показания у моей матери, после чего ей дали подписать перепечатанный на машинке листок. Евреинов, давая ей на подпись листок, спросил: "Будете читать?" Ей было 20 лет, она не была искушена в процессуальных вопросах и ответила: "Зачем же? Ведь я помню, что я отвечала". И подписала протокол допроса, не читая. Затем ее вновь отвели в ту же заполненную множеством женщин камеру, где, кстати, находилась среди прочих и жена одного из членов бывшей Государственной Думы. Прошло несколько часов. Вдруг одна из находившихся в камере женщин, обращаясь к маме, сказала:

- Вы знаете, что подвели под расстрел пять человек - это было намеренно, или случайно?

- Я ничего такого не сделала, - ответила мама. - Я только лишь подписала протокол допроса, в котором были самые простые вопросы и мои ответы на них.

- Вы внимательно изучили протокол, прежде чем подписать?

- Нет, я его подписала, не читая, - последовал ответ.

Сообразив, что же действительно произошло, мама сказала: "Значит возьму свои показания обратно".

- Вы знаете чем это грозит? - спросила сокамерница.

- Да, - мужественно ответила мама.

Если подследственный забирал свои показания обратно, по неписанным законам того времени это грозило самыми жестокими карами вплоть до того, что его могли подвести под расстрел.

- Гражданин охранник, - обратилась мама, - передайте пожалуйста следователю Евреинову, что подследственная Богутинская хочет его видеть, чтобы взять свои показания обратно.

Ее вновь вызвали в следственный кабинет. Евреинов, в белоснежной рубашке с воротником - "апаш", пронзительно глядя ей в глаза светло-голубыми глазами, поднялся с места и, победоносно улыбаясь, приближался к ней, держа в руках веером несколько фотографий, верхней из которых была фотография ее жениха Вячеслава Александровича Гизелевского. Следователь сказал:

- Вот вы тут всех всполошили, а ОНИ (он указал на фотографии) уже все в Волге купаются. (Бытовало мнение, что расстреливали на высоком берегу Волги и трупы, падая в воду с большой высоты, тонули).

- Нет! Нет! Нет! Подлец! - закричала потрясенная девушка и забилась в истерике. Несмотря на ее твердый характер, она не выдержала: с ней случился страшный нервный приступ и она потеряла сознание. Конвойный поволок ее обратно в камеру, а когда тащил ее по коридору, то растрепанные волосы из расплетшихся кос, задевая за

углы и выступы стен, выдираясь пучками. Конвойный бросил ее в камеру со словами: "Собаке - собачья смерть!"

Но оказывается, офицеры еще не были расстреляны: прием Евреинова был грубым шантажом. Однако, самое удивительное, что сфабрикованные им показания следователь далее не пустил в ход. А ведь следователь был всесилен и мог практически творить все, что угодно.

Отца выпустили раньше, а маму оставили в концентрационном лагере в этом монастыре. Ее возили на исправительные работы, в частности она мыла голыми руками красноармейские туалеты, санитарное состояние которых не поддавалось описанию. Было холодно и рабочие ботинки на деревянном ходу примерзали к каменному полу отхожих мест. Но приученная с детства к труду, она с достоинством выполняла любую работу. И эту тоже.

Вот здесь-то юной Люции и пригодилось все: и воспитание, помогавшее ладить с людьми, и образование, способствовавшее ориентировке в сложных ситуациях, и привычка к труду, т.к. на морозе голыми руками приходилось выскребать примерзшие фекалии в красноармейских туалетах, и выдержка, столь прозорливо отмеченная в "Описаниях характера" домашним учителем Муромцевым, и умение владеть собой, и наставления повстанки ее бабушки Теофили, касающиеся того, что в жизни может быть все, и что жизнь переменчива. В конечном результате с ней случился сильный нервный срыв, который переборол молодой организм, а затем последовало освобождение. Передо мной документ. Он напечатан на обороте накладной Мыловаренного завода товарищества М.М. Тенишева, орфография сохранена:

"РСФСР, Комендант Симбирского Губернского Управления лаг, принудительных работ. Ноября 9 1919 г., №15.

Дано сие Богутинской Люции Вацлавовне в том, что согласно заседания Комиссии от 8-го ноября с/г по применению амнистии в связи с второй Октябрьской

годовщиной празднества Великой Революции и на основании Постановления В.Ц.И.К. освобождается из Концентрационного Лагеря и восстанавливается во всех правах гражданства, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

*Комендант Симб. Конц. лагеря принуд. работ -
Помощник Коменданта по принудит. работ Ермаков.
Делопроизводитель - ..."*

Все незатейливо просто, как сама жизнь. Мама была горда тем, что выдержала все: и шантаж, и физическое, и моральное давления во время допросов, и тяжелую работу, но осталась сама собой. Жизнь готовила новые испытания, а знания, полученные в детстве, выручали. Мои родители по выходе из лагеря поженились в Симбирске 12 ноября 1919 г. Отец оставался в Красной Армии на низших должностях. А мама была при нем, работая во временных службах вольнонаемной.

Молодые поначалу поселились в Симбирске. Я храню их брачное свидетельство времен Гражданской войны на плохой, ставшей уже коричневой, рассыпающейся от старости бумаге. Они соединили свои судьбы, но как же жить дальше? Что называется, ни кола, ни двора. Из имущества у них было лишь два ящика книг, которые они возили с собой по дорогам Гражданской войны и которые впоследствии сгорели вместе с железнодорожным товарным вагоном, в котором их в очередной раз перевозили. Они продолжали работу в Красной Армии, уже при штабе Южного фронта, Вячеслав по-прежнему сначала фельдъегерем, Люция – вольнонаемной машинисткой.

Встреча в степи

*В одно мгновение темное небо
смешалось со снежным морем. Все исчезло.
"Ну барин, закричал ямщик, - беда: буран!"
А.С. Пушкин*

Действие происходило сначала в Луганске, а затем в Александрово-Грушевске (на Украине) в 1919 г. В южных городах была неразбериха, сумятица, ожидание беды, как и во всех районах, где шла Гражданская война. То распространялись какие-то нелепые слухи, то вдруг можно было увидеть бумажки типа листовок с коряво написанным текстом: "Кто вчера на базаре торговал, тот батьку Махно видал".

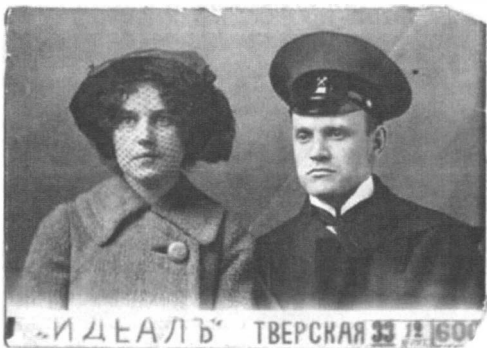
В этой обстановке мама получила через третьи руки известие из Ростова-на-Дону, что ее сводная сестра Миля - **Людмила Вацлавовна Яновская** (урожденная Богутинская, 1892-1971, Ростов-на-Дону) с дочкой Ниночкой (**Нина Константиновна Мацковская**, 1914, город Павловск, Воронежской губернии - 1981, Ростов-на-Дону) находится в бедственном положении. Когда началась Гражданская война, Миля жила на павловском заводе Богутинских в очень симпатичном особняке в стиле модерн, о котором я уже упоминала, где и родилась Ниночка. Нина воспитывалась с няней и кормилицей. Муж Мили **Константин Ярославович Яновский** (18... (?), Воронеж (?) - 1979 (?), Варна, Болгария) был в Белой армии. Естественно, что и завод, и особняк Миле пришлось

*Людмила Вацлавовна
Яновская (урожд.
Богутинская) с дочерью
Ниночкой. Ростов-на-Дону.
1920 (?)*

покинуть. Она узнала, что Костя в тифу находится в ростовском госпитале и отправилась туда. Путь по дорогам Гражданской войны для молодой романтической любительницы поэзии, с глазами Веры Холодной (Вера Холодная - популярная русская киноактриса начала XX в., известная своими огромными, трагически-прекрасными глазами), с пятилетним ребенком на руках был крайне тяжким. В дороге они обносились и выглядели неряшливо. Нина вспоминала, что когда они с матерью проходили по какой-то станице, деревенские ребяташки, показывая на них пальцем, кричали: "Вон, интеллигузия идет!".

Миля нашла Костю в госпитале в Ростове-на-Дону, но пробыли вместе они буквально сутки: Миля сама свалилась в этом же госпитале в жесточайшем тифу. Ребенка из жалости взял персонал и держал в сараюшке во дворе. Белые срочно отступали, Костя, только что оправившийся от тифа, вынужден был оставить больную жену и беспризорного ребенка. Его путь в составе отступающей Белой армии лежал в эмиграцию. После ухода белых Миля, уже выписавшаяся из госпиталя (а ее постарались выпроводить побыстрее, т.к. помнили, что она жена белого офицера), оказалась на улице с ребенком.

*Людмила Яновская с мужем
Константином Ярославовичем
Яновским*

Когда мама узнала о их бедствиях, она решила им помочь. Ей надо было найти способ поехать в Ростов-на-Дону. И такой способ изобрели. Ведь мама была машинисткой, а для воинской части надо было приобрести как раз новую пишущую машинку и за ней снарядили маму и возницу, а отправились они на та-

чанке, т.к. в степи было беспокойно и да вообще в их воинской части другого "транспорта" не было. В Ростове они нашли Милю с Ниночкой у чужих людей, которые их на время приютили, получили пишущую машинку и очень довольные возвращались на тачанке в часть. Надо было поторапливаться, так как много времени провели в Ростове, поэтому ехали ночью. Светила полная луна. Вдруг в степи показались силуэты двух всадников в папах и бурках. Они быстро приближались. Поравнялись с тачанкой, и один из них ударил возницу хлыстом по лицу. Тачанка остановилась. Мама возмутилась этой жестокостью.

- Товарищ, что вы делаете? - гневно обратилась она к ударившему возницу всаднику.

Тот, склонившись с седла, нагнулся к ней, и при этом стянул со своего плеча бурку. В свете полной луны на плече заблестело золотое шитье погона.

- Вот такие мы товарищи, - зловеще сказал он.

Всех четверых: возницу, маму и Милю с Ниночкой препроводили в штаб белых, который располагался в станице в доме вдовы священника. Милю с Ниночкой отвели в комнату попадьи. Маму и возницу допрашивали отдельно. Мама испытывала очень сложное чувство, находясь среди белых. С одной стороны это были люди одного с ней круга - "свой", с другой - они относились к ней враждебно. Их манеры, внешний вид, интонации все было очень хорошо знакомо. Поражала одна мелкая деталь в их облике: на них была очень плохая, рваная, на скорую руку починенная обувь, что не сочеталось с их выправкой и амуницией.

Полковник, ведший допрос, спросил, из какой она семьи, из каких мест. Она подробно ответила и в подтверждение своих слов вынула из подкладки жакета, подпоров ее, метрику, которую носила всегда с собой. Метрику, прочитав, ей вернули. Оказалось, что полковник прекрасно знает ее родного дядю, к этому времени полковника царской армии Доминика Нарциссовича Пересвет-Солтана, о котором я подробно писала в 1-й главе.

Полковник укорял маму за то, что она, будучи дочерью столь почтенных родителей, оказалась в банде (имелась в виду Красная Армия), да еще является женой отъявленного комиссара, что ни в коем случае не соответствовало действительности, т.к. скромная должность моего отца была фельдгегерь. Плюс его пребывание в заключении в Симбирске не давало основания для подобного мнения. Она была не столько оскорблена, сколько изумлена. И сказала, что просит не порочить мужа, уважаемого, благородного человека, словами "отъявленный бандит". Она держалась независимо и с достоинством, обращаясь к допрашивающим именно как к людям своего круга. Полковник был раздражен ситуацией и, обращаясь к ней, среди нескольких фраз, произнесенных на французском, употребил бранное уличное слово для ее характеристики, желая оскорбить. Она не смолчала.

Маму вывели в соседнюю комнату, через некоторое время вошел офицер и сообщил, что относительно нее решено "худшее", и это "худшее" будет приведено в исполнение на рассвете. Имелся в виду расстрел. А пока маму поместили в глубокий погреб, отдельно стоявший в огороде все той же попадьи. Остаток жуткой ночи пролетел мгновенно. Ранним утром послышались шум и гам, свист и цоканье копыт, чувствовалась необычайная многолюдность. Мама удивилась этому: ведь отряд белых накануне, вечером, ей показался очень маленьким. Загремел засов на двери погреба, и это было страшно. Попадья, с перекошенным от страха лицом, сообщила "касатке", что белые ушли, а в станицу ворвались красные, среди них то ли калмыки, то ли еще какие-то "татары", кто именно попадья не знала, но сказала маме, чтоб на всякий случай та посидела в погребе, потому что опасается, что будут "девок насиловать". К тому же она добавила, что урывками слышала, как белым ее оговорил ездовой, говоря, что ее муж, якобы комиссар, а сама она - "отъявленная большевичка".

Какой-то отряд красных прошел через станицу, не задержавшись в ней, мама покинула погреб, благополучно нашла перепуганных Милю и Ниночку и злого, полупьяного возницу, но не нашла пишущей машинки, о которой возница с подозрительным упорством многократно повторял, что "не обязан ихнее имущество стеречь".

Поехали опять вчетвером к своим в часть, где их, просрочивших время, явившихся без пишущей машинки, с пьяным, озлобленным возницей встретили недоброжелательно, и вскоре взяли под стражу и маму, и возницу. Допрос вели очень пристрастно, и раздельный, и перекрестный. Миля и Ниночка находились на свободе, но к огорчению и изумлению отца и матери, Миля, не дожидаясь конца дела, взяв Ниночку, стремительно снялась с места и вернулась в Ростов-на-Дону к тем чужим людям, а именно к некоей дворничихе, а затем некоей Ольге Митрофановне, которые ее приютили и впоследствии помогли встать на ноги. Ниночка, имевшая очень тяжелые детство и отрочество, впоследствии закончила экономический факультет Воронежского университета и была прекрасным специалистом. Она была моей лучшей подругой, несмотря на большую разницу в возрасте. Она была старше меня на 18 лет.

Маму и возницу судила революционная "тройка". Отец был потрясен. "Тройка" состояла из рабочих и была извне прислана в часть, все трое, как вспоминал отец, были "защиты в кожу". Отец перед заседанием "тройки" не находил себе места, к тому же все знакомые от него отвернулись, никто не здоровался, все были уверены, что судьба мамы, а, следовательно, и его, решена.

Постановление "тройки" всех ошеломило: маму полностью признали невиновной, возницу приговорили к расстрелу. Оказывается, что он грубо и глупо вел себя на дознании, повторил, что мама собиралась сотрудничать с белыми, что якобы отдала им пишущую машинку, которую, как выяснилось, он просто пропил, это стало известно,

потому что в станицу послали из части людей для того, чтобы узнать подробности. Вернувшиеся из станицы посланцы, встретившиеся там с попадьею и другими лицами, рассказали, что он белым оклеветал маму и всячески заискивал перед ними, и ценой предательства мамы спас себя, что особенно возмутило следствие.

Вот на таком невероятном вираже побывали мои родители и если бы я не выросла на этих рассказах, а их бы мне поведал кто-то другой, я бы сомневалась в их достоверности. Кстати, в детстве и отрочестве я была свидетельницей того, как мама и Миля часто обращались к воспоминаниям об этой истории. Подробности смотрите в "Главе четвертой, последней" в подзаголовке "Старшие дети".

Слева направо - урожд. Богутинские: Люция Вацлавовна, 1949; Людмила Вацлавовна, 1954. Справа - Нина Константиновна Мацковская (урожд. Яновская), 1940

*"Circulus vitiosus" - (лат.)
- порочный круг; безвыходное положение*

Менялась ситуация, менялись времена, и путь моих отца и матери лежал с юга в Подмоскowie, в Раменское Московской области, где при подготовке военных маневров отец был на технической работе, а мама организовывала на кухне питание командиров. Она была очень хозяйственной, даже во время кочевой военной жизни хотела обустроить их с мужем временное жилище и случалось так, что когда она, например, готовила обед и затевала стирку, приходил приказ сняться с места и двигаться далее. Тогда она выливала еще не сварившийся суп на землю, сдергивала с веревки сырое бельё, паковала его в корзину и они отправлялись в путь.

Маневры прошли успешно, их организацию похвалил С.С. Каменев - известный военачальник - и всех, кто участвовал в технической работе по обслуживанию командования, решили как-то отметить. Мама попросила в награду дать ей направление на учебу на медицинский факультет 2-го Московского университета, чтобы продолжить прерванное Гражданской войны образование, и приступила к занятиям. Она училась в университете с 10 октября 1922 г. по 26 августа 1924 г. Папа демобилизовался из Красной Армии.

Занималась она с упоением, мечтала стать детским врачом и по окончании университета поехать работать в северные губернии и, видимо, могла бы это исполнить, но помешали обстоятельства. Студенты были общительные, расположенные друг к другу, вокруг мамы образовалась группка симпатизирующих ей людей. Все было очень хорошо. Друзья готовились вместе к зачетам, препарировали трупы в анатомичке, ходили на практику. Среди студентов в этой группе выделялся один человек - некто Родайкин, который плохо учился, мало знал, скверно отвечал на

экзаменах, но неизменно получал отличные и хорошие оценки. Появились дурные предположения, которые вскоре подтвердились: он был осведомителем. В университете готовилась "чистка".

Заседала комиссия, вызывали всех поодиночке, расспрашивали в основном о происхождении. Задача состояла в том, чтобы "вычистить" из университета чудом попавших туда детей дворян. Оказалось, что члены комиссии знали даже о тех, кто пытался как-то скрыть свое не-пролетарское происхождение. Мама в анкете его скрыла. Ей сразу предъявили два обвинения: первое - дворянское происхождение, второе - то, что ее родители - эмигранты, на что она резонно отвечала, что ее родители, хотя и были дворянами и предпринимателями, но были великими тружениками, каковыми, может быть, и не являются даже некоторые члены комиссии, что ее мать, Корнелия Нарциссовна, была замечательной пианисткой, дававшей чудесные концерты в Мелекессе и Симбирске, а отец и отчим - высокими профессионалами пивоварения, помогавшими развивать русскую промышленность в Поволжье. Члены комиссии были возмущены этими нестандартными ответами и требовали одного: "Отрекитесь от своих родителей". Одна мамина сокурсница, дочь эмигрировавшего журналиста газеты "Русское слово" в этой опасной для нее ситуации скороговоркой выпалила: "Мой отец - белогвардейская сволочь! Я не хочу его знать и забуду его имя!".

Мама же достойно ответила, что такая постановка вопроса ей странна и она отказывается вести беседу на эту тему. И добавила, обращаясь к восседавшим за столом: «Вы не стоите мизинца моего отца». В результате двух подруг Люцию Вацлавовну Гизелевскую (урожденную Богутинскую) и Наталью Александровну Аксакову - правнучатую племянницу писателя Сергея Тимофеевича Аксакова "вычистили" из университета за "непролетарское", а именно за дворянское, происхождение. Ее исключили из университета без

права поступления в любое высшее учебное заведение советской страны. Мечта стать детским врачом рухнула. Она хотела быть как-то ближе к медицине. Устроилась работать на детскую молочную кухню сначала в Раменском, а потом в Москве при детских яслях при бывшей Прохоровской Трехгорной мануфактуре на знаменитой Красной Пресне.

Прежде чем переехать в Москву, мои родители недолго жили в Вишняках в маленьком домике в лесочке и к ним прибилудилась чудесная собака, видимо, брошенная уехавшими хозяевами. Она приходила покушать и в благодарность их охраняла. За лесочком были курсы оперативных работников и один из них всегда шел на курсы ночью. Собака на него лаяла, что было естественно. Он сказал маме: "Если собака завтра залает на меня, я её пристрелю". Мама ответила: "Собака ни в чем не виновата, я Вам не разрешу этого сделать". Наступила ночь. Собака залаяла. Мама выскочила из дома, ничего не боясь, полная решимости спасти несчастное животное, но не успела: жестокий человек пристрелил собаку у мамы на глазах. Мало кого жалеют во времена мировых катаклизмов.

Мои отец и мать уже окончательно осели в Москве и поселились на Красной Пресне, где им дали маленькую

*Люция Вацлавовна
Гизелевская и Наталья
Александровна Аксакова
(справа). Подмосковье,
поселок Икша. 1960*

комнатку в общей квартире, сырую и темноватую на первом этаже старенького дома.

Работа на молочной кухне на Трехгорке закончилась печально. Мама работала увлеченно, но ее раздражали перебои со снабжением. Однажды, когда очень поздно привезли молоко, а матери-работницы нервничали в ожидании смесей для детей, мама, не найдя нянечек и подсобников, которые бы ей помогли, сама подняла 5-ти ведерный бак с молоком, надорвалась и долго пролежала в больнице.

Неприятности были и у отца: в его услугах как профессионала военного не нуждались, постоянно вспоминали ему его офицерское прошлое. Он вынужден был работать душо-ром в душевом павильоне, затем подшивал валенки, чинил ключи, а потом стал просто безработным. Его эрудиция, недюжинный аналитический ум, знание военной и русской истории, немецкого языка никому не были нужны. В начале 1920-х гг. началось страшное гонение на "бывших". Получалось так, что здесь они были лишними и, как казалось власть имущим, вредными элементами. Их лишили права голоса на выборах. Они назывались "лишенцами". Об этом знали эмигрировавшие родственники. Мама получила от них приглашение из Праги и решила поехать их навестить. Отца не пустили: его оставили как бы заложником. Был 1924-й год.

Москва - Прага – Москва

*Когда постраствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен.*

А.С. Грибоедов

Всегда ли этот "дым отечества нам сладок и приятен", так ли это действительно? Передо мной две фотографии: мама - до поездки в Прагу на свидание с эмигрировавшими родными, на другой - после возвращения из нее. Это два совершенно разных человека. На одной фотографии изможденная с угасшим взором женщина, несравненно старше своих 24 лет, в жалкой беленькой детской панамке. Это была мама до отъезда в Прагу. На другой: уверенная, с округлившимся лицом, живым заинтересованным взглядом, модно подстриженная, в атласном платье молодая интересная дама. Эта фотография была сделана в Праге перед возвращением в Москву.

Кстати, панамка связана с интересным эпизодом. Когда в Берлине мама делала пересадку на пражский поезд, некоторое время она гуляла по городу и села на лавочку отдохнуть в скверике. К ней подсел какой-то мужчина с вопросом: "Вы наверное из России?", она спросила по-немецки: "Вы это определили по моему плохому немецкому произношению?" "Нет, - ответил он, - произношение хорошее, я определил это по панамке, такие панамки у нас носят только дети".

В Праге её родители с двумя младшими дочерьми, Нелей и Тосей, жили в уютной двухкомнатной квартирке в районе Смихова на Виннице. Прага была сказочно хороша и заманчива, с ее готикой, мостами, уютными скверами, старинными домами, живописными дворцами и парками. Казалось, что здесь лишь можно наслаждаться жизнью. Конечно, в быту прибывшей из Поволжья семьи были свои трудности; но тем не менее мама решила остаться. Мама, хорошо рисовавшая и с детства привыкшая к любой работе,

*Л.В. Гизелевская.
Вверху – 1922,
Внизу – 1925*

нашла заказы по вышиванию гладью и обработке изделий мережкой. Ее мастерство высоко оценили, и она хорошо зарабатывала. Жизнь очень быстро устроилась, родители сняли для нее квартиру, беда была в одном, в Советской России не давали выездную визу Вячеславу Александровичу. Она постоянно думала о нем. Когда на Рождество шел дождь и зеленела трава, мама себя чувствовала очень неуютно: она вспоминала, что в Москве холод и снег и муж в неустроенности живет один. Так постепенно созревало решение вернуться домой. И она вернулась. Это было в январе 1925 г. Зима была слякотной. Была оттепель. Поезд пришел на Белорусский вокзал - "вокзал скорби и крови", как называл его мой отец: сколько тысяч мужчин прощались на его платформах с любимыми, уезжая на фронт, на запад, сколько здесь было пролито слез! В 2014 г. на площади Белорусского вокзала перед входом в его здание поставлен памятник "Прощание славянки" в память об этих проводах и знаменитом марше "Прощание славянки" композитора В.И. Агапкина (скульптор С. Щербаков).

В день возвращения мамы в Москву перед Белорусском вокзалом была плохо убранная площадь: грязный снег, неаккуратно собранный в

кучи, неопрятные извозчики. На перроне ее встретил плохо выбритый и убого одетый муж: он все еще оставался безработным. Но мама, мельком окинув взглядом все это убожество, вздохнула и с тихой грустью сказала:

- Ну вот вновь я дома, я снова в Москве...

Муж стоял на мокром от тающего снега перроне в валенках без галош (денег на ботинки не было). Впереди у нее были 61, а у отца - 32 года очень тяжелой жизни с постоянными унижениями, ощущением своей неполноценности в общественном статусе за то, что они были "бывшими" ("лишенцами"), и с периодическими увольнениями с работы без всякого повода, и порой со слежкой, и с вызовом "куда следует" для профилактики. Их спасала работа. Работа была их страстью, работали они иступленно, что бы ни приходилось делать. Она работала медсестрой, а потом резко сменила профессию и стала художницей по набивке тканей при Всехудожнике.

Мама была художником - прикладником: оформляла учреждения, вручную расписывала ткани в технике трафарета и батика. Очень радовалась, когда на художественных советах хвалили ее эскизы.

Шла обыденная жизнь с ее заботами и бытом. Хочется отметить, как она относилась к быту: мы жили бедно, но она умела, как бы не замечая этой бедности, всегда сделать жилье нарядным: вышить салфеточки с мережкой, выгладить и накрахмалить скатерти и занавески, вымыть лишнее из раковины, отчистить все до блеска. Ценность представляли для нее в основном те предметы, которые были

*Вячеслав
Гизелевский.
Москва, 1925*

*Л.В. Гизелевская.
Москва. 1938*

связаны с духовной жизнью: книги, рисунки и т.д. Она любила и умела делать в семье праздники и обязательно к ним готовила вкусную и даже затейливую еду, порой просто "из ничего". А, главное, она необычайно ответственно относилась к своим обязанностям и на работе, и дома.

Мне хочется вспомнить ее окружение, в нем были очень интересные люди, например, Наталья Павловна Худякова – красавица, знакомая ей еще по Мелекесу, - жена заместителя директора Большого театра, кстати, отсидевшая десять лет, Наталья Александровна Аксакова - правнучатая племянница писателя С.Т. Аксакова, тоже знакомая по Мелекесу и учебе в университете; Маня Фрич, отец которой до революции был некоторое время 1-й скрипкой оркестра Большого театра; Нина Александровна Немирович-Данченко – родственница писателя Василия Ивановича Немирович-Данченко; семья Лопатиных - два брата с женами, старший, математик Петр Петрович, был моим крестным, его жена Юлия Дмитриевна была высокообразованным, интеллектуальным человеком (жили на Тверской в доме напротив торцевой части Зала им. П.И. Чайковского); семья Павленко: Константин Тимофеевич - специалист по созданию макетов декораций в Малом театре, и его жена - моя крестная - изумительная портниха-художница. Они жили в доме с башенкой, находящемся на пересечении Трехпрудного и Южинского переулков. Помню также Репсима Карповну Таманцеву - секретаря директора МХАТа, благодаря которой я школьницей просмотрела весь репертуар Художественного театра. Она жила в Брюсовском переулке в доме 17. Так же помню эстрадного актера - очень многогранного человека Владимира Ивановича Раузе, который занялся на склоне лет

росписью тканей, он жил рядом с нами в Машковом переулке. И, конечно, нельзя забыть изумительную чету Вайнцвейгов - Григория Александровича - инженера-энергетика, получившего образование в Германии и прекрасно знавшего немецкую культуру, и его жену Зинаиду Федоровну - тоже художницу по росписи тканей. Это были интеллигентнейшие, умнейшие люди, но очень несчастные: у них было трое сыновей, которые все в разное время трагически погибли. Старший был Героем Советского Союза. Семья, помню, жила на Поварской, в доме напротив института им. Гнесиных. Помню колоритного, искрометного человека – художника - графика Владимира Александровича Савина.

Мама прожила долгую-предолгую жизнь, она умерла восьмидесяти восьми лет в Москве 29 июня 1986 г. Психологическая закалка, полученная в детстве, была столь сильна, что в восемьдесят восемь лет, после трех инсультов, она четко обслуживала себя, соблюдая строгую дисциплину, даже не позволяла себе прилечь днем. Застелив постель так, что на покрывале не было ни одной морщинки, она, уже старенькая, но аккуратная и прямая, сидела целые дни напролет в кресле в платье с белым воротничком или жабо и ждала, что кто-нибудь придет в гости: очень любила общаться с людьми.

Прямо по А. Гайдару - "обыкновенная биография в необыкновенное время". А в обыкновенное-то, нормальное время как много для культуры, может быть, науки, улучшения жизни общества могли сделать мои отец и мать. Вся трагедия состоит в том, что им не дали нормально учиться, нормально работать и жить, хотя они были ни в чем не виноваты.

Я считаю очень важным фактом в деле увековечения памяти мамы предоставление мной на выставку ее вещей и фотографий из мелекесского гимназического периода.

Выставка "Вечерний альбом. Мир гимназистки", посвященная дореволюционным гимназисткам, по материалам из фондов ГМЛ и частных собраний, состоялась 6 октября - 6 ноября 2011 г. по адресу Петровка, д. 28, в Государственном литературном музее.

Прилагается фотография "нашей" части экспозиции на этой выставке.

*Витрина, посвященная Люции Богутинской на выставке
"Вечерний альбом. Мир гимназистки" в Гослитмузее,
октябрь-ноябрь 2011 г.*

Глава третья. "Утраченные иллюзии" моего отца

*Никому еще не удавалось
создать рай на земле.
Но подобие ада уже знакомо людям.*

Дм. Волкогонов

Родные пенаты

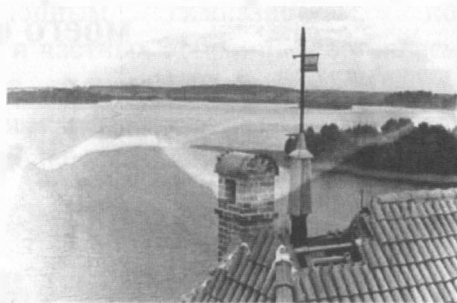
*Литва! Моя отчизна! Ты как здоровье: как тебя ценить,
поймет только тот, кто тебя потерял.*

Адам Мицкевич

Мой отец, **Гизелевский Вячеслав Александрович**, родился 2 сентября 1895 г. в обедневшей польской дворянской семье в деревне Петухово под Вильно, но во всех документах местом рождения указывал Вильно. Семья была обрусевшей, но католической, однако, когда уже после смерти отца я нашла его метрику, выяснилось, что он, последний, пятый, ребенок в семье был крещен в православии и в метрике записан крестьянином, хотя есть документ, указывающий на дворянство родителей. Почему? Мне до сих пор это непонятно.

В православной метрике он записан Вячеславом, а т.к. вся семья была католической, в семейном обиходе его называли **Wacław** (Вацлав), сокращенно, как принято у поляков, Вацек. На его могильном памятнике имя значится как **Wacław Gizelewski**. Вячеслав Александрович Гизелевский крещен 2 октября 1895 г. в той же деревне Петухово в православной Трокской Рождества-Богородицы церкви священником Матвеем Козловским. Интересно было бы найти

объяснение факту его крещения в православии. Помимо него в семье было четверо старших детей (по старшинству, по нисходящей): сестра Мария, братья Александр, Владимир, Евгений и все они были крещены в католичестве.

Их дворянство не было древним. Совершенно недавно найденные нами родственники Гизелевские Jasek i Krystyna,

сообщили, что обнаружены следы нашего общего с ними предка Юзефа Гизелевского, который подал в 1830 г. прошение о, видимо, подтверждении дворянства на имя государя, и оно было удовлетворено. В прошении он сообщал, что имел фольварк (небольшое имение) "Борувец", наверное, на Виленцизне. Его сын Казтан - мой прадед - был отцом моего деда Александра.

Моя внучка, Антонина Шмелева нашла через виленский кладбищенский архив запись о том, что упомянутый наш пращур Юзеф Гизелевский похоронен в Вильно на известном старом кладбище Росса. В архивных документах сведения о нём значатся под номером №1692: "Józef Gizelewski 1797 – 24/XII 1877, na cmentarzu Rossa w Wilnie". Перевод: "Юзеф Гизелевский 1797 - 24/XII 1877, на кладбище Росса в Вильно".

Также ею обнаружен ещё один документ, касающийся или однофамильцев, или родственников семьи Гизелевских: "Гизелевский Алексей Ильич (1747 - ?) из польских шляхтичей; служить начал копиистом в Главной дворцовой канцелярии (1758), в 1778-1779 – секретарь Канцелярии

Тракай (по-польски Троки).

*Озеро Гальве. Замок -
памятник архитектуры XIV -
XV вв.*

Гл. правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов в Екатеринбурге, <...>, 3-й член II департамента Екатеринбургского горн. начальства". "Гизелевский Иван Алексеевич (1778 ?). 1779 – унтер-шихт 1 кл. (1779), в 1802 – шихт 14 кл. ведомства Екатеринбургских заводов". Однако, детальней ещё не исследована связь этих людей с Юзефом Гизелевским и вообще с "нашей" ветвью, а также того, как они оказались на Урале. Эта тема еще ждет своего энтузиаста – исследователя.

Трудно сказать что-то о истории фамилии Гизелевские - Gizelewscy. Упомянутые родственники, проживающие в Щецине, наводили справки и установили, что во всей Польше Гизелевских проживает не более двух десятков семей. Отец Яцека Гизелевского Wiktor (1917-1982) родом, как и мой отец, из Вильна являлся ему внучатым племянником. Он был репатриирован из родных мест в Польшу во время большой репатриации поляков из Вильна и вообще из Литвы в 1946-1948 гг. и сначала жил в Лодзи, а потом семья переехала в Щецин. Сама фамилия Гизелевские, я думаю, происходит от женского имени Гизеля (Gizela), которое редко встречается в Польше и, по-моему, чаще западнее, в частности, в Германии.

Сохранилась запись в костельной книге местечка Троки под Вильно (ныне Тракай), откуда родом был мой дед Александр, о бракосочетании моих деда и бабушки. Вот эта метрическая выпись (орфография сохраняется):

"МЕТРИЧЕСКАЯ ВЫПИСЬ

из книги Новотроцкого Р.К. Приходского костела о бракосочетавшихся книга 10 на обороте листа 62 под №27 следующего содержания:

"Тысяча восемьсот восемьдесят второго 1882 года июня двадцать седьмого дня: в Новотроцком Римско-католическом приходском костеле Ксендз Иосиф Карвовский - настоятель Новотроцкого костела по троекратном оглашении, из коих первое тринадцатого, второе двадцатого

и третье двадцать седьмого июня сего года пред народом, собравшимся на Литургию сделаны -

Дворянин Александр Гизелевский - юноша лет 21 из города Трок с дворянкой Мальвиной Адамовичевной - девицей лет 17 из имения Олсок обоих сего костела прихожан, по сделании предварительно строгого с обеих сторон на письме изъясненного исследования о препятствиях к бракосочетанию и по неоткрытии никаких, а равно по изъясненному от обоих лиц взаимному согласию, внешними знаками обнаруженному, дворян Казтана и Виктории Здановичей Гизелевских законных супругов сына дворян Юрия и Розалии из Адамовичев Адамовичев законных супругов дочью браком сочетал и св. лица костела торжественно поблагословил в присутствии веры достойных свидетелей Викентия Маевского, Вячеслава Маевского и Викентия Спиридовича и многих других, при том находившихся.

Что настоящая метрическая выпись подлинником верна, в том собственноручной подписью и приложением костельной печати удостоверяю 1885 года апреля II дня город Троки - настоятель Новотрокского Римско-католического приходского костела.

Декан К. Карвовский.

Круглая

печать

костела

*Правильность настоящей копии метрической выписи
Управление Вольской городской милиции заверяет:*

Начальник Вольской милиции

Круглая

печать

Милиции"

По линии бабушки, девичья фамилия которой - Адамович, мои прадед и прабабушка соответственно: Юрий и Розалия Адамович, как и все члены их семьи, были

крещены, сочетались браком и отпевались в римско-католическом костеле.

Вообще-то впоследствии религия занимала в жизни моего отца очень небольшое место, впрочем, как и в жизни моей матери: он вспоминал о ней в дни праздников или в годовщины смерти близких, относился к этому с пиететом, но скорее, видимо, был атеистом. Не чужд был отметить и католическое Рождество, и русскую Пасху. В общем был веротерпим.

Я смею предполагать, что расхождение конфессиональных данных в этих двух метриках, приведенных мною, объясняется очень простой экономической причиной. Семья была бедной и беднела год от года. Мой дед **Александр Казтанович Гизелевский** (1861 - 1898) работал простым школьным учителем и умер, когда моему отцу, последнему ребенку в семье, четвертому мальчику, было всего три года, т.е. в 1898 г. Вероятно, молодые и не очень устроенные родители, когда родился мой отец, задумывались не раз над будущим детей и решили, что, будучи православным, он легче адаптируется в жизни.

Мой отец от младенчества был двуязычным: русским и польским языками он владел в равной степени. В том возрасте, в котором я его помнила, он лучше знал русский язык, чем польский, т.к. в России не имел в польском языковой практики, но говорил по-русски с небольшим польским акцентом. Отец прекрасно знал русскую литературу, особенно любил Н.В. Гоголя, некоторые отрывки из его произведений знал наизусть, особенно любил отрывок из "Страшной мести" "Чуден Днепр при тихой погоде". Прекрасно знал Пушкина. Знал русские романсы. Любимым его романсом был "Отцвели уж давно хризантемы в саду", а любимой исполнительницей певица Н.А. Обухова.

Несмотря на отсутствие гуманитарного образования, он был энциклопедически образованным человеком и всех поражал своей эрудицией и широтой взглядов, а также неортодоксальностью мышления и тонким остроумием. Для его

речи, богатой пословицами и афоризмами, было характерно обращение к образам художественной литературы. Например, в октябре 1941 г. в Москве в Орликовом переулке нас, в числе других прохожих, остановил комендантский патруль для проверки документов. Я испугалась и заплакала, мне было девять лет. Обращаясь ко мне, папа сказал: "Тебе плакать нельзя, ты - капитанская дочка". Он все время помнил, что окончил I-ую мировую войну в чине капитана. Я с творчеством Пушкина уже немножко была знакома, про "Капитанскую дочку" слышала, поэтому плакать перестала.

Он закончил реальное училище, был членом юношеской организации "Со-

кол", затем в 1914 г. закончил Виленское военное училище. И поныне стоят фундаментальные здания бывшего военного училища на улице Чюрлёнио в Вильно, в которых долго размещался медицинский факультет Вильнюсского государственного университета близ парка Вингис (бывшего Закрета, упомянутого Л.Н. Толстым в романе "Война и мир"). В июне 1946 г., когда я впервые ребенком приехала в Вильно на каникулы, мы с папой посетили корпуса этого бывшего училища, совершенно разбитые во время боев: не было крыши, оконных рам,

*Вячеслав Гизелевский.
1914*

дверей, лишь частично сохранились лестницы. Но что интересно, что хотя огромное здание стояло совершенно пустым, без охраны, но не было видно ни хулиганов, ни бандитов. Безо всякого страха мы прошли по зданию среди груд кирпича, кусков штукатурки и битого стекла.

Пляц военного училища в Вильно. Гимнастические занятия курсантов - "пирамида". 1914

В этот первый приезд город меня очаровал. С его узкими улочками, костёлами, кафедральным собором с массой скульптур, башней Гедимины на горе, окружённой чудным парком, он как будто шагнул из сказки. И даже не испортило прелести города то, что весь его центр был варварски разрушен войной. Ведь от многих разрушенных домов тогда остались лишь только стены, зияющие пустыми глазницами окон, но даже это не могло испортить моего впечатления от встречи с прекрасным городом.

Вильно, по словам отца, перед I-й мировой войны представляло собой город, где было смешанное польско-русско-литовско-белорусское и еврейское население. Это людское сообщество отличалось, по его же словам, удивительной

терпимостью, и там доминировала ориентация на русскую культуру.

Отец безумно любил Вильно и называл его не иначе, как "Wilenko moje kochane" - "Виленко мое любимое". У нас хранятся планы Вильна января 1916 г. и более позднего времени, масса фотографий и альбомов с видами этого изуми-

Вильно. Костел св. Анны. XVI в.

тельного по красоте города. Эту любовь папа передал и мне, и с 1946 г. я постоянно бывала в нём, а иногда по месяцу и более жила там, вникая во все хитросплетения его непростой судьбы. Там на Антокольском кладбище покоятся мои предки. Это и есть частичка кресов, о которых я писала в первой главе этой книги. Мне кажется, что кресовые поляки терпимее, мягче, толерантней, чем поляки других районов Польши. А сколько талантов дали кресы польской культуре: великий поэт Адам Мицкевич, композитор Станислав Монюшко, писатель Ярослав Ивашкевич, актриса Беата Тышкевич, писатель Ян Парандовский, музыкант Игнаций Падеревский и, наконец, Юзеф Пилсудский - политический деятель, "начальник государства". И многие другие.

Как я уже писала, отец закончил военное училище в 1914-м г. В нашем семейном альбоме обращает на себя всеобщее внимание фотография, на которой он изображен в кивере и парадном мундире, что рождает в сознании представление не о начале XX, а скорее о XIX в.

*Вячеслав Гизелевский -
курсант Виленского военного
училища. 1914*

Выпускникам военного училища в актовом зале во время последней торжественной церемонии священник раздавал образки с изображением святых Космы и Дамиана и с текстом: "Благословение виленцу - XIII в., 1914 г.". С этим образком отец прошел всю I мировую и Гражданскую войны. Девиз его военного училища был выбит на эмблеме этого учебного заведения: "И один в поле воин". Вообще папа очень любил лаконичные изречения. Например, в сложных жизненных ситуациях он говорил мне: "Иди с открытым забралом" (лат.) И я шла. Он меня научил этому, потому что сам всегда шел с открытым забралом, а его этому научила жизнь. Она не скупилась на уроки.

Офицер царской армии

Где были вы? - Вопрос как громом грянет.

Ответ как громом грянет: на Дону!

Марина Цветаева

Отец был определен в 116-й Малоярославский полк на передовую. Стояние в Пинских болотах, три года позиционных боев, шесть офицерских наград, ранение, контузия - все это было уделом юноши, который в девятнадцать лет попал в кровавую мясорубку. Он прибыл на фронт в марте 1915 г. и был зачислен командиром маршевой роты, затем вступил в командование 2-й ротой этого полка. В сентябре 1915 г. был произведен в подпоручики. О том, каково ему приходилось на фронте в окопах, говорит один лишь факт: он часто вспоминал о том, что когда он находился месяцами в Пинских болотах в землянках и окопах, под обстрелом, в грязи и сырости, то думал: "Как счастлив, должно быть, сейчас какой-нибудь человек, который лежит дома, на чистых простынях и

С солдатами на передовой. Гизелевский 3-й справа налево во втором ряду. Рукой В. Гизелевского надпись на обороте: "1914 год. Командный и унтер-офицерский состав роты"

пусть даже и умирает, но на чистых простынях". А иногда он охапками рвал крупные, ярко-голубые незабудки, которых там было великое множество, и зарывался в них лицом, чтоб отвлечься от трупного запаха, который стоял в воздухе от неубранных трупов, лежащих на ничейной полосе.

Существует фотография, на которой он изображен с солдатами, входившими в руководимое им воинское подразделение 116-го Малоярославского полка. 15 апреля 1916 г. его контузило. Было это так: он находился внутри землянки, но когда немецкие мины стали ложиться рядом, начал считать и насчитал 12, после 12-й мины вышел из землянки, 13-я попала в землянку, а его накрыло взрывной волной. Контузия была тяжелой, он на время потерял речь. Но перед отправкой в госпиталь жестами и мычанием он объяснил друзьям-офицерам, что хочет проститься с погибшими солдатами, бывшими под его началом и убитыми

Вячеслав Гизелевский на фронте на передовой с друзьями - офицерами на фоне землянки. Он справа налево - второй, вполоборота. 1916

во время этого обстрела. Их тела лежали на земле неподалеку от того места, где была землянка, и были накрыты шинелями. Отца вели под руки мимо этой "шеренги" мертвых солдат. Он еле переставлял ноги и просил открыть им лица, чтоб проститься с каждым и запомнить в лицо каждого солдата. Стояла глубокая ночь и ярко светила луна.

В госпитале его долго не держали, он лежал на походной кровати во дворе, т.к. в помещении ему казалось, что на него падает потолок. По возвращении из госпиталя в мае 1916 г. он был произведен в поручики. В этом же полку принял 3-ю строевую роту. 18 октября 1916 г. произведен в штабс-капитаны и закончил войну в чине капитана.

За боевые отличия папа в царской армии в период I-й мировой войны был награжден 6-ю боевыми орденами с "мечами и бантами", а именно:

"Анна" 4-й степени,

"Станислав" 3-й степени,

"Анна" 3-й степени,

"Станислав" 2-й степени,

"Анна" 2-й степени,

"Владимир" 4-й степени.

*В отпуске. На обороте рукой
Вячеслава Гизелевского
надпись "февраль 1916 года"*

*В. Гизелевский на
передовой. 1916*

У него было именно холодное оружие.

Он был очень храбрым и демократичным человеком, однако несмотря на его человеческое, в чем-то дружеское отношение к солдатам, он понимал, что взаимоотношения солдат и офицеров не идилличны. И тому скоро нашлось подтверждение: однажды, проезжая верхом в расположении части по лесной дороге, он заметил незнакомого ему солдата средних лет, который вышел из

кустов и преградил ему путь. На замечание отца, сначала предложившего ему отойти в сторону, а затем потеснившего его конем, солдат ответил: "Ваше благородие, не балуй! Ох! Не балуй!" И глаза солдата блеснули такой злобой и непримиримостью, что отец понял, что его прежние наблюдения за тем, что в армии происходят какие-то непонятные ему, тревожные явления, справедливы. Он почувствовал, что все шло к большим переменам. И перемены пришли. В 1917 г. произошли известные события. Их влияние на жизнь отца отражено в его "Послужном Списке". В "Послужном Списке", хранящемся в Центральном Государственном Военно-историческом архиве, читаем, что с июля по октябрь 1917 г. он находился на излечении в госпитале в городе Саратове, а 7 февраля 1918 г. "уволен от военной службы при демобилизации армии из Саратовской команды выздоравливающих офицеров". Вот, видимо, именно где-то в это время он оказался в Москве у матери и сестры, которые как беженцы из Вильно спасались от войны сначала в Москве, а затем в городке Вольске на Волге. Время было для него,

молоденького офицера, непонятным, тревожным и неопределенным. Можно представить себе, как он мучился, не зная, что предпринять: ведь к тому времени более четырех лет его жизни были связаны исключительно с царской армией. Он не знал других занятий во взрослой жизни. Ему еще не было 23-х лет. И он принял решение идти в свою, офицерскую, привычную, армейскую среду - на Дон, где собирались части бывшей царской армии.

Он понимал, что награды, полученные за храбрость, могут быть опасной обузой в этом путешествии, и зарыл их у знакомых в огороде под Калугой. Это были те самые 6 боевых орденов и именное оружие. Естественно, что все они пропали. Я безмерно благодарна своему зятю - Владимиру Алексеевичу Понсову - профессиональному историку, который скрупулезно, соответственно записи в папином "Послужном Списке", (он же и нашел "список" в архиве), собрал всю эту коллекцию. Это поступок истинного профессионала и благородного человека, я в эту коллекцию добавила ему образок с изображением Космы и Дамиана, что был выдан отцу в 1914 г. при выпуске из военного училища. Как реликвии у меня всю жизнь хранились и его более скромные вещи:

В. Гизелевский (в центре) с братом Александром и невесткой Александрой в отпуске. Москва. 1916

*В. Гизелевский в перерывах
между боями, 1916*

раскладная офицерская кровать, походный самовар и разные мелкие предметы воинского быта.

Отец двинулся на Дон в Белую армию. Ехал в переполненном вагоне с выбитыми стеклами, продуваемом ветром. По вагонам группами ходили солдаты, выискивали опытным глазом среди пассажиров бывших офицеров, хотя те были без погон и кокард. Подходили, говорили: "Ваше благородие, выдь в тамбур на минуту, дело есть". В тамбуре несколько человек хватали бывшего офицера за плечи, за руки, распахивали двери вагона

и выбрасывали беднягу на всем ходу из поезда, подгадывая так, чтобы на обочине оказался какой-нибудь столб, чтобы офицер разбился вдребезги. На станции Лиски Воронежской губернии отец сказал ехавшему вместе с ним одному из потомков родственников композитора Михаила Глинки, Сергею Глинке: "Ты, Сережа, если хочешь испытывать судьбу, продолжай путь, а я не рискую".

Отец выпрыгнул из поезда и сел без всяких билетов в первый же встречный поезд, отправлявшийся на север, назад, в Москву. След Сергея Глинки затерялся, и его имя не нашли ни в каких списках, ни убитых, ни эмигрировавших.

Соответственно, в "Послужном Списке" папы читаем: "Апрель 1918", дата неразборчиво "поступил добровольно в

Красную Армию в Штаб Западного Участка Отрядов Завесы на должность фельдъегеря-курьера".И дальше: "1918. Сентябрь. 8. Переведен вместе со Штабом Западного участка отрядов Завесы в Штаб Восточного фронта. 1918. Сентябрь. 18. Прибыл в Штаб Восточного с Эшелоном.

*Начальник Административного Мобилизационного
отделения ... губвоенкомата*

подпись неразборчиво

штампик – Начальник Административной части

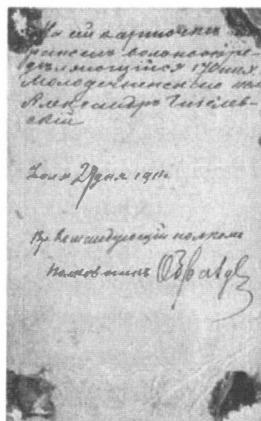
подпись неразборчиво

*штампик – Заведующий II отделением
Административной части*

подпись неразборчиво

№6166 13 апреля 1921г. г. Бахмут.

Круглая печать с затёками, на ней можно разобрать только: "У.С.С.Р. Губерния ... Війск... Комиссариат".

Четыре брата Гизелевских - военнослужащие царской армии. Слева сверху - Владимир. Петроград. Янв. 1916. Справа сверху - Александр - вольноопределяющийся 170 пехотного Молодечненского полка. 27 июля 1911 (лицевая и оборотная сторона). Слева внизу – Евгений. Справа внизу: Вячеслав, на обороте его рукой - "1917 год, летом на германском фронте"

Страшные дни

*Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить -
В красной гвардии служить -
Буйну голову сложить!*
А. Блок

Драматическая судьба моего отца чем-то напоминает мне судьбу героя "Тихого Дона" Григория Мелехова. Здесь, в советской России, он был обречен на непонимание и прозябание. Еще удивительно, что умер он "своей смертью" в своей постели. Смерть от рака настигла его 11 ноября 1957 г. на наших руках в нашей квартире в Москве на улице Машкова.

Как я уже писала в главе второй в подглавке "В Симбирске во время Гражданской войны", в Симбирске, где Вячеслав Гизелевский служил фельдъегерем при штабе Восточного фронта, он познакомился с моей будущей матерью. Там сложилась компания людей одного круга - бывших офицеров царской армии и бывших курсисток. Они занимали низшие, порой технические должности. Среди них был некто Сергей Нос, который, остро переживая исторический момент, значимость которого он ощущал, вел дневник. Действительно ли командованием был заподозрен некий офицерский заговор, или он был сфабрикован, нам теперь трудно судить. Но молодые офицеры и их знакомые были арестованы, у всех произвели обыск и у Носа нашли злополучный дневник. Само упоминание в дневнике, пусть и невинное, конкретных имен говорило о некоей групповщине, которой красные очень боялись.

Монастыри Симбирска были превращены в тюрьмы и исправительные лагеря. Как я уже писала, мои мать и отец были заключены в один из бывших монастырей. Некоторые допросы проводились не в монастыре, а в здании за его пределами. Отец вспоминал, что конвойный вел заключенного на допрос из тюрьмы без ремня, со связанными за

спиной руками, естественно, молча, без комментариев по городским улицам в следственную часть, а сам человек не знал, ведут ли его на допрос, или, может быть, на берег Волги, где производились расстрелы, тем более, что до перекрестка дорога была одна и та же - и на допрос, и на расстрел, т.ч. до перекрестка сердце у заключенного трепетало: куда свернут на перекрестке - налево или направо? По этой дороге водили и моего отца.

Основной, если не единственной причиной его заключения, конечно, послужило его бывшее офицерство в царской армии, пребывание в военном училище и упоминание его имени в дневнике Носа по поводу его неудавшегося "прорыва" на Дон.

Впоследствии прошлое мешало ему на протяжении всей жизни. Однако справедливости ради надо сказать, что был небольшой период просвета, а именно в Бахмуте, на Украине, когда он служил при штабе Южного фронта. В его "Послужном списке" значится его должность по состоянию на февраль 1920 г. – "Начальник 95-й военно-трудовой строительной дружины". Все-таки уже не фельдъегерь. Но потом его всё равно мучили постоянными подозрениями и мелкими обидами на работе. В 1922 г. он вместе с мамой и семьей Гизелевских хотел репатрироваться в Польшу, как уроженец Виленского края. Документы были выправлены, но за день до отъезда он заболел сыпным тифом и остался в России, т.к. во время его болезни репатриацию закрыли.

Затем он работал инженером по снабжению, в частности участвовал в строительстве химического комбината в Березниках, бывая там наездами в командировках. Он ни на минуту не забывал о своем бывшем офицерстве, да мы и видим, что ему не давали забыть о нем. В любимом им Художественном театре он был 10 раз перед Отечественной войной на постановке "Дней Турбиных". Вспоминая об этом спектакле, он говорил, что некоторых зрителей, терявших сознание от сильных переживаний, чуть не выносили из зала, так остры были их воспоминания о времени Гражданской

войны, столь правдиво отображенной в этом спектакле. Кстати, анализируя более поздние пьесы этого и других театров, он всегда отмечал, что в тех, других, пьесах очень плохо, фальшиво были представлены офицеры царской армии. Он не мог назвать ни одного произведения, кроме мхатовских "Дней Турбиных", где бы по-человечески правдиво и естественно было бы представлено русское дореволюционное офицерство.

О том, насколько психологически напряженной была жизнь этой части общества в советской Москве, напоминает лишь один факт. Мы жили в 1933-1937 гг. в доме №5 в Лиховом переулке. Этот красивый серый большой "доходный" дом дореволюционной постройки существует и поныне. В доме два подъезда. В соседнем с нашим подъезде жили латышские стрелки - бывшая охрана Ленина, которых постепенно начали арестовывать, не всех сразу, а поодиночке. Отца это насторожило. Он побоялся, что и его могут взять "за компанию" и твердо решил вернуться. Он стремительно нашел желающего "обменяться" с нами жилплощадью. Тогда существовала такая форма переезда с квартиры на квартиру - "обмен". За несколько дней отец осуществил свой замысел. В кратчайший срок в нашу небольшую, но очень удобную комнату в коммунальной квартире на третьем этаже в Лиховом переулке въехал "застройщик" по фамилии Лермонтов, а мы оказались в таком же "доходном" доме на шестом этаже в однокомнатной квартирке, перестроенной им из чердака, однако с ещё незавершенными отделочными работами, в доме №14 на улице Машкова, рядом с Чистыми

*Вячеслав Гизелевский.
Москва. 1937*

прудами. Из единственного огромного окна квартиры открывался дивный вид на старую Москву. Пейзаж, действительно, достойный кисти художника. Там, говорят, сейчас как раз и находится мастерская какого-то художника. Папа считал, что так он избежал возможного ареста. Может быть. Это был печально известный тридцать седьмой год.

Во время Великой Отечественной войны он, хотя и был белобилетником, но был мобилизован. Во время войны он служил сначала в собачьем питомнике "Красная Звезда" в Новогирееве под Москвой в качестве инструктора, а затем после демобилизации преподавал военное дело в одной из московских женских школ на Таганке.

Уже после войны стало полегче. На работе его выделяли среди других как лучшего военрука в школах Молотовского района Москвы. С похвалой писали о нем в городской прессе. Человек он был действительно незаурядный и об этом свидетельствует один факт. 9 мая 1945 г. в День Победы все были шальными от радости. Очень радовался и папа, он все время повторял: "Русский солдат победил! Русский солдат дошел до Берлина!" А когда вечером по поводу Дня Победы собрались у нас гости, он в перерывах между тостами как бы невзначай сказал: "Ну вот, одна война кончилась, другая начинается". На фоне всеобщей эйфории все изумились: "С кем, Вячеслав Александрович?" А он невозмутимо ответил: "С американцами". Тогда США были нашим союзником в войне с Германией и его заявление всех удивило, а ему все было ясно.

Также нельзя не отметить папиного благородства в его высшем проявлении. В июне 1957 г., за 5 месяцев до смерти от затяжной изнурительной болезни, он снова оказался в Вильно: хоронил одинокую сестру Маню. И хотя чувствовал себя очень-очень плохо, исполнил свой человеческий, как он считал, непреложный долг: поехал в пригород Вильно Панеряй (лит.- *Paneriai*, польск.- *Ponary*) к местам массовых расстрелов фашистами советских солдат (красноармейцев - по лексике того времени), поляков и евреев. Там никто из наших близких или знакомых не погиб, но папа счел своим

долгом, хотя был больным и немощным, на автобусах с двумя пересадками поехать туда. Возвратившись, он сказал мне: "Я со всеми простился".

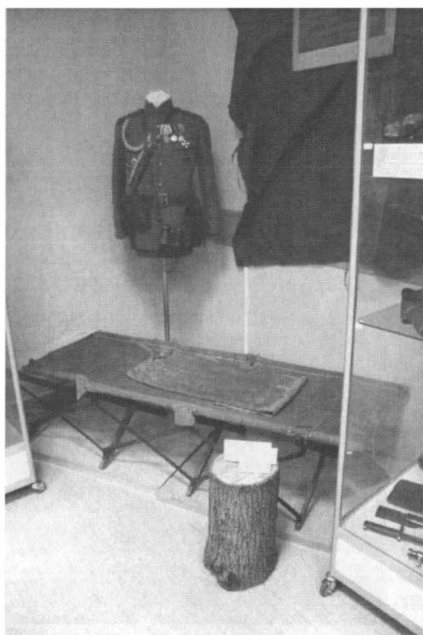
По его завещанию, а умер он, как я уже писала, 11 ноября 1957 г. в Москве, его прах мы похоронили в Вильнюсе на Антокольском кладбище рядом с могилами наших родных: моего кузена Боречки, бабушки Мальвины Гизелевской и тети Мани Гизелевской, о которых я расскажу далее. На большом бетонном кресте-памятнике, под которым покоится значительная часть семьи Гизелевских, укреплена и мраморная досочка с именем папиного брата - Александра Александровича Гизелевского. Это символическая табличка: Саша - святой мученик в нашей семье, похоронен не здесь, а где, я напишу далее.

В 1990 г., зимой, в Москве в библиотеке ВТО на улице Петровские линии одна патриотическая организация сделала выставку "1914-й год". Ее повтор был тогда же в Библиотеке иностранной литературы им. М. Рудомино у Яузского моста. Я туда дала фотографии 4-х братьев Гизелевских - офицеров и солдата царской армии, им на этой выставке был посвящен отдельный стенд.

Еще более представительной была состоявшаяся в августе 2014 – январе 2015 гг. в Музейно-выставочном комплексе "Дмитровский кремль" в подмосковном городе

*Семья Гизелевских:
Вячеслав Александрович,
дочь Корнелия (в
замужестве Стародуб),
жена Люция (урожд.
Богутинская).
Москва. 1936*

*Выгородка с походной
офицерской кроватью
Вячеслава Гизелевского*

Дмитрове выставка "Первая мировая война 1914 – 1918 в открытках, плакатах, фотографиях, предметах и документах". На ней были посвящены В.А. Гизелевскому витрина с артефактами и выгородка с его офицерской походной кроватью. Создателем выставки был историк, реставратор и генеалог Владимир Алексеевич Понсов.

На выставке "Первая мировая война 1914 - 1918 в открытках, плакатах, фотографиях, предметах и документах" в Музейно-выставочном комплексе "Дмитровский кремль". Витрина, посвященная Вячеславу Гизелевскому. Справа – устроитель выставки историк В.А. Понсов

Несчастливая семья

*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая
несчастливая семья несчастна по-своему.*

Лев Толстой

Наша ветвь Гизелевских, то есть семья, в которой родился мой отец, действительно была несчастливой. Интересно, что нет детских фотографии моего отца и его братьев Гизелевских. Почему? Может быть, потому, что семья постоянно находилась в зоне риска - сначала бегство от войны в 1914 г. в Россию, затем, в августе 1944 г., военные действия в Вильно. Прямое попадание снарядов в дом бабушки и тети Мани. Может быть, все фотографии погибли именно тогда, а, может быть, их вообще не было, потому что было не до фотографирования из-за бедности. Набор семейных снимков появился позже, когда братья, и в их числе мой отец, стали юношами, сами фотографировались и увезли фотографии из дома.

Кстати скажу поподробней об одной фотографии из семьи Гизелевских. Сколько я себя помню, над моей постелью всегда висела фотография миловидного мальчика в туго натянутых чулочках. Он сидел на козетке в свободной позе и одну ножку небрежно подогнул. Я спрашивала родителей, кто этот мальчик, и мне отвечали: "Это твой двоюродный брат, Бобусь". Я интересовалась, где он, и мне отвечали, что его нет, вообще нигде нет - он умер. В детстве трудно понять, что такое "умер", но я понимала, что увидеть его мне не придется. Он действительно умер в четырнадцать с половиной лет, но каким образом, это заставляло содрогнуться. Бобусь - Борис Гизелевский 26 ноября 1931 г. в Вильно застрелился из пистолета, который зачем-то его отец держал в доме. Причем, это не был спонтанный поступок, мальчик к нему готовился и оставил предсмертное письмо, написанное карандашом на тетрадном листе.

Борис Гизелевский

Рука не поднимается включить его в эту рукопись и выставить тем самым на всеобщее обозрение: слишком оно лирично, интимно и беззащитно. Однако, ведь этот трагический факт имел место, это уже, как говорится, история, и, может быть, публикация письма, во-первых явится своеобразным памятником моему брату, подчеркнет то обстоятельство, что он не забыт нами, а, во-вторых, кого-то из возможных читателей предостережет от какого-то любого необдуманного поступка. Вот это письмо. Оно

написано по-польски. Приводим перевод.

"Любимый папочка!

Обрыдла мне жизнь! Видел мучения Папочки и знаю, что буду большим камнем, который упадет на Папочку. Давно действительно в конце концов был доведен до понимания того, что жить дальше не могу. Папочка! Ты хорошо знаешь, как я Тебя любил и не огорчайся, что соединюсь с Мамочкой где-то за пределами этого мира. Каждый ведь должен умереть, только один раньше, другой позже.

Прошу, извини меня и не огорчайся. Не старайтесь меня спасти, это не нужно. Сегодня утром я решил, что если вы не увидите результатов моего поступка, то я буду тренироваться и стараться как лучше это сделать, и если даже будете мне мешать, я все равно убью себя. Еще раз прошу прощения и не огорчайтесь, потому что все мы когда-то должны умереть.

Бобк

Вильно 26/XI-31 г.

Просьба

Очень Вас прошу, чтобы на моих похоронах была Люся из Лиды, с которой я познакомился в этом году в ближних Лаздинах. Сведения о Люсе и о моем отношении к ней и моем взгляде на нее можете узнать у Ендрика. Похороните меня без пышности.

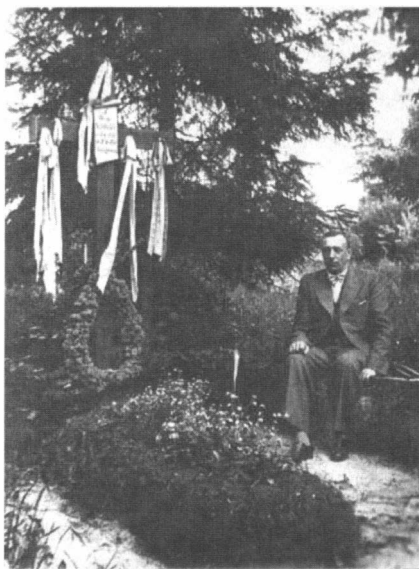
Если я кого-то обидел на этом свете, то прошу меня простить."

*Борис Гизелевский (слева) с другом
Ендриком. Вильно. 1931*

Сколько раз я читала это письмо, столько раз оно меня потрясало. Четырнадцать лет! Единственный ребенок в семье! Все знает и все понимает, то есть знает, сколько горя он принесет своим поступком, и все равно совершает его. Как это могло случиться? Можно предположить, что причин было несколько, которые соединились и для которых был нужен только повод, и на него отреагировала бы неокрепшая

детская психика. Может быть он очень остро переживал свое сиротство: мать Аля умерла от туберкулеза легких, когда ему было около десяти лет. Может быть, ему слишком досаждала мачеха, по рассказам довольно эгоистичная женщина. А может, его угнетала экономическая неустроенность отца в первые годы по возвращении в Польшу из России. Может быть, смятенность чувств вызывало то обстоятельство, что он не был уроженцем Вильна и вообще Польши, а родился в Москве, куда семья бежала от войны в 1914 г., и однокашники и преподаватели гимназии смотрели не на то, что он поляк, а на то, что он приехал из России? История такова: родной брат моего отца - Александр был женат на обрусевшей гречанке Александре Мосино. Борис родился от этого брака 15 мая 1917 г. в Москве. Из Москвы они переехали в Вольск на Волге, потом опять вернулись в Москву, а в 1922 г. семья

*Александр Гизелевский на
могиле сына Бориса в
Вильно на Антокольском
кладбище. 1931*

репатрировалась в Польшу, где и жила в Вильно и где Бобусь учился в мужской Виленской гимназии имени Адама Мицкевича на Доминиканской улице. Я хорошо помню это здание. В момент трагического события он был учеником 4-го гуманитарного класса. Похоронен на Антокольском кладбище в Вильно.

Старожилы, которых я еще застала, вспоминали, что его похороны были значительным событием в жизни города и около его гроба даже стоял почетный караул из гимназистов.

В душе каждого члена семьи память о Бобусе оставила глубокий след.

Прошло более восьмидесяти лет с момента этой трагической смерти, но каждый раз, обращаясь к упоминанию о ней, волнуясь, хотя я его лично не знала и все это произошло меньше чем за год до моего рождения.

Хочется вспомнить об отце Бориса, который после этой страшной смерти продолжительное время лежал в клинике для душевнобольных. **Александр Гизелевский** родился 12 мая 1891 г. под Вильно. Окончил реальное училище, а в I-ю мировую войну служил вольноопределяющимся в 170 Молодечненском пехотном полку, то есть одновременно, но в разных частях с братьями, в том числе и моим отцом Вячеславом. В 1922 г. с семьей, как я уже писала, он вернулся из России в Вильно, уже принадлежавшее Польше. Был служащим в Управлении Полесской железной дороги. Вспоминают, что он был очень элегантен, любил свой дом, был прекрасным хозяином: умел готовить, пек пироги. Одевая фартук, готовясь к занятиям на кухне, он говорил: "Если неграмотная кухарка может делать это, то почему же не могу приготовить пищу я?" Человеком он был, видимо, просвещен-

А. Гизелевский - второй слева, на отдыхе

ным. Например, в нашем семейном альбоме есть фотографии А.В. Неждановой в окружении знакомых Александра во время ее выступлений в 1-ю мировую войну в прифронтовой полосе. Видимо, он имел отношение к организации этих концертов, т.к. тоже присутствует на снимках. После него оставалась неплохая библиотека на польском языке, в собрании были также и русские книги. Интересная деталь: человек, живший в Польше, держал дома знаменитый юбилейный 1937-го г. издания однотомник А.С. Пушкина и трехтомник М.Ю. Лермонтова эмигрантского берлинского издательства. Это говорит об интересе какой-то части польской интеллигенции к русской культуре.

Дом Александра Гизелевского на ул. Пшевальского (Вивульского) в Вильно - его "последний адрес". Не сохр.

Однако все закончилось очень плохо: после того, как в августе 1944 г. советские войска вошли в Литву, в октябре 1944 г. он был арестован в Вильно на своей квартире на улице Вивульского, называвшейся так в то время, а впоследствии Пшевальского (д.8, кв.11, дом не сохранился). Это

было время сталинских репрессий. Его "вина" заключалась лишь в том, что он был представителем виленской части польской интеллигенции. Это было горячее, бескомпромиссное время, особенно там, на этих территориях, с их сложной историей и неоднозначной принадлежностью соседним государствам.

Александр Гизелевский. Одна из последних фотографий

Любому из старожилов могли предъявить обвинение в связи с АК. АК - Армия Крайова - армия страны - польское военно-патриотическое вооруженное объединение, образовавшееся в 1939 г. при оккупации Польши фашистской Германией. АК было одним из активнейших очагов сопротивления фашизму в Европе, однако и к советской власти у аковцев было отрицательное отношение. Александра судили, обвинение было бездоказательным, однако приговорили к семи годам лагерей и содержали в концентрационном лагере Провенишки под Каунасом. Он прислал из лагеря три письма с намеками на то, что голодает. Вот одно из них. Затертый солдатский треугольник. Синенькая марка с изображением летчика. Адрес, текст - все написано карандашом по-русски. Сохраняем орфографию:

"Вячеславу Александровичу Гизелевскому Москва Машкова ул. №... кв. ... Отправ.: Гизелевский Александр Александрович Литовск. ССР. Каунасский уезд, ст. Провенишки поч/ящ №12/2.

Провенишки 3/VIII. 1945

Дорогой Вячек!

Письмо от 15/VII получил 1/VIII, а телеграмму 3/VIII. Так долгое время следования их надо объяснить причинами местного характера. А о деньгах вообще еще не получил. Вообще все у нас здесь хромает. Между прочим прошла

ведь, что могу быть переведен в Виленскую колонию или в один из пансионатов в Вильне. Я очень того желаю, там лучше было бы с продовольствием. Да, на Манины слабые плечи раз в жизни свалилась большая тяжесть, одной в так многих обстоятельствах думать и самостоятельно решать и таковые проводить в жизнь. Я ей дал указания удерживаться на месте до последней возможности, основываясь на обстоятельствах моей истории до времени моего возвращения, пока не будет возможности дальше ждать, так ехать к Женеку а там будет видно. Мое дело что-то затягивается. Думал, что оно решится значительно раньше. Как видно слабая интервенция с другой стороны. Но как проинформирован я вся эта история должна быть ликвидирована к 1946 году. А терпения уже не хватает. Среда ужасная. Нисколько не удивляюсь вам и вполне теперь понимаю, что вы живете одиноко. Куда девались все Мосино, старик и его сыновья, Всеволод и Константин, а так же Гутман? Последний может опять пошел на фронт добровольцем, ему ведь это дело военное знакомо. О себе мне нечего писать. Все паршивею почему-то, худосочие от недостатка витаминов и вообще питания. Очень приятно было бы получить от вас посылку, но не смею этого просить ввиду высылки денег. Ты своего адреса не подал, а я не уверен в номере вашего дома. Затем шлю сердечные пожелания всего наилучшего, всех мысленно обнимаю, целую. *Ваш Саша.*"

Посылки, посланные ему папой, не доходили. Их родная сестра - моя тетя Маня - получила от властей свидетельство, где была сообщена причина смерти, но мы знаем, что он умер в Провенишках от дистрофии, а нам сообщили, что он умер 4 ноября 1945 г. в Вильнюсе от отека легких. Ему было 54 с половиной года (на табличке на кладбище ошибочно указано 55 лет).

Мы не знаем, где находится его могила и существует ли она вообще, потому что тела покойников в лагерях, как говорят очевидцы, сбрасывали в ямы и заравнивали землю бульдозером. Поэтому мой папа незадолго до своей смерти

заказал для Саши табличку: "Aleksander Gizelewski: 4.XI.1945 г. w.l. 55", и ее установили на памятнике над могилой на Антокольском кладбище в Вильно (квартал 27, место 96), где похоронены Боречка, тетя Маня, Бабушка и впоследствии мой папа. Подобную же, но с несколько другим текстом, табличку дяде Саше я установила в Варшаве на стене костела на кладбище Повонзки; в эту стену вмурованы таблички в память о поляках, "погибших на Востоке": "Polakom poległym na Wschodzie".

У папы было еще два брата, сведений о которых крайне мало. Старший из братьев **Владимир** родился в городе Лида в 1889 г., единственный из пятерых детей лицом был очень похож на мать. Во время I-ой мировой войны он служил в царской армии на невысоких офицерских должностях, до 1916 г. в Петрограде. Погиб во время Гражданской войны. Не имел ни семьи, ни детей. Брат **Евгений Александрович Гизелевский** был на год-полтора старше папы, также во время I-ой мировой войны служил в армии, а по окончании ее вскоре уехал в Польшу. Евгений скончался в конце 1950-х гг. в Щецине, где и похоронен. У него была дочь Ирэна, с которой у нас почему-то не была налажена связь.

И, конечно, все координирующим центром семьи, была папина сестра, Маня – **Мария Александровна** (апрель 1884 - 1 июня 1957), которая постоянно жила в Вильно, за вычетом восьми лет, которые она провела в России в качестве беженки (1914-1922). С детства страдала туберкулезом позвоночника, училась в подпольной польской школе, т.к.

Мария Гизелевская. Вильно. 1910-е гг.

Фото "В зеркалах", "В шляпке"

польские школы на территории Царства Польского, до 1918 г. входившего в состав России, до 1907 г. были запрещены правительством Российской империи. Высшего образования не имела, но была неплохо эрудирована, знала начатки французского языка, который очень любила и на котором читала развлекательные романы. Была яркой католичкой и польской патриоткой. По роду деятельности - портниха, шила умело, со вкусом. Имела прекрасный голос и пела, выступая любительно. Семьи и детей не имела и всю нерастраченную любовь отдала своему милому племяннику Бобусю - Борису, которого вынянчила с пеленок и о трагической смерти которого я уже писала. Она похоронена на Антокольском кладбище в Вильне под одним памятником с ним.

Она постоянно жила вместе с матерью, т.е. моей бабушкой, **Мальвиной Юрьевной Гизелевской** (1865-1945) из рода Адамович. Об Адамовичах упоминается на стр. 13-14 книги "Herbarz Polski i imionospis zasłużonych w Polsce ludzi wszystkich stanów i czasów". Tom I. Lwów. Drukiem Kornela Pillera. 1855)²³.

*Борис Гизелевский в
младенчестве. Москва.
1917*

Моя Бабушка, как говорили решительно все, знавшие ее, была человеком редкой души и щедрости, помогая всем, кто бы к ней не обратился. Оставшись в 33 года вдовой с пятью детьми на руках, она не только, что называется, выжила, но и поставила детей на ноги, как могла, а это было особенно трудно, т.к. она была без средств, без связей, полька, католичка в Российской империи. И еще ведь надо помнить, что это были кресы, где периодически менялась власть.

*Мальвина Гизелевская
(урожд. Адамович) -
мать Вячеслава в
молодости*

*Мальвина Юрьевна
Гизелевская - моя
бабушка*

Ее родители некогда владели имением Олсок и она, как каждая невеста, с надеждой на лучшее выходила замуж за моего деда **Александра Казтановича Гизелевского**, думая, что жизнь будет улучшаться, а жизнь пошла не в гору, а по нисходящей. Папа всегда цитировал Бабушку: "Если есть хлеб, это еще не голод". Значит, экономические ситуации в семье порой доходили до критической черты.

И вот наступила последняя сложная ситуация: 1945 г., май месяц - месяц победы над фашизмом, но в семье Гизелевских все достаточно мрачно. Старший сын - Александр - мой дядя Саша сидит в лагере, о чем я подробно писала. Виленщизну, которой восхищался когда-то Мицкевич, покидают поляки: их переселяют оттуда: того, кто, с точки зрения властей, подозрителен, отправляют на восток, за Уральский хребет, остальных - репатрируют в Польшу. Тетя Маня и Бабушка подлежали репатриации (репатриация - от лат. patria -

родина - возвращение на родину военнопленных, перемещенных лиц, беженцев, эмигрантов). Они были коренными жителями Виленщины, но т.к. эта земля опять стала территорией Литвы, а они были поляками, следовательно, они стали здесь лишними. 17-го мая 1945 г. тетя Маня пишет нам в Москву такое письмо (сохраняю орфографию):

"17/V. 45 г. Дорогія Вячек, Люція и Неля!

Только что получили вашу открытку и сейчас же отвечаю. Вышло так, что летит самолетом адвокат, который защищал Александра и обещался бросить в Москве письмо, а может быть и сам лично вам передаст. Я бы очень хотела по крайней мере ты от него все узнаешь. Из твоей открытки видно, что ты не представляешь, как здесь есть. После суда, который осудил его на 7 лет принудительных работ, ведь он сидел в тюрьме с 4 декабря до суда 28 марта, а после суда опять в тюрьме был на Лукишках и 2 мая его вывели из Вильны, вместе с другими арестантами, куда мы не знаем и очень трудно узнать. Хуже всего, что нельзя было подать ему ни денег, ни еды какой-нибудь, он там наверно погибнет. А мы с мамой должны решить, что делать? Мама хочет, чтобы вы взяли ее к себе, для этого нужно, чтобы ты, Вячек, приехал за ней, как-нибудь возьми отпуск что ли и сделай это обязательно, а я должна уехать из Вильны в Польшу, т.к. Вильна присоединена к С.С.С.Р., то все поляки должны ее оставить, а кто не оставит и останется, того все равно переселять куда-нибудь (*вымараны цензурой, но можно прочесть слова: "в Сибирь или Казахстан"*), уж, конечно, не в Москву и Ленинград. Мама боится ехать со мной, так как там, в Польше, все тоже разорено, квартир нет, людей наехало, многія не знают, куда голову приклонить. Я со страхом об этом думаю, но это неизбежно, во всяком случае буду тянуть до последней возможности. Бедный Александр, он наверное погибнет. Что делать. Такова судьба. Целую всех горячо и крепко. Маня.

Напиши определенно, как с мамой, соглашаешься ли ее взять и это надо сделать в 2 месяца".

А на обороте этого душераздирающего письма дрожащей рукой 80-летней бабушки Мальвины Гизелевской написано ее письмо к нам, где среди прочего читаем такие строки: "Moja cała nadzieja że mnie zabierzecie do siebie, tylko, Wacio, będziesz musiał sam oto postarać się, żebym miała pozwolenie na wjazd do Moskwy..." Перевод: *"Моя вся надежда состоит в том, что заберете меня к себе, только Вацек, ты должен сам постараться, чтобы мне дали разрешение на въезд в Москву..."*

Милая, милая, старенькая, страдающая сердечными заболеваниями, моя Бабушка, которую я никогда не видела из-за мировых катаклизмов, милая моя старушка, через 70 лет за то, что жизнь была к тебе так жестока, я прошу у тебя прощения, хотя тогда мне было всего 12 лет и от меня ничего не зависело. Но ведь больше-то попросить у Тебя прощения некому, поэтому прошу его я.

Маня отослала письмо. Оно, как видим, прошло военную цензуру, мы его получили. Но все дело в том, что Маня с Бабушкой написали его 17 мая, а через два дня, 19 мая 1945 г., Бабушка, не выдержав всех испытаний, умерла. Под натиском нахлынувших чувств я не могу не вспомнить слова В.А. Жуковского из его стихотворения "Воспоминания" (1821):

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*

Их могилы и памятник над ними на Антокольском кладбище в Вильно я и мои дети сохраним в полном порядке, насколько это возможно на расстоянии в тысячу километров и при наличии двух государственных границ.

Глава четвертая, последняя. Братья и сестры, сестры и братья. И все любимые

*Давайте жить, во всем друг другу потакая.
Тем более что жизнь - короткая такая.
Булат Окуджава*

Старшие дети

*Вечная тревога, труд, борьба, лишения - это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться.
Лев Толстой*

Говоря о жизни своих родителей и их предков, я, конечно, говорила и о судьбах других членов их семей, настолько подробно, насколько это касалось развития основного сюжета. Как я уже писала, бабушка по материнской линии - Корнелия Нарциссовна говорила, что семья была "составной". Мой дед Вацлав Прокопович (Янович) Богутинский, как я уже отмечала, женился на моей бабушке, имея троих детей от первого брака. Его первая жена - рано умершая француженка Елизавета Дельсаль. Видимо, он жил с ней не в России, но, где именно, неизвестно.

Мы останавливаемся подробно на судьбах маминых сестер и братьев, отмечая наиболее интересные факты их

жизни, так как в них отразилось Время, ведь именно Время - один из главных героев нашего повествования.

Старшего сына Вацлава звали **Эдуард Вацлавович Богутинский** (1888 – 1942). Он окончил Рижский коммерческий институт, был экономистом. До революции он жил в городе Павловске Воронежской губернии. Как я уже отмечала, там находился один из двух пивоваренных заводов моего деда. Этот самый павловский завод за несколько лет

*Эдуард Богутинский -
гимназист. Астрахань*

до I-ой мировой войны был отдан Вацлавом Богутинским вот этим трем старшим детям от его первого брака: Эдуарду, Владиславу и Людмиле.

Перед I-ой мировой войной обстановка становилась все тревожней, чувствовались какой-то дискомфорт и напряженность, особенно для них, людей, которые были связаны с западом.

В семье стали раздаваться робкие голоса по поводу того, чтобы продать всю недвижимость, а деньги перевести в банки какой-то нейтральной страны и готовиться к отъезду. Но осуществить это не удалось.

Все дети Богутинские родились австро-венгерскими подданными, так как отцом первых восьми был Вацлав Богутинский - уроженец Богемии, входившей в состав Австро-Венгрии, а последних двух - Антон Чацкий - уроженец Чехии. Богутинский умер в 1907 г., а Чацкий в 1914 г. принял русское подданство. Чтобы

продолжать жить в России после объявления I-й мировой войны, все дети также в 1914 г. приняли русское подданство. Единственными, кто не сделал этого, были старшие братья Эдуард и Владислав Вацлавовичи, за что первый поплатился впоследствии жизнью: будучи арестованным в 1941 г. и сосланным в концлагерь под Самаркандом как иностранный подданный. Эта глупейшая идея сохранять непонятно для чего иностранное подданство, естественно, ни к чему хорошему не могла привести, а в каждодневной жизни приносила лишь неудобства. Он должен был из Старого Оскола, где он жил с семьёй, каждые три месяца приезжать в Москву в немецкое посольство отмечаться как иностранный подданный. Именно в немецкое, потому что Австро-Венгрии уже давным-давно не существовало и на ее территории находилась Германия.

Так вот, помню летом 1940-го г. я с няней тетей Симушей спокойно живу на даче в Белых Столбах Павелецкой железной дороги в премилой квартирке в киногородке, и вдруг поздно вечером, когда уже была на улице темень, приходят папа с дядей Эдей и остаются ночевать. Помню при них был большой чемодан с продуктами. Папа, как всегда, старается шутить и всех забавлять, но чувствуется, что у него на душе кошки скребут. Оказалось, что дядя Эдя, ко-

Эдуард Богутинский с семьей. Жена - Нюся, мальчики - старший - Вацлав, младший - Эдуард. Старый Оскол. Конец 1930-х гг.

торый приехал для этих дурацких отметок в этом нелепом, никому не нужном паспорте, просрочил трое суток, которые ему давались для жизни в Москве, а останавливался он, конечно, у нас, что очень нервировало папу. Папа всячески его отговаривал и советовал сдать этот паспорт и вообще отказаться от этой бредовой идеи гражданства, которое никак в жизни невозможно было реализовать для чего-то полезного. Эдя трое суток просрочил, а билетов в Старый Оскол, чтобы срочно уехать, не оказалось, а за нашей квартирой из-за дяди Эди и его паспорта следили соответствующие лица. Спасаясь от этих "соответствующих лиц", папа с дядей Эдей убежали из дома на вокзал и все-таки сумели купить билет на утро, а переночевать решили на даче. И правильно сделали. На дачу за ними никто не приехал, и утром дядя Эдя отбыл в свой Старый Оскол, а продукты в чемодане вез туда же семье, т.к. в провинции, в Старом Осколе, тогда снабжение было очень плохое. Вот такая глупая история.

В Старом Осколе он поселился после революции, когда уехал из Павловска, с павловского завода. Старый Оскол от Павловска находится сравнительно недалеко. Там женился. Жену его звали Нюся, она болела туберкулезом и умерла во время Великой Отечественной войны. У них были два сына - старший **Вацлав**, младший **Эдуард**. Во время войны оба были на фронте, в пехоте, младший в Чехословацкой бригаде имени генерала Ягоды и был ранен. После войны некоторое время они жили у нас, в нашей квартире в Москве, потом оба женились. Ваця остался в Москве, Эдя с женой уехал в деревню под Рязань, отношения с ними у нас не сложились, и я ничего не знаю о их судьбе. А дядя Эдя умер в Самарканде. Он был выпущен из лагеря как "доходяга", т.е. безнадежно больной, и по дороге в город прилег без сил на обочину под палящим среднеазиатским солнцем. Его подобрала местная жительница, русская, написавшая маме письмо о том, что на ее дворе, куда она его притащила, он

умер. Письмо мама сожгла на моих глазах. Это был 1942-й год.

Думается, что до революции семья Богутинских по своим взглядам была либеральной, ей был присущ демократизм. Потомки повстанки, они познали горечь лишения, гонения и жестокость по отношению к себе, поэтому были чутки к окружающим, а, главное, в них была высокая культура, истинная интеллигентность и душевная чуткость. Не знаю, насколько глубоко разбирались они в политике, но интересовались ею, как истинно широко мыслящие люди. Известно, например, что Доминик Нарциссович - мамин дядя, собирал во время революции 1905-1907 гг. в Мелекесе прокламации разных партий и изучал их.

Второй сын Вацлава Богутинского – **Владислав Вацлавович** (25 июня 1892 или 1893 (?) - 1952), окончивший в июне 1911 г. Пражскую пивоваренную академию, тоже стал немного интересоваться политикой и за этот интерес к революционным волнениям, который я не знаю, в чем выражался, был сослан в Иркутскую губернию и женился там в 1921 г. на крестьянке **Ксении Васильевне Огородниковой** (27 декабря 1902, Черемхово Иркутской обл. - 26 мая 1980, Саки, Крым). У них между 1922 и 1928 гг. родились четыре дочери: **Галина, Людмила, Ольга и Корнелия**. Перед Великой Отечественной войной они жили, переезжая, в Предуралье в городах Сарапуле, Воткинске и в Ижевске, где он занимался пивоварением. Начал профессиональную деятельность с 1912 г. Принял советское гражданство в 1937 г. Дядя Владя умер в августе 1952 г. и похоронен в Чимкенте, где он работал.

Я очень хорошо помню дядю Владю - худощавого, подвижного, веселого, постоянно шутящего чело-

*Владислав
Богутинский*

*Владислав Богутинский за работой. Главный инженер
пивоваренного завода в городе Чимкенте*

века. В отличие от брата Эдуарда он был компанейским, душевным, открытым, необыкновенно располагавшим к себе. Это была очень светлая личность, что называется, "легкий человек". Они с мамой были духовно очень близки и было приятно смотреть, как они беседовали, предаваясь воспоминаниям детства, перебирая в своих разговорах только им знакомые, милые и близкие имена, даты и факты. Он вносил в окружающую его атмосферу какое-то тепло, улыбочность и радость. Придумывал имена. Меня, помню, называл "Нельча" и я всегда ждала его приезда, т.к. это был маленький праздник. Места, где живут его потомки – внуки, правнуки и праправнуки, - это города Саки в Крыму, Ижевск - столица Удмуртии и Белоруссия.

Можно объяснить, почему "составная" семья не распадалась и дети от первого брака моего деда тянулись к

мелекесскому дому, душой которого, как я понимаю, была моя бабушка Корнелия Нарциссовна. Это происходило потому, что в доме царила высокая духовность и не в том смысле, как сейчас употребляется это слово, в религиозном, а именно в прямом его гуманистическом значении, т.е. душевное, высокое интеллектуальное, эстетическое, этическое саморазвитие. В мелекесском доме основными ценностями были библиотека на четырех языках: русском, польском, немецком и французском, концертный рояль, картины. Богутинские-Чацкие хорошо знали и русскую, и западную культуру, чему способствовали их частые поездки по России и за границу. Они очень симпатизировали русской культуре. Домашние учителя занимались не только шлифовкой знаний, но и формированием цельной личности детей, неустанно занимались этим и сами родители. Интересно, что при наличии двух, пусть небольших, заводов, излишней расточительности не было потому, что деньги, как мама говорила, постоянно вкладывали в "дело", т.е. "лишних" денег не было, но при этом денег не жалели на воспитание, образование и развитие детей.

Сложным характером обладала дочь моего деда и его первой жены Елизаветы Дельсаль **Людмила Вацлавовна Богутинская, в замужестве Яновская** (21 февраля 1892 - 29 октября 1971, Ростов-на-Дону). Кстати, нужно осторожно относиться к дате ее рождения - 21 февраля 1892 г., т.к. потомки Владислава - ее родного брата дают дату его рождения 25 июня того же 1892 г. Где-то здесь кроется ошибка, хотя

Людмила Богутинская (в замужестве Яновская) - студентка. 1900-е гг.

в обоих случаях потомки опираются на документы, не исключено, что Владислав родился в 1893 г. Тетя Миля была замкнута, мечтательна и очень красива. По образованию она была филологом. До революции жила при павловском заводе, в прекрасном модернистском особняке. Как я уже писала, там родилась в 1914 г. ее дочь, моя любимая двоюродная сестра **Нина (Нина Константиновна Яновская, в замужестве Мацковская, 1914-1981)**, необыкновенной души человек. Ее отец, муж Людмилы Вацлавовны - тети Мили **Константин Ярославович Яновский**, по профессии инженер, вступил в Белую армию. О том, как он лежал в госпитале в Ростове, как к нему из Павловска пешком (а где на попутной телеге) с маленькой Ниной пришла Миля, я писала в главе второй, в главке "Встреча в степи". Там же я описываю, как Костя с белыми бежал из Ростова при наступлении красных, и моя мама, желая помочь сестре Миле и Ниночке, оставшимся в ужасном положении, отправилась за ними из Александро-Грушевска в Ростов-на-Дону и в какую драматическую историю они все в результате попали. Сначала в плен к белым, затем оболганная возницей мама попала под суд уже у красных.

Во всей этой истории был один эпизод, который в многократно повторяемом рассказе на меня неизменно производил большое впечатление. Ростов был для Мили совершенно чужим городом. Когда с Ниной она покинула госпиталь, то днем она бродила, держа за ручку Ниночку, по городу, а когда наступал предзакатный час вечерних жемчужных сумерек, присматривала им место где-нибудь под лестницей, где можно было бы переночевать. Впоследствии Нина - моя любимая двоюродная сестра, будучи уже умудренным жизнью человеком, говорила мне, что боится сумерек: она на всю жизнь запомнила этот жемчужно-серый час вечера - время наступления сумерек, которое у нее ассоциировалось с заброшенностью и бесприютностью, и избегала в эту пору находиться на улице, особенно в мало знакомом городе, например в Москве, куда она приезжала к нам в гости. Вот

этот маленький, но очень выразительный факт напоминал об ужасах Гражданской войны.

Судьбы участников всей этой истории сложились так: путь Константина Ярославовича был достаточно типичен для той ситуации, в которой он находился: Новороссийск, пароход, до краев переполненный эмигрантами, Стамбул и далее Варна, где он и поселился. Ему хотелось остаться ближе к России. До конца дней (а умер он в 1979 г. (?)) он работал в Варне преподавателем в гимназии, постоянно звал семью в Варну, но об этом не могло быть и речи, выезд из России был тогда невозможен. В 1920-е гг. он вкладывал несколько раз в письма, посланные по почте, доллары и на бумажке, в которую были завернуты деньги, писал: "Прошу не трогать, это для моего ребенка". Самое поразительное, что деньги доходили.

Тетя Миля прожила долгую жизнь и все время находилась рядом с Ниночкой. В моей памяти осталась ее необычайная обходительность и большие, всегда испуганные глаза. Также на всю жизнь я запомнила как Мама и тетя Миля до самой смерти выясняли, почему Миля с маленькой Ниночкой бросила маму в смертельно опасную минуту перед судом "ревтройки", которая как я уже писала, маму неожиданно для всех оправдала. Выясняли и так и не выяснили. Воистину! Как говаривал мой покойный муж, мудрый человек, Эрнест Всеволодович: "Никогда не выясняйте отношений, ничего не выясните, а отношения совсем испортите". Нина Констан-

*Людмила Яновская с дочерью
Ниной (в замужестве
Мацковской). Ростов-на-Дону.*

тиновна умерла от инфаркта в одно мгновение, как умирают праведники. Всю жизнь она посвятила своей самозабвенно ею любимой дочери Леночке (**Елене Сергеевне Мацковской, в замужестве Бушковой**).

К сожалению, не все внуки, правнуки и праправнуки Эдуарда, Владислава и Людмилы Богутинских между собой связаны общением, их пути разошлись в нашем многолюдном и шумном мире, в котором столько путей-дорог. И так крепко сцементированная моей бабушкой в начале XX в. Семья в её третьем поколении распалась. Пыталась этот процесс распада остановить моя Мама, но тенденции Времени оказались сильнее, со Временем не поспоришь - оно сильнее нас.

Астраханцы и мелекесцы

*Кубок жизни был бы сладок до приторности,
если бы не падало в него горьких слез.*

Пифагор

Средняя по возрасту пятерка общих детей Вацлава и Корнелии Богутинских была очень сплоченной, объединенной возрастными, эстетическими и эмоциональными особенностями. Детки шли один за другим в основном с промежутком в два года. О их воспитании я подробно рассказала во второй главе этой книги. Их детские радости, материальный достаток, в котором они жили, чувство защищенности, - все то хорошее, что имели они в детстве, все было перечеркнуто последующими годами, когда рухнули старые устои и пришло новое время, о котором перед революцией все так страстно мечтали: вспомните мечты о лучшем будущем персонажей драматургии А.П. Чехова, например, Ирины, Маши и Ольги из "Трех сестер". Трое из пяти этих "средних" деток родились в Астрахани. За 13 лет супружеской жизни у моих деда и бабушки родилось семеро детей, двое умерли в раннем детстве, а пятерых они благополучно воспитали. Первой была Антонина, потом моя мама Люция, затем братья Вацлав и Михал и их сестра Мария.

Маме посвящена вся вторая глава, а об ее старшей сестре Антонине там рассказа нет. Итак, **Антонина Вацлавовна Миллер** (урожд. Богутинская, 27 ноября 1895, Астрахань – 31 июля 1971, Польша, Ченстохова). Мама всегда с увлечением рассказывала о ней. Тоня была для нее не только старшей сестрой, но и ее ближайшей подружкой. Она была очень красивой: стройная, светлоглазая блондинка, грациозная, милая в обращении.

Все прямые потомки Пересвет-Солтанов были шатенами со светло-карими глазами, то есть имели, как поляки говорят, "piwne oczy" (глаза цвета пива), а она, видимо, пошла в отцовскую родню, голубоглазую и светло-русую. О характере её судить не могу, не знаю, каков он был, однако знаю опять же, что потомки Пересвет-Солтанов по женской линии имели характер твердый и достаточно бескомпромиссный, были решительны, самостоятельны и независимы, что не мешало им, однако, оставаться обаятельными. Какие черты характера передались ей от предков, сказать непросто. Сложен человек!

Антонина Богутинская (в замужестве Миллер) с братом Вацлавом. Мелекес

В 1913 г. она закончила ту же, что и мама, Мелекесскую женскую гимназию, где начальницей была всеми уважаемая, уже упомянутая нами Ольга Гурьевна Сироткина – прекрасный педагог и человек. Успешно училась. Любила конный спорт и хорошо ездила верхом. В мелекесском имении у неё была любимая лошадь Принц. Через пять лет после окончания гимназии, в 1918 г., в Мелекесе вышла замуж за поляка Витольда Помяна-Миллера. События революции и Гражданской войны на время разлучили их. Антонина в составе большой родительской семьи летом 1918 г. бежала из Мелекесса. Об этом путешествии подробно сказано в преды-

*Антонина Богутинская (справа) с любимой лошадью
Принцем. Мелекесс. 1913*

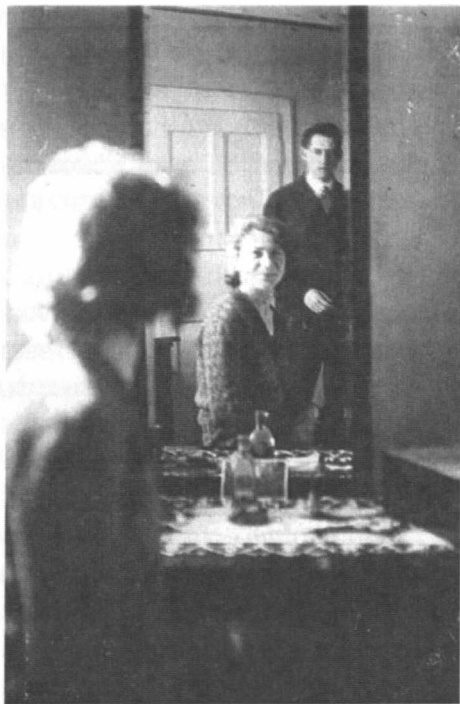
дущих главах. Они ехали через Урал, Сибирь, Дальний восток, Владивосток, далее Индийский океан и Средиземное море в Чехию, в Прагу. В пути погибли её две крохотные дочурки. Впоследствии она раньше мужа прибыла в Польшу, а Витольд сумел покинуть Россию и приехать к ней лишь в зиму 1921/22 гг.

Их сын, мой кузен, Михал Миллер, родился 25 ноября 1922 г. в Здолбунове. Витольд был инженером – путейцем, Антонина непродолжительное время перед войной была финансовым работником в детском учреждении. Они длительное время жили в Брест-Литовске, который принадлежал после I-ой мировой войны Польше, и который они покинули летом 1944 г., когда отца и сына немцы погнали на работы в Германию, куда они, к счастью, не доехали. Потом жизнь супругов протекала короткое время в Варшаве и Ченстохове. И, наконец, в средневековом, живописном Торуне. Моей маме так не хватало её всю жизнь и она часто с грустью го-

ворила, что не может поговорить по душам "с Тонькой" (польски суффикс – "ка" в имени имеет не пренебрежительное, а ласкательное значение), посоветоваться с ней, поделиться впечатлениями.

Мой кузен, Михал Миллер, был очень милым, отзывчивым, деликатным человеком. Когда мы посетили их в Ченстохове в августе 1991 г., моя старшая внучка, тоже Антонина, с удовольствием с ним общалась, дети всегда чувствуют добрых, благородных людей. По профессии он был мостовиком-строителем. Они с женой Реней воспитали троих сыновей - Богдана, Леха и Анджея.

Все в той же Астрахани родился **Вацлав Вацлавович Богутинский** (25 ноября 1900, Астрахань - 13 февраля 1971, Прага). Моя мама его очень любила, с удовольствием рассказывала о том, как в Мелекесе ходила с ним на лыжах, как мальчиком он участвовал в любительских спектаклях. Когда она приехала в 1924/25 гг. к семье на свидание в Прагу, они с Вацей с грустью как о невозвратном прошлом говорили о том, как прекрасно было ехать на лыжах по замерзшему Черемшану и в яркие, зимние, солнечные дни, и вечером, когда появлялся на небе остроконечный месяц и они, подростки, в сопровождении взрослых, ехали по скрипучему снегу, а на берегах стояли припорошенные снегом большие сказочные дере-

Вацлав Богутинский с женой Юстиной. Прага. 1930-е гг.

вья. Он рос параллельно с мамой, т.к. всего на два года был моложе нее, и у них сложились очень теплые отношения, но жизнь их разлучила. Я уже писала, что мама по окончании гимназии отправилась учиться дальше в Москву, а Ваця продолжал жить в Мелекессе и учиться сначала в реальном училище, потом будто бы в Мелекесской мужской гимназии. Произошла революция, а потом началась Гражданская война... Я до сих пор поражаюсь невероятным и непредсказуемым превратностям Гражданской войны.

Эти превратности отразились на судьбе всех Пересвет-Солтанов-Богутинских-Чацких. В 1918 г. грянул белочешский мятеж. Это было трагическое лето 1918 г., когда в июле в Екатеринбурге (кстати не так уж далеко от Мелекесса по российским меркам) была расстреляна царская семья. Знали ли мои родственники об этом?

На этот вопрос, как и на десятки других, связанных с бегством из России семьи моей мамы сто лет назад, ответа мы не найдём: уже никого нет на свете, слишком давно это было. Я писала об их тяжёлом двухгодичном путешествии из Мелекесса в Прагу. Те из них, кого я ещё застала в живых, с болью говорили о своих переживаниях, которые они испытали, когда узнали, что посторонние люди ворвавшись в их любимый дом, и, не обнаружив хозяев, выпустили обойму в зеркала, люстры, окна и застрелили комнатную собаку. Кстати о зеркалах. Меня всегда занимали старые зеркала: ведь в них десятилетия, а порой столетия назад, отражались чьи-то лица. Захотелось об этом сказать стихами:

*Во дворцах, музеях и домах
Люблю я блеск зеркал старинных –
В них отраженья лиц невинных,
Давно уж обращенных в прах.*

Тех, мелекесских, зеркал не существует уже почти сто лет. Погибли и библиотека, и рояль, и парк, который был вырублен, и все строения.

Руководил этим переездом, эмиграцией, как хотите назовите это перемещение, второй муж моей бабушки **Антон Мартынович Чацкий** (1870, Чехия – 1934, Чехия, Прага). Подробнее о нем в следующей подглавке. Тому, что он стремился именно в Прагу, было много причин: во-первых, Антон Мартынович Чацкий, чех, мог рассчитывать на радушный прием там у брата Вилема, во-вторых, у него наверное существовали какие-то старые связи и с другими пражанами. Словом, он предполагал, что найдет там приют и действительно нашел его поначалу у своего брата Вилема.

Они обосновались в двухкомнатной квартирке на Смихове на Виннице. Приехав в Прагу, семья оказалась в тяжёлом материальном положении: за два года пути все наличные средства были истрачены. Они бежали из России, будучи русскими подданными, и это им давало моральное право обратиться в Праге в белоэмигрантский комитет за материальной помощью, но им было отказано, т.к. они по происхождению не были русскими людьми. Встал вопрос о дальнейшем образовании детей, но дети не знали чешского языка и старший мальчик **Вацлав Вацлавович Богутинский** не мог дальше учиться и, отслужив службу в чешской армии, овладел профессией кровельщика черепицей. Рассказывают, что он был прекрасным работником, душой общества, необычайно честным и внимательным к людям, отзывчивым человеком. Он умер в Праге 13 февраля 1971 г. и похоронен на Ольшанском кладбище рядом с отцом Вацлавом Богутинским. Был женат. Жена - Юстина, брак был бездетным. На похоронах Вацлава было очень много народу, о чем свидетельствуют имеющиеся у нас фотографии.

Второй из двух сыновей **Богутинских Михал** (23 ноября 1902, Мелекесс - 20 июля 1987, Прага). Мама его любовно называла Мишка. Младший из мальчиков Богутинских уже был слишком велик, чтобы в Праге идти в чешскую школу, к тому же, он тоже не знал чешского языка. Гимназию из-за всех передряг он не успел в Мелекессе закончить.

*Михал Богутинский в
костюме трубочиста
на костюмированном
детском празднике в
доме Богутинских.
Мелекесс. 1900-е гг.*

*Михал Богутинский с
Еленой Радовой. Прага.
1960-е гг.*

Он имел врожденный порок сердца, на всю жизнь был освобожден от воинской повинности, и стал часовщиком.

Для него это была прекрасная профессия, она соответствовала его созерцательному характеру. Этому характеру вполне было близко и занятие цветоводством, которому он посвятил себя в последние годы. На фотографиях, которые он нам присылал, мы его видим в садике, возделанном его руками.

Он не принял чешского гражданства, и так и умер подданным канувшей в Лету Российской империи. Хорошо знал русский язык, не забыл его, я с ним долгие годы вела переписку по-русски. Он присылал письма, написанные ровным, четким ученическим почерком. Умер 20 июля 1987 г. в Праге, прожив честно и благородно 85 лет. Состоял в гражданском браке с **Еленой Радовой**, дочерью генерала - русского эмигранта. Михал похоронен в Праге на Ольшанском кладбище на седьмом участке, место 14 А, аллея 17. Там под общим памятником покоится прах моего деда Вацлава Богутинского, дяди Вацлава

Богутинского, его жены Юстины и его сестры Марии Котешовцевой.

Еще одна дочь Богутинских **Мария Вацлавовна** (27 мая 1904, Мелекес - 23 декабря 1954, Прага) вышла замуж за Владимира Котешовца, с которым познакомилась еще в Мелекесе. Семья Котешовцев в составе "большой" семьи в 1918 г. эмигрировала в Прагу. Брак не был счастливым: Владимир изменял жене и в конечном итоге, когда она в Праге в 1945 г. тяжело заболела рассеянным склерозом, он ее оставил и она окончила свои дни в пансионате для больных и престарелых, в течение 7-8 последних лет передвигаясь только в коляске. Ее семья уже не была дружной: сыновья Марии **Вацлав и Владимир**, хотя оба жили в Праге, редко общались друг с другом. Это

совершенно разные люди: Вацлав был рабочим на одном из пражских заводов, Владимир - инженером на известной

*Маруся Богутинская -
гимназистка. Мелекес.
1910-е гг.*

*Мария Котешовцева (урожд.
Богутинская) с сыновьями
Владимиром и Вацлавом.
Прага. 1930-е гг.*

фирме "Тесла". Но дело не в профессии, а в подходе к жизни, в человеческих качествах. Я общалась с Владимиром, когда в 1970-е гг. он довольно часто приезжал в командировки в Москву. Конечно, я его мало знала, но понимала, что братья не могли найти общего языка. Умерла Мария 23 декабря 1954 г. и похоронена, как я уже писала, все на том же Ольшанском кладбище рядом с отцом и родственниками.

Обо всех я написала то немногое, что знала. Их самих, к сожалению, я лично не всех видела, а очень хотела бы общаться с каждым из них, но наш век, "железный" век, не позволил мне этого сделать. Однако мы помним об этих людях: они нам родные.

*Слева направо - Маруся Богутинская,
Корнелия, Антонина Чацкие*

В странах Восточной Европы, где мне доводилось бывать, я столкнулась с таким фактом. Поблизости от дома, где жил какой-нибудь недавно скончавшийся человек, можно увидеть на стене, столбе или ограде листовку, отпечатанную в типографии, которая, представляет собой краткую биографию этого человека. Также родственники помещают в местной газете некролог об ушедшем. Так отдают там дань памяти умершим. Мои записки – это такое же выражение уважения к личностям покинувших нас.

*Дети Богутинские с сестрами Чацкими 1 сентября 1915.
1-й ряд - три младшие девочки слева направо: Антонина
Чацкая, в центре - Мария Богутинская, Корнелия Чацкая.
2-й ряд – Богутинские: Михал, Люция, Антонина, Вацлав*

Любимые тетушки Чацкие

*Если вы хотите, чтобы жизнь улыбалась вам,
подарите ей сначала свое хорошее настроение.*

Б. Спиноза

Светлые, милые, сердечные, праздничные воспоминания связаны у меня с двумя моими тетями - Нелей и Тосей, урожденными Чацкими, двумя младшими сестрами моей матери, двумя последними детьми моей бабушки Корнелии Нарциссовны, но не от моего деда Вацлава Богутинского, а от ее второго мужа Антона Мартыновича Чацкого.

Вернемся в начало XX в. В 1907 г. умер мой дед. В доме Богутинских в Мелекессе текла мирная жизнь, полная постоянного труда, временами печали, а временами радости. Как я уже писала, труд был основой жизни этой семьи. После смерти Вацлава Богутинского семья осиротела, но был человек, которого очень волновала будущность вдовы - моей бабушки: на пивоваренном заводе Богутинского в Мелекессе работал управляющим чех, давние предки которого по материнской линии некогда были польскими магнатами, **Антон Мартынович Чацкий**. Красивый, статный, остроумный, он пользовался вниманием дам. Антон Мартынович был давно влюблен в Корнелию Нарциссовну, но чтобы никому не осложнять жизнь и не класть тень на благородные отношения в семье при жизни Вацлава Богутинского, он уехал, а после смерти последнего вернулся в Мелекесс и вскоре сделал ей предложение: моя бабушка вторично вышла замуж.

От этого брака родились две дочери **Корнелия** (10 мая 1909, Мелекесс - 12 октября 1997, Варшава) и **Антонина** (23 сентября 1911, Мелекесс - 12 февраля 1987, Варшава). В начале 1930-х гг. обе сестры - Корнелия и Антонина - вышли замуж за братьев Гняздовских - владельцев имений Полуки и Лэмпице, в центральной Польше. Таким образом из Праги,

из Чехословакии они переехали в Польшу. Имение Полуки сохранилось и сейчас оно принадлежит государству. Это дом с колоннами в стиле классицизма, сад и пруд перед домом. Они находятся в крайне запущенном состоянии. Там живут несколько семей. Я видела этот печальный уголок под Цехановым. Лэмпиче не сохранились: по ним безжалостно прошла война и осталась от имения одна лишь акварелька с его изображением. Младшая Тося стала женой старшего брата **Вацлава**, старшая из них - Неля - младшего - **Марека**. Род Гняздовских - старинный польский род, со своей историей и традициями.

Младшая дочь Чацких - **Антонина Антоновна**, родившаяся в 1911 г. в Мелекесе, закончила в Праге чешскую школу, затем в Польше в Варшаве была преподавательницей русского языка в школе. Тетя Тося была очень эффектная, неординарная, обаятельная женщина. Помню как-то раз в Варшаве мы с ней вдвоем пошли в скромный ресторанчик на улице Широкий Дунай на Старем Мясте. Я подарила ей

*Антонина и Корнелия
Чацкие. Мелекесс. 1917*

*Тося и Неля занимаются
хозяйством. Прага.
1920-е гг.*

*Свадебная фотография
Корнелии Чацкой и
Марека Гняздовского.
17 июля 1932*

имени Юлиуша Зарембского Она воспитала хороших учеников. Один из них - известный польский пианист **Марек Древновский**, который жил и с успехом выступал в 1980-е гг.

*Антонина Чацкая и Вацлав
Гняздовский. 16 июля 1932*

большой белый с розами павловский платок. Она его небрежно накинула на плечи и пока мы с ней сидели в ресторане, взоры большинства мужчин были обращены к ней, хотя я-то была моложе на двадцать с лишним лет, а ей уже было что-нибудь за шестьдесят. Не в возрасте дело.

Корнелия Антоновна, в замужестве Гняздовская, также проживала в Варшаве и была прекрасной пианисткой, преподавателем музыки. Закончила перед II-й мировой войной консерваторию и Школу высшего пианистического мастерства в Праге и до смерти, последовавшей в 1997 г., преподавала в Варшаве в музыкальной школе

в Сан-Ремо, затем вернулся в Польшу и под Варшавой имеет прекрасное имение Дылев, где проводит музыкальные фестивали, начиная с 1993 г. Я бывала в этом чудесном имении, восстановленном стараниями моего кузена Анджея Гняздовского – архитектора.

Корнелия Гняздовская - тетя Неля, перед войной с успехом концертировала и показывала мне отзывы прессы, где отмечалась ее своеобразная манера игры - энергичная, "мужская". Мне доводилось слышать ее игру и я совершенно согласна с автором этой статьи. Спустя 50 лет после того, как эта статья была опубликована в одной из пражских газет, в грозовой августовский день 1979 г. в Твери на квартире матери моего мужа я слышала замечательную игру тети Нели. Бушевал ливень, громы-хал гром, в открытое окно врвался ветер, а тетя Неля на старинном беккеровском рояле играла "Революционный этюд" Фридерика Шопена. Это стоило многих публичных концертов!

*Корнелия Чацкая (урожд.
Пересвет-Солтан) перед
войной, 1930-е гг.*

В пору межвоенной Польши они были, что называется, "на коне", жили в своих имениях. Сюда же к дочерям переселилась после смерти Антона Мартыновича, последовавшей в Праге в 1934 г., моя бабушка Корнелия Нарциссовна. В последние годы жизни Антон Мартынович работал управляющим на шоколадной фабрике "Штерке" в Праге. В голодные в Москве годы - в 1932-1933 гг. он присылал мне, грудному маленькому ребенку, в жестяных красивых банках какао и шоколад. Эти банки сохранились у нас до сегодняшнего дня. Он похоронен в Праге на кладбище Мальвазинки.

У Тоси и Вацлава 14 июля 1933 г. родился сын **Анджей Антони Гняздовский**, впоследствии, как я уже писала, ставший архитектором. В 1935 г. у Корнелии и Марека Гняздовских родился сын **Марек**, впоследствии ставший химиком-фармацевтом, ныне также проживающий в Варшаве с женой Ядвигой и дочерью Агнешкой. Я с ними постоянно общаюсь.

Как я всегда была рада встречам с тетями! Я начала ездить к родственникам в Варшаву с 1965 г., иногда летом и несколько раз на Рождество. Ведь в Польше с особой теплотой, радушием и лиричностью отмечают Сочельник - Wigiliju. Я помню, как где-то в 1970-е гг., отмечая Wigiliju у тети Нели, раскрыв в квартире все двери для простора, мы танцевали полонез. А мама, оставшаяся в Москве, когда я уезжала к ним, очень тосковала. Она вспоминала свою единственную поездку к ним в Прагу, о которой я уже писала в главе второй. Мама сохранила прекрасные воспоминания о пражском периоде своей жизни и всегда с большой любовью рассказывала о дружной семье, где все любили и уважали друг друга и никто не обидел другого недобрым словом. К сожалению, она уже никогда более не могла встретиться с ними. А с сестрами Корнелией и Антониной она смогла увидеться только после 1958-го г., когда тетя Тося первый раз приехала к нам из Польши как туристка. За то время, что они не виделись, все пережили много горьких дней.

Во время войны между нами связь, естественно, была потеряна. В 1946 г. почтальон вручил маме при мне письмо с таким адресом: "Люценке Гизелевской. СССР. Москва." Письмо шло около двух месяцев, но дошло. Это было письмо от бабушки. Связь восстановилась и родные общались с нами так, как будто и не прошло 21-го года, когда они не виделись с мамой, так, как будто мы всё время были вместе.

Там, в Польше, Гняздовские встретили трагическую дату 1 сентября 1939 г. Мы, живя в Москве, не знали, что

случилось с ними. Когда сообщили об оккупации немцами Польши, я семилетним ребенком была свидетельницей тому, как мама рыдала при звуках музыки Шопена, т.к. думала, что родные в Варшаве погибли.

В семье издавна жили патриотические традиции и, естественно, зрел протест по отношению к оккупации. Впоследствии оказалось, что осенью 1939 г. семья снялась с места из своего имения Полуки, что под Цехановым, и на подводах с детьми, няньками и скarbом отправилась на юг Польши. За время нацистской оккупации Польша потеряла 21,4% своего населения. На период 1939-1945 гг. фашисты расчленили страну таким образом: западные области присоединили к Третьему рейху, переселив туда 2 миллиона немецких колонистов, а в восточных областях образовали генерал-губернаторство рейхсляйтера Ганса Франка. Колонистам передали земли и дома местных жителей. Во время оккупации везде было плохо - и в генерал-губернаторстве, и в рейхе. Гняздовские были вынуждены вернуться к себе в Полуки.

Именiem Полуки пользовались немцы. Гняздовские теснились в одной комнатухе. Бабушка Корнелия Нарцисовна занималась детьми: помимо маленьких Анджея и Марека, здесь также жили дети родственников Гняздовских. Всех надо было накормить, одеть, обиходить и дать им основы знаний. Взрослых членов семьи немцы вынудили работать на них. Корнелия Гняздовская от недоедания, непосильной работы и переживаний потеряла пианистическую форму, что для нее было трагедией. У нее отказала левая рука, а ведь ее жизнь с детства была подчинена только занятиям музыкой. Еще маленькой девочкой она постоянно просила свою мать Корнелию научить ее игре на фортепиано и впоследствии это занятие составляло основу ее жизни, а теперь все рушилось. Но ведь рушилась не только её жизнь. Вокруг рушилась миллионы судеб.

Страшной жертвой, которую принесла семья на алтарь отечества, была жизнь Вацлава Гняздовского - мужа тети

Тоси, отца Анджея. Видимо, еще в самом начале оккупации он вступил в АК - Армию Крайову - патриотическую организацию, ставящую задачей освобождение родины. Он часто отлучался из дома. К нему приходили товарищи по оружию. Тетя Тося, догадываясь обо всем, просила его подумать о семье и оставить опасные занятия. Он ответил кратко: "Это забота не женская" и продолжал подпольную деятельность. Шли месяцы. Однажды в Цеханув, около которого находились Полуки, приехал из Варшавы связной, по нелепой случайности имевший при себе список группы, в которую входил Вацлав Гняздовский. Связного задержали. На след группы напало гестапо, начались аресты.

Вацлав Гняздовский в своем кабинете. Польша. 1930-е гг.

Но совершенно независимо от этих обстоятельств на квартиру Гняздовских по другой какой-то надобности пришли не гестаповцы, а простые пехотинцы, перепутав фамилию, они спросили родственницу Вацлава: "Здесь ли живет Гняздовский?" Вместо того, чтобы ответить, что его

нет дома, т.е. соврать, она сконцентрировалась на ошибке в фамилии и сказала: "Не Гвяздовский, а Гняздовский. Он дома." Пехотинцы вошли и застали его у радиоприемника слушающим английское радио. Так по нелепой случайности он был арестован, а когда уже был препровожден в комендатуру, там выяснилось, что его фамилия значилась в списке, изъятом у связного, прибывшего из Варшавы и арестованного накануне. Вацлав был зверски замучен в гестапо, его ноги были превращены побоями в кровавое месиво, но от него не добились ни слова. Так рассказывала тетя Тося.

Его имя запечатлено на символическом памятнике, поставленном во дворе того дома, где в Цехануве находилось гестапо. Символическая таблица в память о нем прикреплена и на могиле тети Тоси на Повонзках в Варшаве. Однако тело замученного фашистами Вацлава Гняздовского так и не нашли в братской могиле, когда в 1944 г. после прихода Красной Армии производилась эксгумация расстрелянных фашистами польских патриотов.

Я стала бывать в Польше, когда уже немного эти душевные раны у моих родственников затянулись, хотя такое не забывается никогда. Для меня эти поездки были истинным счастьем. Там люди и, прежде всего, тети Неля и Тося, были истинно добры ко мне, милы, честны в своих чувствах и были совершенными бессребреницами. Они ждали меня всей семьей, именно тети создавали эту тактичную, доброжелательную атмосферу, где не было места недовольному взгляду или резкой интонации. И я, как только пересекала границу и слышала польскую речь, уже настраивалась на радостную встречу. Один раз, когда я приехала под Рождество, меня встречали на Варшавском вокзале - Dworcu Centralnym с букетиком ландышей. Белоснежные душистые ландыши в конце декабря! Как это забудешь...

Они искренне радовались моим приездам, а в искренность не сыграешь. Они были светлы душой, человечны. Это такой дар, который невозможно имитировать, и сфальшивить здесь

нельзя. Ведь в их жизни было так много сложностей и несчастий, что порой они могли бы как автор этих строк сказать:

- *Послушай, я сойду с ума:*
Лихая, горькая судьба!
И жить осталось уж немного.
- *Такая лютая зима!*
- *Какая дальняя дорога!*

Однако они не унывали, всегда оставались милыми, благородными, доброжелательными, расположенными к людям, и, входя к ним в дом, человек чувствовал, что вот именно его-то они все время ждали и, наконец-то, дождались и рады этому. Они окутывали душевным теплом, и одаривали вниманием. Такой же по отношению ко мне была ныне покойная жена моего двоюродного брата Анджея Гняздовского - **Анна Вольницкая-Гняздовская (1937-2006).**

Гняздовские (слева направо) - Антонина, старший Марек, двое справа - Корнелия и Анна. В центре – их внучка Ольга Понсова (урожд. Стародуб). Варшава. Конец 1970-х гг.

Корнелия Гняздовская - тетя Неля, Антонина Гняздовская - тетя Тося и Аня Вольницкая-Гняздовская светлые лики на моем жизненном пути.

Они теперь на Повонзках, но ни в коем случае не будем грустить, они бы нам этого не позволили. Они бы говорили: "Улыбайтесь, радуйтесь, мы желаем, чтобы вам было хорошо!"

Мне хотелось бы закончить эти записки строками из стихотворения Александра Кочеткова "Баллада о прокурённом вагоне" (1932):

С любимыми не расставайтесь!

.....
Всей кровью прорастайте в них -

.....
И каждый раз навек прощайтесь!

.....
Когда уходите на миг!

P.S.:

Анджей Гняздовский и Корнелия Гняздовская также посвятили истории нашей большой семьи своё сочинение. Оно называется: "Wspomnienia Kornelii Gniazdowskiej", autor Andrzej Gniazdowski – "Воспоминания Корнелии Гняздовской", автор – Анджей Гняздовский. Действительно, история нашей семьи заслуживает большого внимания и уважения.

Библиографические заметки

- ¹ Энциклопедический словарь, т. XXX (60). – СПб., Типография "Издательское дело" Брокгауза-Ефрона, 1900. С. 818.
- ² Беларуская савецкая энцыклапедыя на беларускай мове. – Минск: БСЭ. 1973. Т. IX. С. 630.
- ³ Mały słownik języka polskiego. Wydawnictwo Naukowe, Warszawa, 1968.
- ⁴ О происхождении шляхетских родов в юго-западной России, Киев: в типографии Е. Федорова, 1867.
- ⁵ Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S.J. Wydany przez Jana Bobrowicza. W Lipsku. T. VIII. 1841., T. II 1839. S. 109-110, 457-458.
- ⁶ Herby rycerstwa polskiego. Syrokomla. Układ opracował Jerzy Wisłocki. Herbarz ukazuje się staraniem Biblioteki Kórnickiej. PAN. 62-035 Kurnik i Wydawnictwo Ossolineum we Wrocławiu. C-12 ISBN 83-04-02231-1. 1991. S. 914-928.
- ⁷ Tadeusz Gajl. Herbarz polski od średniowiecza do XX wieku: ponad 4500 herbów szlacheckich 37 tysięcy nazwisk 55 tysięcy rodów. L&L, 2007. S. 406-539.
- ⁸ Новый энциклопедический словарь. – М., Изд. Большая Российская Энциклопедия, "Рипол Классик", 2002. С. 328-329.
- ⁹ Адрес-календарь за 1916. С. 184.
- ¹⁰ Адрес-календарь за 1916. С. 274.
- ¹¹ Jerzy Sewer HR. Dunin-Borkowski. Spis nazwisk szlachty polskiej. Lwów. Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta przy placu Katedralnym. 1887: "Żakowicz na Żmudzi. 1528 (M.Lit)". S. 525.
- ¹² Сибирь в истории и культуре польского народа, М., Ладомир, 2002. С. 6-569.
- ¹³ Стшижевская С. Ссылные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. – Там же. С. 124.

¹⁴ Зюлек Ян. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. – Там же. С. 135.

¹⁵ Стромиллов Е.Н., Славин И.И., Манкуни Г.Г. Волго-Балт с борта теплохода. Л.: 1984. С. 101-114.

¹⁶ <http://kdkv.narod.ru/1864/Ssylka-Olonezk.html#Literatura>. – Петричева И.С. «Политическая ссылка в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв.»

¹⁷ На запрос Антонины Шмелевой в Государственное казенное учреждение Республики Карелия "национальный архив Республики Карелия" 6 апреля 2015 г. был получен ответ за №11685/4-14 в форме "архивной справки", основанием для которой является фонд 2, опись 1, дело 29/543, лист 25, оборот лист 30.

¹⁸ Определение майората в издании начала XX в. "Большая Энциклопедия" под редакцией С.Н.Южакова. СПб. Типография Товарищества "Просвещение", ул. 7 рота, 20. 1903. Т.12. с. 502.

¹⁹ Центральный Государственный Военно-исторический архив. Министерство главного штаба. Фонд 400, опись 9, дело № 30610. Лист 43, лист 43, оборот, лист 44.

²⁰ Коллежский асессор - гражданский чин 8 класса. С 1856 г. – младший чин, дававший личное дворянство. В 1722-1845 гг. давал потомственное дворянство. По "Табели о рангах" Российской империи, сложившейся к 1913 г., в российском государственном аппарате существовало 14 чинов. "Российская историческая мозаика". Автор - составитель А.К.Стась. М., НИЦ "СНИИП", 1992. С. 23, 38.

²¹ Большая Энциклопедия. Под редакцией С.Н. Южакова. СПб., 1903. Т. 13. С. 55-56.

²² "Московские Новости", №28, от 12 июля 1992. Статья Генриха Иоффе. С. 21.

²³ Herbarz Polski imionospis zasłużonych w Polsce ludzi wszystkich stanów i czasów. Lwów. Drukiem Kornela Pillera. 1855. T. I. S. 13-14.

Литературно-художественное издание

Корнелия Стародуб

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ПОРЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Литературное и художественное редактирование

Антонины Шмелёвой

Компьютерная верстка

Вадима Кожуховского

Издательство ООО «Вариант».
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.
E-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать: 21.04.2017. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печ. листов 11.
Тираж 120 экз. Заказ №157.

ООО «Вариант».
109093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.

